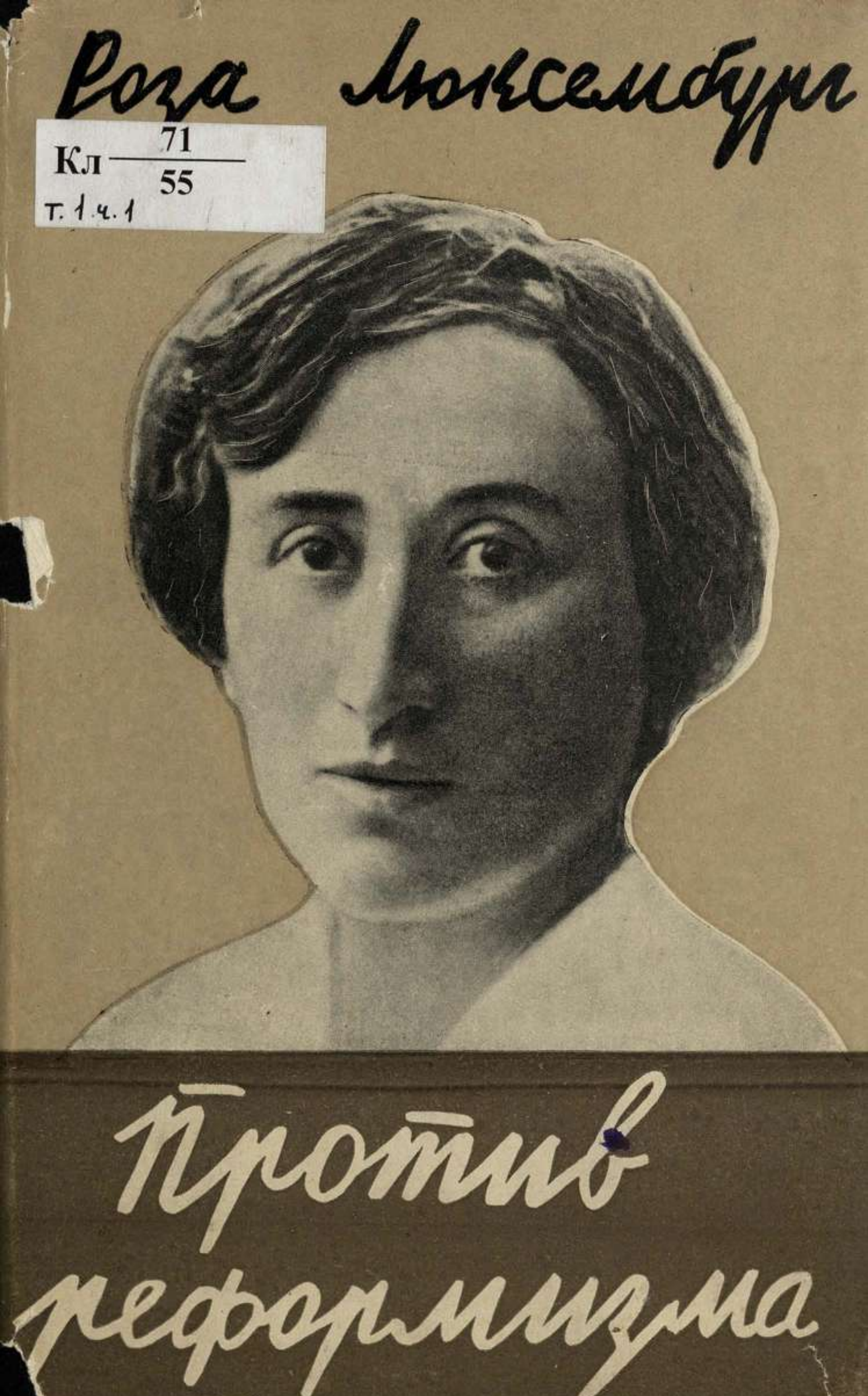
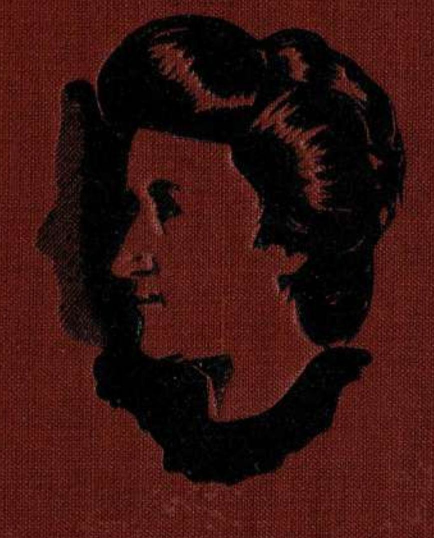
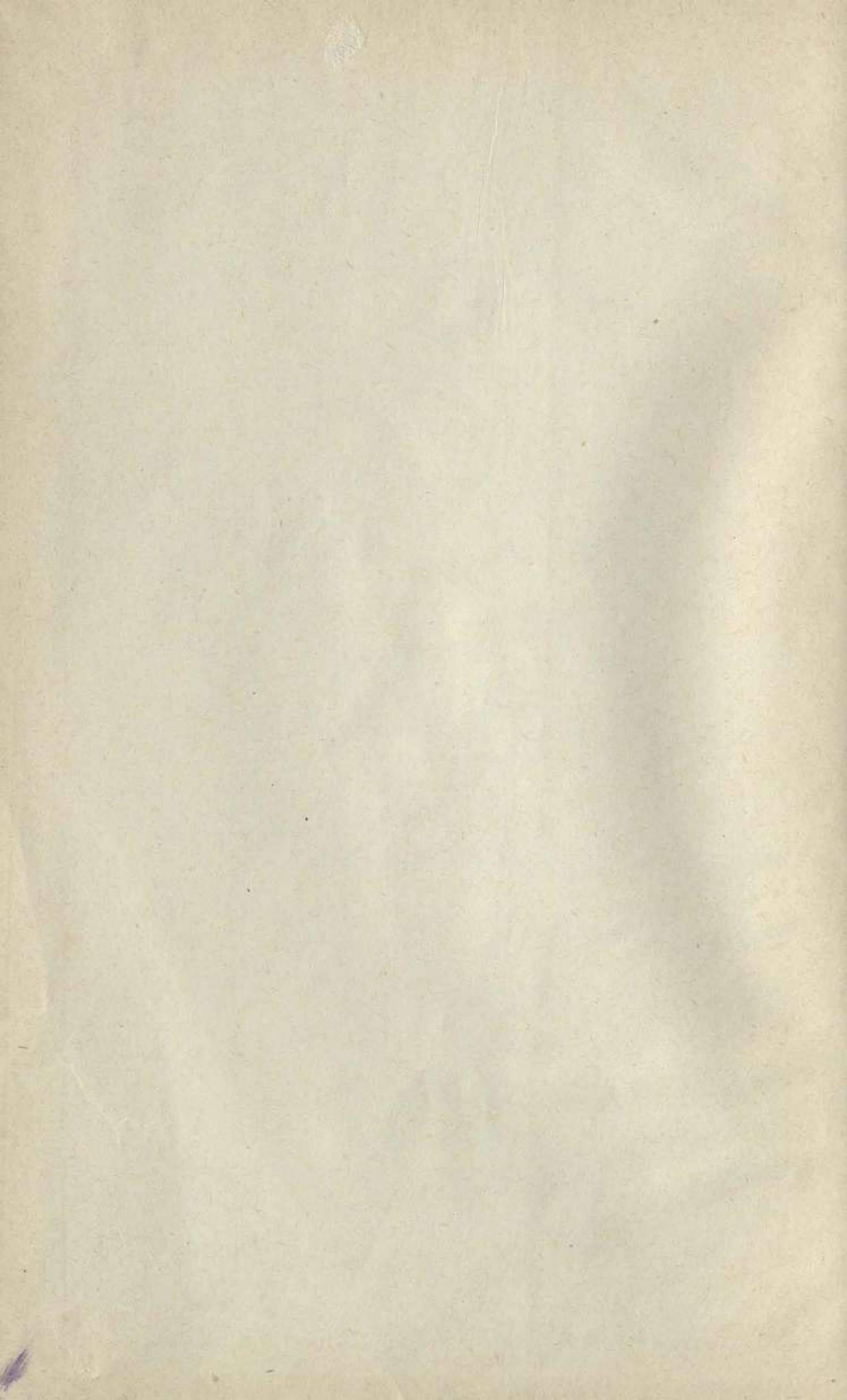

Роза Люксембург
Против реформизма

Роза Люксембург

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

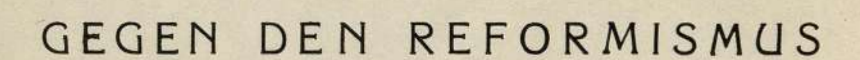
ПРОТИВ РЕФОРМИЗМА

ЧАСТЬ I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И С ПРИМЕЧАНИЯМИ
ПАВЛА ФРЕЛИХА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

ROSA LUXEMBURG

GEGEN DEN REFORMISMUS

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПРОТИВ РЕФОРМИЗМА

ЧАСТЬ I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И С ВВЕДЕНИЕМ
ПАУЛЯ ФРЕЛИХА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

Типография и Словолитня
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
3-я Мосполиграф
Москва, М. Грузинская ул.,
Столярный пер., д. 5-7.
Гублит № 48.842
Тираж 4.000 экз.
1928 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящее издание является переводом III тома собрания сочинений Розы Люксембург, выпущенного на немецком языке под ред. П. Фрелиха.

В русском издании работы Р. Люксембург по экономическим вопросам редактированы тов. Ш. Дволайцким, а по остальным—тов. Г. Малецким.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЮЗНИКИ РЕФОРМИЗМА

ПРЕДИСЛОВИЕ

К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Нам думается, что Роза Люксембург не нуждается в рекомендации. Яркая фигура великой революционерки широко известна трудящимся нашей страны. Выдающаяся роль, которую сыграла Роза Люксембург в истории рабочего движения Германии и Польши, громадная роль Розы Люксембург во II Интернационале, ее неутомимая борьба с реформизмом и оппортунизмом всяких толков, ее блестящий литературный талант, глубокое понимание марксизма, громадные знания, ее самоотверженная служба делу пролетариата, героическая жизнь и трагическая кончина на передовом посту пролетарской революции—делают из Розы Люксембург одну из самых и привлекательных фигур в истории революционного движения. Проблемы, разбираемые со свойственным ей революционным темпераментом, продолжают и теперь стоять в центре внимания пролетарской мысли на Западе и у нас.

Для всякого, желающего разобраться теоретически в истории марксистской мысли и в истории тактических проблем, волновавших и волнующих западно-европейский пролетариат, сочинения Розы Люксембург должны быть настольной книгой, ибо, как всякий выдающийся ум, Роза Люксембург не перестает быть поучительной даже в своих ошибках.

Для нас Роза Люксембург особенно важна тем, что она является, с одной стороны, самым ярким и талантливым революционным марксистом левого крыла довоенной эпохи, с другой стороны,—вождем, теоретиком и руководителем польского революционного рабочего движения, в лице польской социал-демократии, входившей в состав РСДРП и примыкавшей в свое время к ее большевистскому крылу.

Таким образом, Роза Люксембург в известной степени представляла в своем лице одновременно рабочее движение и Западной Европы и России, пока Ленин не завершил про-

цесс синтеза революционного движения всего мира, создав программу и тактику пролетарской партии в эпоху социальной революции.

Многое из того, о чем писала и говорила Роза Люксембург, неизвестно русскому читателю, ибо статьи ее разбросаны в разных недоступных журналах и газетах, речи напечатаны в протоколах партейтагов и даже на немецком языке впервые собраны в нынешнем собрании сочинений Люксембург. Кроме того, много статей и работ Люксембург издано только на польском языке, и теперь впервые эти работы будут доступны русским и иностранным читателям, не знающим польского языка.

Первый том нашего издания посвящен работам Розы Люксембург, касающимся борьбы с реформизмом за период с девяностых годов до 1912 г. В этом томе (в немецком издании, том III), мы имеем блестящую, глубокую и уничтожающую критику «теории» реформизма и неумолимую борьбу с его практикой. Для удобства этот том издается в двух частях. Дальнейшие томы будут посвящены вопросам профессиональной борьбы, всеобщей забастовки, организационным вопросам, польскому вопросу (национальный вопрос в Польше, проблемы тактики в польском движении), вопросам русской революции, вопросам, выдвинутым империалистической войной.

Г. Малецкий

Ш. Дволайцкий.

ВВЕДЕНИЕ

Своими статьями против Бернштейна Роза Люксембург впервые выступила на арену внутренней борьбы немецкой социал-демократии и сразу же встала в ряды тех теоретиков, которые на рубеже нового столетия были признанными хранителями заветов Маркса: Меринг и Каутский в Германии, Лафарг и Гед во Франции, Плеханов в России и др. Более того, уже в своем труде «Социальная реформа или революция?» Роза Люксембург обнаружила свое превосходство над прочими эпигонами Маркса. Снова социал-демократия услышала речь, какой ей не приходилось слышать со времени знаменитых боевых статей Маркса и Энгельса. И впечатление это создавалось не только юношески-свежим темпераментом, не только боевым задором. Чувствовался смелый полет мысли, направляемой революционной волей. В монументальности ее стиля нашли выражение и жажда действия и непоколебимая уверенность в победе. Здесь говорил человек, которому недостаточно было раз'яснять положения Маркса и защищать их против нападок. Под ее пером ожила самая сущность революционной науки, которая чувствует пульс жизненного процесса общества, заранее намечает его путь и умеет изобразить его с жизненностью, двигающей людей на действия. Это превосходство давала Розе Люксембург диалектика, выросшая из живого восприятия явлений. Диалектика эта открывала ей доступ к логическим выводам, которые вырастали все выше и быстрее и которым поневоле удивлялся какой-нибудь Шиппель, даже и тогда, когда они приводили к абсурду его собственные построения. Эта диалектика открывала ей также возможность видеть всякое отдельное явление повседневной борьбы в его связи с общим потоком развития и увязать его с конечной революционной целью.

Не теряя никогда из вида весь социальный процесс в целом, она и к Интернационалу подходила с пониманием, почти чуждым ее времени. Для нее Интернационал не был

соединением национальных партий, симпатизирующих одна другой, а органическим единством, члены которого только приспособляются к особым условиям отдельных стран. Ей казалось совершенно естественным, что она, полька, работает в рядах германской социал-демократии, шедшей в то время во главе интернационального пролетариата и предоставлявшей ей широчайшее поле действия. В 1893 г. ее еще могли отстранить от участия в Международном конгрессе в Цюрихе, как неизвестную представительницу безызвестной польской организации, но, начиная с 1898 г., она уже принимала участие во всех важнейших дискуссиях Интернационала, и критикой, беспощадно вскрывавшей все ошибки и слабые места и устанавливавшей общие правила революционной тактики, заставляла прислушиваться к своему голосу.

В то время весь Интернационал действительно переживал тяжелый кризис, который всего острее чувствовался в Германии, где и вел к наиболее бурным теоретическим дебатам. Это был кризис реформизма.

Для того, чтобы понять этот кризис, надо уяснить себе характер партии до момента его наступления. Было бы ошибкой рассматривать реформизм просто как возврат к давным-давно преодоленной партией фазе развития. Вернее было бы сказать, что этот реформизм, поскольку он выступал в теоретической форме, представлял собою реакцию после прогресса марксизма в сознании партии, незадолго до появления реформистских идей, а также и под их воздействием. И, наблюдая огромные успехи реформистской практики, начиная с 90-х гг., не следует забывать, что весьма относительная добродетель партии в прошлом была, главным образом, обусловлена отсутствием подходящего случая согрешить. Ведь по существу неправильно, когда Меринг и другие вновь и вновь указывают на хорошие марксистские традиции немецкой социал-демократии и жаждут вернуться к доброму старому времени. Такая мысль могла явиться только при воспоминании об обоих корифеях, а также о Лассале и Швейцере. Революционный классовый инстинкт в немецкой социал-демократии принужден был во все времена бороться с оппортунизмом, и победа доставалась ему тем труднее, чем ближе к мелкой буржуазии стоял сам рабочий класс, чем меньше пищи давал ему революционный опыт и чем ниже оказывался уровень теоретического познания. Марксизм, по знаменитому и полному горечи выражению Маркса, в сознание партии проник не дальше самой поверхности, и надо признать незабываемой заслугой Франца Меринга то, что он сумел распространить в немецкой социал-демократии живое понимание Маркса. По всему своему существу марксизм, возникший в революционное время, мог действительно возродиться только при новой революции.

Немецкая социал-демократия возникла через пятнадцать лет после потерпевшей крушение революции. Шестидесятые годы прошлого столетия были эпохой бурного развития немецкого капитализма. В это время пробуждается классовое сознание немецкого пролетариата. Но он еще связан тысячью корней с мелкой буржуазией. Характерны два явления: великий подвиг Лассаля в отрыве рабочего класса от так называемой буржуазной демократии. Но в эйзенахском направлении нужен еще многолетний процесс, чтобы закончить этот отрыв от демократии. Это одна сторона дела. Другое явление: в обоих направлениях, как в эйзенахском, так и лассалианском, сначала организуются не рабочие крупной промышленности, а сапожники, портные, табачники, печатники и т. д.

Таким образом, ядро обеих партий составляют те рабочие, которые всего теснее связаны с мелкой буржуазией. Хотя в процессе десятилетней борьбы враждующих направлений эйзенахцы и называют себя с гордостью марксистами, но мы тщетно бы стали искать у них самостоятельного выявления марксистского духа. Арсенал этого направления точно так же состоит из агитационных статей Лассаля, к которым прибавлены еще всевозможные банально-демократические идеи, лозунги мелкобуржуазных социалистов 1848 г. и всякая тому подобная мешанина.

Программа об'единения обеих партий (Гота 1875 г.) ясно свидетельствует о низком уровне теоретического познания и об отсутствии революционного сознания даже после Парижской Коммуны. Как характерно, что резкая критика проекта программы, данная Марксом и Энгельсом, не оказала никакого влияния! Очевидно, она вообще оставалась непонятой, потому что только при этом условии могли быть сохранены окаменелые формулы Лассаля, расплывчатое понимание государства, и, в особенности, полнейшая неясность в вопросе о цели партии.

С ростом об'единенной партии ее ряды пополнились новыми элементами буржуазной интеллигенции. Прудонисты проповедывали свои спасительные учения, эклектизм Дюринга встречал сплошное одобрение, и в 1877 г. Энгельсу удалось лишь с большим трудом отвоевать на столбцах центрального органа Volksstaat место для своего остроумного сокрушительного похода против Дюринга. Zukunft («Будущее»), орган моралиста Гехберга, на страницах которого слезливо проповедывался мирный социализм, признавался наполовину научным органом партии. Марксизм мог лишь с трудом бороться против всех этих влияний. Ко всему этому прибавился еще закон о социалистах, задерживавший на каждом шагу процесс кристаллизации. И все же партия прогрессировала.

Как обстоял вопрос практики? Известно, что первоначально на исключительный закон партия ответила так, что было почти совсем похоже на капитуляцию, и что достойную линию поведения она нашла только под давлением лондонских корифеев и благодаря самопомощи масс. Началась та мелочная борьба с государственной властью, которая явилась для партии хорошей школой и обнаружила бессилие постыдного закона. Плохо было то, что легальным, об'единяющим центром, который был необходим партии для агитации, могла служить только фракция рейхстага, которой было передано также и руководство партийной жизнью. Это подвергало партийное руководство всем случайностям общих выборов и гораздо более, чем это было нужно, подчиняло всю политическую жизнь партии парламентарным нуждам фракции. Хотя тяжелые преследования в течение тех двенадцати лет, когда партия считалась вне общего закона, вновь и вновь укрепляли сознание смертельной вражды между партией и буржуазией с ее полицейским государством, тем не менее, оппортунизму удалось свить себе в партии прочное гнездо. Он был тем более опасен, что фракция рейхстага, в своем ослеплении, считала себя непогрешимой и выше всякой критики [1]). В вопросе субсидирования пароходных линий в размере пяти миллионов марок ежегодно большинство фракции (18 гол. против 6) стало на явно реформистскую точку зрения, к которой уже тогда примешивались аргументы, позже приводившиеся в пользу самого крайнего социал-империализма. В эпоху социального бисмаркского законодательства реформистский утопизм порою хватал через край [2]). При этом особенно наглядно обнаруживалась полная неясность в вопросе о сущности государства. Правда, при агитации сплошь и рядом говорилось о государстве, как об аппарате управления господствующих классов, но в то же время постоянно приходится убеждаться,

---

[1]) Пример. Когда в 1885 г. франкфуртские товарищи в «Социалдемократе» (Socialdemokrat) раскритиковали несостоятельность фракции в вопросе пароходной субсидии, фракция издала указ, в котором говорилось: «Она (фракция) не оспаривает права редакции и корреспондентов партийного органа на самостоятельную критику, но она полагает что интересам партии наносится существенный ущерб, когда постановления депутатов обсуждаются в таком тоне, который может уронить фракцию в глазах стоящих в стороне партийных товарищей... Не газете надлежит определять линию поведения партии, а, наоборот, фракция призвана контролировать позицию газеты». Бебель был против этого взгляда.

[1]) Так, например, в 1888 г. Norddeutshe Volksblatt поместила статью: «Клад Нибелунгов будущего«, в которой страхование инвалидов превозносилось как средство обратить государство в крупнейшего кредитора ипотечным обязательством. Какие выводы? «Империя, принудительно сделавшая себя мандатарием немецкого рабочего класса, скупает в частно-правовом порядке земельные имущества на те деньги, которые рабочий класс обязан отдать ему из своего заработка. В чьих

что смысл этих слов не успел глубоко проникнуть в сознание, даже среди партийных вождей.

Полинявший идеализм пускает вновь и вновь пестрые мыльные пузыри; например, Вильгельм Либкнехт, при обсуждении закона о страховании от несчастных случаев, восклицает: «Мы верим, что государство, цели и назначение которого мы ставим чрезвычайно высоко, осуществляет культурную задачу уничтожения противоречия бедности и богатства; и поскольку мы признаем за государством эту миссию, постольку в принципе мы поддерживаем этот закон... Взяв в свои руки страхование от несчастных случаев, государство получает возможность взять в свои руки также и контроль над промышленностью. Это абсолютно необходимо. Если бы князь Бисмарк не имел в виду как раз этих выводов, то весь этот закон был бы не более, чем жалкая комедия, а в этом мы не в праве заподозрить князя Бисмарка». В дебри предвыборной агитации совершенно не стоит углубляться. Из переписки Маркса и Энгельса мы знаем, что оба вождя неизменно старались добиться ясности основных понятий путем непосредственного воздействия на руководящих представителей партии. Но они это делали без особого успеха. Только журналу Neue Zeit удалось популяризировать некоторые идеи марксизма и ввести их в обиход верхних слоев партии. Заслуга в этом принадлежит Каутскому. Но это заслуга лишь наполовину, так как и Каутский не понял истинно-революционного духа марксизма.

Таким образом, вплоть до издания закона о социалистах, идеология германской социал-демократии носила весьма расплывчатый характер.

Эрфуртская программа (выработанная на партийном с'езде в Эрфурте в 1891 г.) является в той мере, в какой она характерна для II Интернационала, высшим выражением марксистского познания. Она ясно обозначает границы, которые могли быть достигнуты. В первой части описывается процесс развития капиталистического общества. Он оказывается здесь всецело результатом действия слепых социальных сил. Завоевание власти окутано глубочайшим туманом. Поэтому мы тщетно ищем определения сущности как пролетарской диктатуры, так и стратегии и тактики партии. Вторая часть Эрфуртской программы, посвященная практическим вопросам, не находится ни в какой идейной связи с ее «принципиальной

интересах? Может ли быть сомнение? Конечно, в интересах того, кто дает на это деньги, в интересах немецкого народа... Не будем решать вопрос о том, следует ли это назвать «социальной реформой». При этом, несомненно, идет речь о социальном перевороте». Эта статья была, вероятно, написана Фроме, который в то время был во власти националистического дурмана, но при всем том мог считаться одним из наиболее уважаемых вождей.

частью». Выставляются требования, которые никогда не выходят за рамки буржуазного государства. Это служит бессознательным выражением того, что социал-демократия, чем бы она себя ни считала, в действительности являлась оппозиционной партией, или партией реформы.

По поводу одного проекта, составленного Центральным Комитетом партии, Энгельс выразился так: «На первый план выдвигаются общие, абстрактные политические вопросы, которые прикрывают ближайшие, конкретные вопросы,—те вопросы, которые сами собою станут на очередь при первых же крупных событиях, при первом же политическом кризисе. Что же может из всего этого получиться, кроме того, что в решительный момент партия вдруг окажется беспомощна, что по основным вопросам не будет ни ясности, ни уверенности, потому что вопросы эти никогда не подвергались обсуждению?» Этой кардинальной ошибкой страдает также и программа, составленная Каутским; но это была общая болезнь всей партии,—болезнь оппортунизма проникла до мозга костей партии. Против нее к концу восьмидесятых годов возникает оппозиция, движение молодых. Этой оппозицией руководил ряд молодых интеллигентов: Кампфмейер, Ганс Мюллер, Шиппель, Вилле, рядом с ними выступали рабочие: Вильдбергер, Менцель, Багинский, Вернер, Катер, Евгений Эрнст, Шнейдт и др. Стоя на почве социал-демократии, «молодые» восставали прежде всего против переоценивания парламента, против того оппортунизма, который тогда обозначался термином государственного социализма, против того, по их мнению, безмерного централизма, который проводился фракцией рейхстага, и требовали более резкого подчеркивания революционного характера партии. Это они, «молодые», ожесточеннее всего вели борьбу против тех иллюзий, которые безмерно разрослись в партии после падения Бисмарка и об'явления молодым Вильгельмом социальной империи. Это движение отличалось большой неясностью. Прежде чем «молодые» успели формулировать свои идеи, они были разбиты в беспощадной борьбе, об'явленной против них вождями партии, и внутри партии движение было искоренено путем исключения из партии. После Эрфуртского партийного с'езда «молодые» об'единились в «Союз независимых социалистов» (основан 8 ноября 1891 г.). Только в этой новой организации им удалось осознать собственную сущность. На страницах их партийного органа «Социалист» изо дня в день, из года в год велась борьба между марксизмом и анархизмом. Победа осталась за анархистами, духовным вождем которых был Ландауэр. В организации «независимых» мы имеем зародыш немецкого синдикализма. Очень характерно, что интеллигентская часть «молодых» почти поголовно перешла на сторону реформизма или же погрязла в эсте-

тической кружковщине, между тем как пролетарские элементы перешли на сторону синдикализма. Партийный с'езд в Мюнхене в 1902 г. признал, что борьба против «молодых» велась слишком сурово. С'езд вновь принял в партию Вильдбергера.

В настоящее время, конечно, легко оправдать исключение «молодых» из партии указанием на дальнейшие этапы их развития. Но движение отнюдь не должно было непременно пойти в этом направлении. Однако, вполне понятно, что борьба против «молодых» лишила партию силы вести борьбу, которая становилась все более неотложной, борьбу против реформизма. «Молодым» придавал силы для нападения как раз тот факт, что с разгаром их движения сорвалась первая попытка ориентировать партию на сознательно оппортунистическую тактику. Эта попытка исходила от Георга Фольмара.

Фольмар, бывший баварский офицер, во время действия исключительного закона причислял себя к непримиримым радикалам. Он постоянно выступал против мягкотелости и трусливости. По вопросам о субсидировании пароходства он, вместе с Бебелем и Бернштейном, выступал против оппортунистического большинства, и, когда Бебель в 1880 г. оговорился в рейхстаге, что социал-демократия приняла бы участие в оборонительной войне, Фольмар дал ему основательный нагоняй на столбцах «Социал-демократа». После отмены исключительного закона Фольмар проделал путь в Дамаск. Когда партия была снова подчинена общему закону гражданского порядка, Фольмар счел нужным поднять вопрос о том, не взяла ли имперская политика такой курс, который принуждает также и социал-демократию к пересмотру принятых ею тактических приемов.

На этот вопрос Фольмар ответил утвердительно в двух своих речах, которые он произнес 1 июня и 6 июля 1891 г. в Мюнхене в помещении «Эльдорадо», и потому стали известны под названием фольмаровских речей «Эльдорадо». С поэтическими перепевами он говорил: «Неподвижное пришло в движение, вначале, естественно, медленное и часто прерываемое, но которое в дальнейшем должно становиться все более оживленным и не знающим преград. Прежнее оцепенение прошло, прежний лед растаял, скованные прежде силы пускают ростки, приходят в движение... Сломлено принципиальное сопротивление против всякого рода перемен и реформ. Правительство вступило на путь законодательной защиты рабочих, по которому, несмотря на все противодействия, оно пойдет все дальше и дальше». Правда, при описании фактического положения вещей, Фольмару приходилось прибегать к разным оговоркам: «хотя», «однако», но все же он был преисполнен глубочайшего доверия к доброй воле буржуазного общества. Надо вступить

на путь «соглашения», заняться «реальной политикой». «Доброй воле—открытая ладонь, злой воле—кулак». Правда, главным врагом является господствующее в современном обществе противоречие интересов, но многих хороших людей делает противниками социализма незнание и предубеждение, и их можно привлечь путем разумной тактики. Он ссылался на известные слова, которые Вильгельм Либкнехт, привычно отдававшийся во власть своих мыслей, отчеканил на партийном с'езде в Галле в 1890 г.—«буржуазное общество врастает в государство будущего»,—слова, которые так злостно высмеял Фридрих Энгельс: «процесс происходит постепенно, последовательно, органично». «В общем, происходит медленное, органическое развитие. Подобно тому, как явления природы развиваются не путем толчков или внезапно следующих одно за другим превращений, так и один общественный порядок сменяет другой, не как замкнутое в себе, ничем не связанное единое целое. Бесчисленные корни сегодняшнего во вчерашнем и завтрашнего в сегодняшнем не допускают появления чего бы то ни было абсолютного; все политические и социальные состояния представляют собою нечто относительное, переходные формы. Наша задача должна заключаться в том, чтобы использовать сегодняшнюю форму для воздействия на форму завтрашнего дня».

«Для социалиста есть два способа действия,—заявлял Фольмар:—тактика абсолютного, признающая себя единственно революционной, возвышающаяся над всеми мелочами плоской действительности, и тактика политического реформирующего воздействия, стремящаяся достигнуть цели единственно возможным способом частичных успехов. Последняя движется зигзагами, но на прочном основании действительности; первая же проводит идеальную линию через воздух, которая, правда, гораздо короче и идеальнее, но зато в такой же степени недоступна».

Это было вполне недвусмысленное признание реформизма. Оно дополнялось тем, что неизменно сопутствует реформизму—национализмом. Фольмар в выспренних выражениях восхвалял Тройственный союз, который является не чем иным, как гарантией сохранения европейского мира. Он с бешенством обрушивался на социалистов в Италии и во Франции, которые не верили в эту миссию союза Германии, Австрии, Италии, и предупреждал «заграничных шовинистов и политиков реванша, что, в случае нарушения мира, они встретят социал-демократов в рядах обороны».

Тем не менее, и в этих «речах Эльдорадо» заключалась разумная мысль, и доказательство духовной незрелости социал-демократов того времени можно видеть как раз в том, что они, не схватывая существа этой мысли, как раз в ней усматривали оппортунизм Фольмара. Это делалось не совсем

без основания, но и не с полным основанием. Фольмар выдвигал положительную программу действия, заключающую следующие пункты:

1. Дальнейшее развитие защиты рабочих.
2. Завоевание настоящего права союзов.
3. Обеспечение борьбы за заработную плату от вмешательства государства в пользу предпринимателя.
4. Законодательные меры против промышленных трестов, картелей и синдикатов.
5. Отмена пошлин на предметы первой необходимости.

Конечно, пункт 4 обнаруживает мелкобуржуазный утопизм, и его необходимо исключить. Он только характерен для социального происхождения фольмаровского оппортунизма. Вся программа страдала тем, что она не заключала никаких по существу политических требований, никаких требований, которые бы выходили из рамок капиталистического государства. Но самая мысль сосредоточить пропаганду социал-демократии на определенных вопросах, которые в то время должны были особенно волновать рабочий класс, означала несомненный прогресс. Соединение в одной программе повсеместно пропагандированных требований, упорное и неугомимое внедрение их в сознание рабочих повело бы к значительной концентрации сил в классовой борьбе и уже в то время могло вызвать массовые выступления значительного масштаба. Но этот смысл фольмаровской программы не был понят. Это об'ясняется тем, что она была погружена в тину реформистских настроений. Сам Фольмар ничего не сделал для ее осуществления, хотя он, в качестве «короля верхней Баварии», имел бы к тому полную возможность. И это, в конце концов, служит доказательством того, что его вовсе не занимало повышение интенсивности классовой борьбы, а что он, несмотря на все комплименты по адресу «конечной цели», не искал средств ускорить завоевание власти и хотел противопоставить классовой борьбе—реформу. Фольмар имел до некоторой степени право удивляться нападкам, посыпавшимся на него по поводу первой «речи Эльдорадо», со стороны Либкнехта в «Форвертсе», со стороны «молодых», а затем почти со всех сторон,—и он не совсем был неправ, указывая на то, что, в сущности, он лишь высказал вполне обыденные мысли. Но он первый высказал, заострив и об'единив в систему мысли, которые до того высказывались так же легко, как и другие весьма радикальные с виду положения, без того, чтобы кто-либо отдал себе сполна отчет в их значении. Он обострил взор других, и они поняли: это путь в болото! Это была невольная заслуга Фольмара,—он до известной степени углубил революционное сознание.

Годом позже (1892 г.) Фольмар поместил во французском журнале «Revue bleue» статью «О государственном социализме

Бисмарка и Вильгельма II». Под **государственным социализмом** в то время понималась целая система государственного вмешательства в социальную жизнь: законы в защиту рабочих, страхование рабочих, национализация и т. д. В своей статье Фольмар проводил ту мысль, что «социал-демократия не имеет основания особенно горячо бороться против самой идеи государственного социализма. Ведь, наоборот, мы стремимся к целому ряду таких мер для постепенного установления лучшего социального порядка, которые с полным правом можно назвать государственно-социалистическими». За этим следовала элегическая жалоба на то, что социал-демократию попрежнему ошибочно считают партией, враждебной государству. Этим реформизм окончательно поставил точку над *и*, признав капиталистическое государство, правда, нуждающимся в улучшении, но, тем не менее, богом данным учреждением. На это «Vorwärts» (21 июля 1892 г.) заметил: «Это уже не государственный социализм, а правительственный социализм».

Как отнеслась партия к Фольмару? На партийных с'ездах в Эрфурте в 1891 г. и в Берлине в 1892 г. происходили горячие прения. Но между тем как «молодых» с позором изгоняли из партии, в отношении к Фольмару ограничились осуждением его взглядов. Но если скорлупа была отброшена, то ядро все же осталось. Реформизм был спасен, так как не резолюциями можно его сжить со света.

Впрочем, на берлинском партийном с'езде Фольмар применил ту тактику, которая впоследствии была возведена реформистами на степень искусства. А именно, после того как оппортунистические взгляды Фольмара подверглись уничтожающей критике, он, совместно с Либкнехтом, предложил резолюцию, в которой говорилось, что «... так называемый государственный социализм, поскольку он занимается социальными реформами или улучшением положения рабочего класса, является половинчатой системой, обязанной своим происхождением страху перед социал-демократией. Цель его—путем мелких уступок и всевозможных паллиативных мер оттолкнуть рабочий класс от социал-демократии, и тем самым ее парализовать... Социал-демократия по самому своему существу революционна, а государственный социализм—консервативен. Социал-демократия и государственный социализм—непримиримые противоположности».

Все это лишь «недоразумение». И это «недоразумение» обнаруживается во всех решающих перипетиях дискуссии о реформизме.

В последующие годы партия была поглощена длительными **дебатами по аграрному вопросу**. Оппортунисты сделали первую дружную попытку установить тактическую линию партии. Инициатива и на этот раз исходила

от Фольмара. Был поднят вопрос о том, каким образом можно заинтересовать крестьянство и привлечь его к партии. Для различных округов были назначены аграрные комиссии, которые должны были разработать аграрную программу. Но результатом совещания явилась страшнейшая неразбериха. Ведь вопрос ставился не так, как он ставится в наши дни Коммунистическим Интернационалом: как можно привлечь крестьян к завоеванию власти пролетариатом? Или как можно их, по крайней мере, нейтрализовать в этой борьбе? Только Шенланк как-то мимоходом высказал эту мысль. Речь шла, собственно говоря, о том, как можно приспособить партийную программу к нуждам крестьянства в капиталистическом государстве,—и притом не только полупролетарского крестьянства, но, прежде всего, среднего и крупного крестьянства. Предметом обсуждения было не расширение революционного фронта, а привлечение избирательных голосов, т.-е. ловля крестьян в самом грубом смысле слова. Предложения представляли собой набор оппортунистических фраз, и партийный с'езд 1895 г. сдал их в архив истории партии.

1895 г. был для реформизма поворотным пунктом. В то время Фридрих Энгельс написал то введение к «Борьбе классов во Франции», которое было постыдно искажено ЦК германской партии и с тех пор является документом, на который считает нужным ссылаться всякий могильщик революционной идеи. Так как Энгельс умер в том же году, то он уже не имел возможности бороться против этого злоупотребления, которое с тех пор вошло в привычку[1]).

Смысл «Введения» Энгельса был таков: в настоящее время предпосылки для вооруженного восстания настолько невыгодны, что нечего и думать о возможности успеха. Старая,

---

[1]) Против первого случая злоупотребления он защищался в письме к Каутскому от 1 апреля 1895 года. Там он пишет: «К моему изумлению, я увидел сегодня в Vorwärts извлечение из моего «Введения», напечатанное без моего ведома и подобранное таким образом, что я там выступаю покладистым поклонником законности quand même (во что бы то ни стало). Тем приятнее для меня, что «Введение» в целом появляется теперь в Neue Zeit: оно уничтожит это позорное впечатление. Я вполне определенно выскажу свое мнение по этому поводу и Либкнехту, и всем тем,—кто бы они ни были,—кто дал ему возможность исказить мое мнение (см. Каутский. «Путь к власти»).

После этого «Введение» было напечатано в Neue Zeit в урезанном и перекроенном виде. Энгельс уступил выставленному ЦК партии пугалу исключительных законов. Фальсификация со стороны ЦК партии состояла в том, что он в течение многих лет терпел мещански-реформистское толкование «Введения» и сам его поддерживал, ни разу при этом не признав допущенного им искажения «Введения». Правильный текст «Введения», установленный Рязановым, напечатан на немецком языке в International Presse-Korespondenz 1924, № 141 и в Архиве Маркса и Энгельса, т. I.

чисто оборонительная тактика баррикад (борьба на истощение в самом буквальном смысле) стала пережитком. Будущие восстания могут повести к победе лишь в том случае, если против военной силы будут выступать с бурным натиском значительные массы. Теперь все дело в том, чтобы создать в социал-демократической партии сильный передовой отряд. Острие «Введения» Энгельса было обломано. Таким образом, «политический завет» могикана свелся к мирному учению: не надо больше революции с баррикадами, а только парламентаризм, только законность, при которой рабочий класс нагуливает себе «румяные щеки и крепкие мускулы». «Введение» было использовано для того, чтобы лишить мысль Маркса ее революционной сущности. На это прежде всего опирался Бернштейн, который после смерти Энгельса выдавал себя в Интернационале за исполнителя его заветов.

Эдуард Бернштейн вступил в партию в начале семидесятых годов. Он внес с собою основательный запас мелкобуржуазных воззрений. Он особенно старался о популярности Дюринга и в 1878 году присоединился к этическому реформатору Хёхбергу, который в то время, правда, от чистого сердца, но и от трусости душевной, пытался соблазнить социал-демократию. После издания закона о социалистах Бернштейн взял на себя редактирование «Социал-демократа», который издавался в Цюрихе, а затем в Лондоне. Вначале ему не раз приходилось выслушивать суровую критику обоих лондонских корифеев по поводу вялости и теоретической неопределенности газеты, пока он не попал под непосредственное влияние Фридриха Энгельса. Тогда он стал марксистом и остался таковым почти до самой смерти Энгельса. Но тут его мелкобуржуазная душа вновь освободилась из марксистского кокона.

Толчком ко второму его превращению явилась переработка «Истории французской революции 1848 г.» Луи Эритье. Изучая эту эпоху, он снова нашел свое «я». Он открыл себя вновь в буржуазных республиканцах Парижа и в кротких социальных реформаторах Люксембурга—Луи Блане и др. Он с ужасом заметил, что Маркс видел истинных вождей пролетарской партии в Бланки и в бланкистах, в тех самых бланкистах, которых теперь Бернштейн считал бессовестными клубными подстрекателями, возмущавшими пролетариат против Национального собрания, призванного к жизни всеобщими выборами, пытавшимися завоевать пролетариату политическую власть, террористами, стремившимися к диктатуре, наводившими своими угрозами страх на буржуазию, отнимавшими у биржевых хищников вкус к делу и обращавшими в буржуазных душах в злой яд сладкое молоко демократических помыслов. При этом французский пролетариат имел все, что ему нужно: «Социальная эмансипация

пролетариата была в принципе установлена признанием свободы печати и собраний и дарованием всеобщего избирательного права. Теперь сроки и пределы претворения в действительность того, что было в принципе уже дано, зависели только от умения самого пролетариата целесообразно пользоваться данными ему средствами». Бернштейн сделал историческое открытие, что в июньской бойне повинна была не буржуазия, а клубные подстрекатели, хотя он и признавал, что Временное правительство поступало очень «бестактно» (буквально так!) по отношению к голодающим рабочим, когда оно собиралось коварным образом задушить революцию. Он даже предчувствовал Густава Носке и уже в 1896 году оправдывал его, описывая июньского палача Кавеньяка, как храброго, несколько слезливого республиканца, который только исполнял свой демократический долг. Вывод из всех этих «открытий» Бернштейна был тот, что всякая попытка завоевания политической власти пролетариатом сама по себе преступна. Этот взгляд Бернштейн проводит в особых главах и в своих примечаниях к книге Эритье, искажая и затемняя мысль автора.

Повидимому, эта издательская работа [1]) Бернштейна осталась совершенно незамеченной; по крайней мере, нигде мы не находим ни слова возражения против этого надругательства над парижскими революционерами 1848 г. [2]).

Изучение революции 1848 г. подорвало у Бернштейна веру в марксизм и в правильность революционной тактики; к тому же, обломался тот ствол, который до того служил ему подпорой,—Фридрих Энгельс. На него теперь влияли иные факты. Неизбежный, по мнению Маркса, хозяйственный кризис как будто задерживался. Попытки прусской реакции изданием законов против ниспровержения существующего строя и т. д. снова перевести социал-демократию на нелегальное положение потерпели неудачу. Каждые новые вы-

---

[1]) Бернштейн переиздал статьи и свои примечания к книге Эритье под заглавием: «Как потерпела крушение революция». Штутгарт. Издательство Диц, 1921. Эта работа может теперь служить оправданием Носке, Эберта, Шейдемана.

[2]) Правда, в то время с партийной критикой дело обстояло очень плохо. В сентябре 1893 года Каутский писал Мерингу: «Со времени отмены закона о социалистах появился ряд партийных изданий, начиная с писем Маркса, нападающих на широко распространенные в партии предрассудки, но пока что еще не удалось вызвать действительно серьезную, дельную дискуссию. Например, я ожидал,—и даже писал Либкнехту, что считаю это необходимым,—раз'яснения мотивов, по которым до Готы (в 1875 году) совершенно игнорировалась марксистская критика. Вместо этого не получилось ничего, кроме указа с моральным возмущением. И по делу Фольмара моральным негодованием оперировали шире, чем соображениями по существу; да и бернштейновская биография Лассаля, если не считать некоторых примечаний, встретила лишь тихое осуждение, но не критику».

боры оказывались новым триумфом для социал-демократии. Эра Каприви ознаменовалась рядом реформ, особенно—отменой охранительных пошлин.

Профсоюзы развивались, положение рабочего класса улучшалось. В кругах интеллигенции обнаруживалась тяга к социал-демократии. Случаи перехода из этих кругов в партию учащались. Многое предвещало длительный период социального мира. Долгое пребывание в Англии повлияло на Бернштейна. В то время Англия почти безраздельно господствовала в мире промышленности, и английская буржуазия могла себе позволить роскошь иметь хорошо обеспеченную рабочую аристократию. Английские рабочие союзы выработали чисто реформистскую практику и, действительно, отказались от всякой «романтики» чартизма. Социал-реформистское общество фабианцев (Fabian Society) в то время получило значительное влияние в буржуазных кругах и среди бюрократии рабочих союзов. Все это укрепляло Бернштейна в его сомнениях, и он приступил к критике марксизма и к обоснованию обширной теории для реформистской партии. Эта задача не совсем соответствовала его призванию. Он сам о себе говорит: «обобщающее мышление и выводы давались мне с трудом» [1]). Парвус выразился проще: «У Бернштейна—способность об'единять самые разнородные (не связанные между собою) вещи и в то же время разделять и раз'единять самые простые»... Но и факты мало благоприятствовали этому предприятию. Они обладали свойством постоянно опрокидывать все реформистские построения. Но Бернштейна мало трогало и то и другое.

Очень осторожно и нащупывая почву начал Бернштейн в октябре 1896 г. свою критику марксизма в статьях: «Проблемы социализма», которые появлялись в Neue Zeit вплоть до 1898 г. Вполне понятно, что первые его отступления от марксистских точек зрения прошли незамеченными, так как были еще неопределенно и неясно выражены. К тому же в этих статьях он обычно выступал против людей, которые часто защищали ложные мысли, или же правильные, но облеченные в нелепую форму (Бельфорт—Бакс, Лерда, фабианцы и т. д.). Но уже в первой статье об «Утопизме и эклектизме» он выступил против «односторонне понятой классовой борьбы» и слишком резкого противопоставления капиталистического и социалистического общества. Мы встречаем там характерную фразу: «Отвлекаются от того факта, что существуют весьма различные государства. Государственный аппарат там, где общество подчинено государству, выступающему как почти самостоятельно противостоящий

[1]) См. автобиографию Бернштейна. Д-р Ф. Мейнер. «Современная политическая экономия в автобиографиях». Лейпциг. 1924.

ему орган, отожествляется с деятельностью государственного аппарата там, где государство подчинено обществу (!) и где само это общество в высокой мере демократизировано» (Neue Zeit, 15 января, стр. 167).

Далее следуют статьи, в которых доказывается, что чартизм оказался бесполезен, несмотря на то, или именно потому, что он сохранял в чистоте свои принципы, между тем как политика компромисса с либералами вела от успеха к успеху («Классовая борьба и компромисс», январь 1897 г.). Затем шли «доказательства» того, что развитие классов происходит не по марксовской схеме, что теория кризисов ошибочна, равно как и теория крушения (капитализма) и т. д. Наконец Бельфорт—Бакс бросил ему следующий вызов: «Бернштейн совершенно отрекся от конечной цели социалистического движения в пользу идей современного буржуазного либерализма и радикализма». На это Бернштейн ответил следующей фатальной фразой («Теория крушения и колониальная политика». Neue Zeit, 19 января 1898 г.):

> «Я открыто признаю, что у меня чрезвычайно мало интереса и вкуса к тому, что обычно понимают под «конечной целью социализма». Эта цель, какова бы она ни была, для меня—ничто! Движение—все, а под движением я подразумеваю как общее движение общества, т.-е. социальный прогресс, так и политическую и хозяйственную агитацию и организацию для осуществления этого прогресса».

В упомянутой выше автобиографии Бернштейн об'ясняет, что этим он только хотел сказать, что он мало интересуется утопиями. Но неверно понятая фраза, стоящая среди рассуждений в защиту колониальной политики, заставила теперь партию насторожиться. Правда, Vorwärts еще старался подействовать умиротворяюще: статьи Бернштейна, мол, не заключают в себе ничего принципиально предосудительного. Наоборот, это совершенно в порядке вещей, чтобы теоретические обоснования партии время от времени подвергались пересмотру. Leipziger Volkszeitung полагала, что Бернштейн «сделал неудачный вывод из ряда интересных наблюдений, как то легко случается с живыми и остроумными людьми. Но вот и все!» А Neue Zeit сообщала, что ею получено много возражений против Бернштейна: «Нам пришлось отказаться от их опубликования, потому что все они исходят из неправильного понимания».

Либкнехт, Шенланк и Каутский как будто ничего не замечали. Но тут Парвус поднял шум в Sächsishe Arbeiterzeitung в Дрездене, и тогда начались большие дебаты по поводу Бернштейна, в которых приняла участие также и Роза Люксембург первой частью своих статей о «Социальной реформе или революции». Прения приняли

более острый характер, когда Вольфганг Гейне в кандидатской речи в Берлине, как бы подчеркивая практическое значение воззрений Бернштейна, заявил о готовности выменять у правительства народные права на пушки. На партийном с'езде в Штутгарте в 1898 году состоялись первые крупные прения по вопросу об учениях Бернштейна. Фольмар, Гейне, Фендрих, Фроме, Граднауэр, Ауэр встали на сторону Бернштейна и старались защитить его от нападок Бебеля, Каутского, Шенланка, Клары Цеткин, Розы Люксембург и других. Сам Бернштейн прислал из Лондона обстоятельное об'яснение, из которого было ясно, что вопрос гораздо серьезнее, чем это можно было думать. Действительно, здесь речь шла о полной ревизии марксизма [1]. Партийный с'езд стал на ту точку зрения, что нельзя этой проблемы разрешить тут же принятыми мерами; нужны, наоборот, основательные дебаты. Поэтому не было принято постановлений. Плодом этого партийного с'езда явилось то, что Бернштейн изложил всю свою теорию в отдельной книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» [2]. Здесь он уже шел до конца. Он нападал на самые основы марксизма: на диалектический метод, на исторический материализм и на теорию классовой борьбы, на революционный характер марксистской стратегии и на марксистское понимание завоевания политической власти и диктатуры пролетариата, на теорию ценности, на понимание тенденций развития капиталистического общества, на теорию кризисов и т. д. На основании своей критики Бернштейн делал тот вывод, что ложно, безрассудно и опасно рассчитывать на крупные социальные катастрофы и на них ориентировать тактику партии. Следует отказаться от «утопии» грядущей революции. Развитие идет в сторону смягчения классовых противоречий и демократизации общества. Вся задача в том, чтобы способствовать этому развитию и использовать его путем достижения большинства в парламенте, через рабочие союзы, кооперацию, при помощи политики реформ в городе и деревне, колониальной политики и т. д. Для того, чтобы достичь влияния, социал-демократия должна иметь мужество «освободиться от фразеологии, которая представляет пережиток прошлого, и стараться казаться тем, чем она в настоящее время фактически является демократически-социалистической партией реформы».

---

[1]) Название ревизионистов, данное сторонникам Бернштейна, ведет начало от Шенланка, который в Бреславле в 1895 году при прениях по аграрному вопросу говорил о необходимости ревизии партийной программы.

[2]) 1-е издание вышло в 1899 г. Диц, Штутгарт.

В своей книге Бернштейн старался разрешить противоречие между не до конца продуманной, кастрированной марксистской теорией партии и ее сущностью, как она обнаруживалась на практике. Эта попытка была обречена на неудачу, потому что он хотел сохранить существо партии,— фактически партии демократическо-социалистического реформизма,—вместо того, чтобы, согласно учению марксизма, обратить партию в партию революционную. Поэтому он был вынужден выдвигать против марксизма аргументы, которые не выдерживали никакой серьезной критики. Этим он косвенно доказал, что оппортунистическая политика не может быть обоснована последовательной теорией. Но его противникам так легко было опрокинуть все его софистические построения, что книга Бернштейна не вынуждала их к пересмотру их собственных теорий и практической программы партии.

Эта книга послужила основанием для вторых дебатов по поводу Бернштейна. Роза Люксембург издала вторую серию статей: «Социальная реформа или революция?» Каутский ответил книгой «Бернштейн и социал-демократическая программа». Вся партийная пресса принимала горячее участие в полемике, которая продолжалась на партийном с'езде в Ганновере в 1899 г. Была принята резолюция Бебеля, основные положения которой гласят:

> «Развитие буржуазного общества в прошлом не дает партии повода отказаться от своих основных взглядов или же их изменить.
>
> Партия попрежнему стоит на точке зрения классовой борьбы, согласно которой освобождение рабочих может быть только делом их собственных рук, и потому признает исторической задачей рабочего класса завоевание политической власти, чтобы с помощью ее, путем обобществления средств производства и введения социалистических форм производства и обмена, достичь возможно большего благополучия для всех людей...
>
> В вопросе борьбы против милитаризма на суше и на воде и колониальной политики партия остается на прежней своей точке зрения...
>
> В виду всего этого партия не имеет никакого основания для изменения будь то своих принципов и основных требований, будь то своей тактики, будь то, наконец, своего названия, т.-е. из социал-демократической партии становиться демократически-социалистической партией реформы, и решительно отклоняет всякую попытку, цель которой—изменить или замаскировать ее позицию по отношению к существующему государственному или общественному порядку и к буржуазным партиям».

Эта резолюция отклоняла открытый реформизм, но она нисколько не выходила за рамки Эрфуртской программы, которой обосновывался стыдливый оппортунизм. Решающий тезис—завоевание власти—не получил конкретного содержания. Конкретизировать его возможно было только, указав на диктатуру пролетариата, и притом не в виде фразы, а совершенно конкретно. В действительности же противоречие между марксизмом и теорией Бернштейна не было вскрыто во всей его глубине.

Резолюция во всех своих пунктах являлась ответом на критику Бернштейна и бернштейнианцев, но, во всяком случае, не на все вопросы,—и не на основные вопросы. В то время против нее голосовал только 21 депутат, и из этого числа, по крайней мере, часть высказывалась против резолюции не из-за соображений реформизма (Шенланк, Гренц, А. Гофман, Цубейль). Ни один из открытых сторонников Бернштейна не голосовал против резолюции. Все они придерживались удобного маккиавелизма Ауэра, который писал Бернштейну: «Милый друг, такие вещи можно делать, но о них не говорят». Это была тактика реформистов—принимать «теоретические пощечины», чтобы не дать себя парализовать в своем подкапывании под партию. На партийном с'езде не было внесено ни одного предложения об исключении реформистов. Требование об исключении, высказанное Розой Люксембург в ее статье, не встретило в партии ни малейшего отклика. Наоборот, радикалы (также и Каутский!) и ревизионисты одинаково ратовали за сохранение в партии неограниченной «свободы мнений».

Нельзя упрекнуть Фольмара, Давида, Гейне в том, что они подвели Бернштейна; скорее он как раз и дал им лозунг, когда писал Ауэру, что он вполне готов подписаться под резолюцией Бебеля cum grano salis. Позже, в Neue Zeit, он старался оправдаться целою горою мнимых доводов, совершенно против своего обыкновения, потому что Бернштейну никоим образом нельзя отказать в мужестве признавать и отстаивать раз принятую им точку зрения.

В 1901 году на партийном с'езде в Любеке снова была принята резолюция, в которой Бернштейна приглашали подумать над тем, в какое «двусмысленное положение» он поставил себя, и в какое «смущение» он привел значительное число партийных товарищей. Бебель определенно установил, что это решение отнюдь не представляет вотума недоверия Бернштейну.

И это тоже называлось «борьбою против реформизма».

Конечно, мы не можем здесь противопоставлять по отдельным пунктам точку зрения Бернштейна точке зрения Розы Люксембург. Мы можем только усиленно рекомендовать вниманию критически настроенного читателя книгу Бернштейна

«Предпосылки социализма». Как раз тем, что она ставит неправильно почти все вопросы, она необычайно способствует углубленному размышлению над марксизмом. А история догматов марксизма, если позволено будет так выразиться, может и современному практическому политику оказать большую услугу.

Не приходится также особенно подчеркивать преимущества книги и статей Розы Люксембург. Тот, кто знаком с социалистической литературой того времени, неизменно изумляется ясности, с какою рисовалось автору социальное развитие, совершенному овладению марксистским методом, а также самостоятельности и бьющей через край живости в применении его к актуальным вопросам современности. Историческая действительность всецело оправдала то, что Роза Люксембург говорит о великих экономических и политических проблемах. Ее указания в области тактики существенным образом являются значительным шагом вперед для того времени.

Несокрушимо стоит основная тактическая мысль Розы Люксембург, которая в немногих словах резюмирует все искусство революционной политики: необходимо решение практических, повседневных задач органически связать с конечной целью. Это значит рассматривать классовую борьбу, как задачу политической стратегии. А это имело большое значение в то время, когда еще исходили не из противоположности стратегии и тактики, а противопоставляли принцип тактике и относили к области тактики, тем самым его оправдывая, всякий оппортунизм, всякое действие, противоречившее принципу. Осуждение оппортунистов, заключавшееся в этой формулировке Розы Люксембург, повело к забавным взрывам негодования. Начали высчитывать, кто сколько строк в предвыборных листках, сколько фраз в предвыборных речах посвятил конечной цели; и оказалось, что бывали случаи, когда признанные радикалы святотатственно умалчивали о конечной цели. Какой прекрасный повод для Пеусов и Гейне благословлять судьбу и кичиться! А что они подразумевали под конечной целью? «Чудесный идеал», социалистическое сказочное царство, которое каждый мог себе рисовать по собственному вкусу, отдельными чертами которого Бернштейн безнаказанно мог не интересоваться, но к которому они, тем не менее, все, радикалы и ревизионисты, стремились тем или иным путем. Но Роза Люксембург ясно, четко и многократно говорила, что она подразумевает под конечной целью: революцию, завоевание пролетариатом политической власти! Это, действительно, давало руководящую идею. Попробуем применить ее к актуальному в то время вопросу гейневской политики компен-

сации, которая является классическим выражением для политики реформизма. Тому, кто под конечной целью подразумевал идеал, формула Розы Люксембург ничего не говорила. Тогда государству, правда, предоставляли пушки против злых врагов, но взамен этого получали народные права, и демократизация шла вперед, и ведь с этой демократизацией народные массы как будто все крепче накладывали свою руку на эти пушки. Если же конечной целью признавалось завоевание политической власти путем революции, то этим выносилось осуждение политике компенсации, так как все, чего можно было достичь ею тактически, в виде временного успеха, оказывалось даром данайцев. Ради него приходилось либо пожертвовать конечной победой, либо ее отдалять. Враг владел пушками, которыми он мог уничтожить все демократические достижения. И, что, быть может, еще важнее: свои же сторонники, которые не усвоили основную тактическую идею, а были воспитаны на оппортунизме, не в состоянии были понять классовую борьбу и свои собственные задачи в революции.

Другая сторона этой основной тактической идеи: она придавала смысл б о р ь б е з а н е п о с р е д с т в е н н ы е ц е л и и предохраняла партию как от болота оппортунизма, так и от окаменелости чистой пропаганды. Завоевание власти, как стратегическая задача, принуждало к созданию кадров для классовой борьбы. Чистой пропагандой можно собрать вокруг себя секту, но нельзя положить хотя бы только основание армии, что уже и до того доказал ультра-радикализм. Только в повседневной борьбе за цели, соответствующие потребностям дня, может партия об'единить вокруг себя массы. Партия и массы приобретают знания и способности, нужные для решительного боя, не только путем теории, а прежде всего опытом борьбы. Вот что заставляло Розу Люксембург повседневную борьбу ценить выше, чем мимолетный успех. Для нее, как и для Ленина, реформы являлись «побочными продуктами пролетарской классовой борьбы», которые следовало использовать в этой борьбе как опорные пункты. Это заставляло ее высоко ценить профессиональные союзы, несмотря на их «сизифов труд». Для нее они имели значение «средств подготовить рабочий класс к захвату власти». Но и в этом случае основная мысль Розы Люксембург была постыдным образом не понята. Достаточно послушать возражения, которые делал ей в 1899 г. в Ганновере один из профсоюзных вождей ф о н - Э л ь м: «Для Розы Люксембург рабочие союзы имеют значение только прекрасного способа подготовки к классовой борьбе, которая для нее сводится только к политическому движению. Это совершенно устарелый взгляд. Если бы профсоюзы были только этим, то что могли бы вы возразить убежденному

социал-демократу, который бы сказал: «меня достаточно обработали, достаточно воспитали, мне больше не нужно никаких воспитательных заведений». Как видно, мысли Розы Люксембург натолкнулись у реформистов на полное непонимание. Реформисты не в состоянии были даже уловить их смысл, так как им пришлось бы отречься от своего реформизма.

Однако, следует учесть, что и для Розы Люксембург и для ее сподвижников в борьбе существовали известные границы понимания. В наше время, после большого революционного опыта, мы читаем книгу Бернштейна во многих отношениях иначе, чем ее читали его современники. Мы видим, что он поставил ряд вопросов, которые в то время ни одним критиком не были отмечены, ни, тем более, разрешены. Тот, кто до некоторой степени знаком с историей социалистических теорий, сразу заметит, что здесь речь идет о вопросах, которые в то время едва еще признавались вопросами, ответ на которые не являлся насущной необходимостью, и разрешение которых едва ли представлялось возможным. И в отношении теории справедливо замечание Маркса, что история всегда ставит лишь те задачи, которые она в состоянии разрешить. Мы имеем в виду методы классовой борьбы в революции и при диктатуре пролетариата.

Бернштейн очень усиленно занимался вопросом диктатуры. В своих исследованиях революции 1848 года он натолкнулся на этот вопрос и мог на него ответить: диктатура ни к чему, потому что мы врастаем в социалистическое общество. В своих «Предпосылках» (1-е изд., стр. 127) он пишет:

> «Какой, например, имеет смысл сохранять фразу о диктатуре пролетариата, когда представители социал-демократии повсеместно становятся на точку зрения парламентской работы, пропорционального народного представительства и народного законодательства, противоречащие идее диктатуры? В наше время она настолько изжита, что связать ее с действительностью можно только лишив слово «диктатура» его действительного значения и придав ему какой-нибудь пошлый смысл... Классовая диктатура относится к более низкой ступени культуры...»

Здесь Бернштейн поднимает очень серьезный вопрос,—вопрос о конкретном содержании этого понятия. Роза Люксембург говорит о диктатуре, но она не отвечает на бернштейновский вопрос, и этого не делает ни один из ее современников. Поэтому всякий, кто в наше время играючи оперирует понятием диктатуры пролетариата, может чувствовать свое необычайное превосходство перед Розой Люксембург. Мы не станем лишать его этого блаженного

сознания, которое, однако, не свидетельствует об историческом чутье. О том, как обстояло дело в те годы, мы можем судить по Каутскому, у которого в то время еще не было основания уклоняться от этого вопроса или прибегать к искажениям. В 1893 году Меринг писал в Neue Zeit:

«Надежда на то, что когда-либо большинство буржуазного парламента, даже если бы оно состояло из сознательных в классовом отношении рабочих, проложит путь социалистическому обществу, подобна мечу без рукоятки и без клинка. Дорога к будущему откроется лишь тогда, когда совершенно умрет в массах вера в буржуазный парламентаризм».

На это Каутский писал Мерингу 8 июля 1893 г.[1]):

«По-моему, мы в Германии страдаем не избытком, а скорее недостатком парламентаризма, и задача пролетариата—наверстать то, чего, по своей трусости, не успела сделать немецкая буржуазия,—создать подлинно парламентарный строй... Но для диктатуры пролетариата я не могу себе представить иную форму, чем мощный парламент по английскому образцу с социал-демократическим большинством, опирающимся на сильный и сознательный пролетариат. По моему мнению, борьба за истинный парламентаризм окажется в Германии решительным боем социальной революции, потому что в Германии парламентарный строй означает политическую победу пролетариата, но также и обратно».

В ответ на это Меринг написал «интересное письмо» Каутскому (15 июля 1893 г.), по ответу которого мы можем судить об аргументах Меринга.

Каутский пишет:

«Что же касается Германии, то я охотно с вами соглашусь, что буржуазия здесь уже не сумеет взять верх над милитаризмом, и что милитаризм не будет спокойно ждать, пока мы получим большинство и создадим демократическую республику, чему он покорно подчинится и исчезнет.

Нам придется вести жестокую борьбу с милитаризмом,—быть может, раньше, чем мы думаем,—борьбу, в которой нам не обойтись одними парламентарными средствами, Но о чем будет итти спор? В конечном счете ведь только о парламенте. По моему мнению, только парламентская республика—с монархической ли верхушкой или без нее, по английскому образцу—может создать почву, из которой вырастет диктатура пролетариата и социалистическое общество. Эта республика (с монархической верхушкой.—*Фрелих*) и есть то государство будущего, к которому мы должны стремиться».

---

[1]) Из неопубликованных еще бумаг Меринга.

Из дальнейшего текста письма мы видим, что Меринг был очень озабочен парламентарным расслаблением партии. Дебаты возобновились после появления книги Каутского «Парламентаризм, народное законодательство и социал-демократия» (Штутгарт, 1893). Меринг нашел представление Каутского о парламентаризме слишком «идиллическим». На это Каутский 13 сентября 1893 г. ответил, что не следует отожествлять определенную фазу парламентаризма с парламентаризмом вообще. Прогнивает не парламентаризм, а капитализм. «Парламентаризм... изменит свой характер, как только пролетариат выступит в нем в качестве самостоятельной силы».

Мы бы тяжко согрешили перед Розой Люксембург, если бы навязали ей это идиллическое представление Каутского о парламентаризме и о диктатуре. Она обнаруживает в этом вопросе значительное превосходство, в чем мы с очевидностью убеждаемся при сравнении ее книги «Социальная реформа или революция?» и книги Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа». В настоящее время вопрос о диктатуре приобрел значение пробного камня, разделяющего умы. Но как бы ясно мы ни видели теперь зародыши разногласий, разделивших впоследствии Розу Люксембург и Каутского на рубеже XX века, между ними еще не было глубоких теоретических расхождений. В то время не существовало конкретного представления о диктатуре. Бернштейн исследовал формы и методы классовой борьбы во время революции, этой истинной борьбы за власть, и результатом его исследования явилось безусловное осуждение открытой борьбы за власть. В кратких словах, иногда еще более заостряя отдельные положения, повторяет он в «Предпосылках» то, что уже говорил во «Французской революции» Эритье. Он резко обрушивается против бланкизма, от которого Маркс никогда не мог освободиться. Бернштейн осуждает революционный метод вообще. Он говорит:

> «Марксизм преодолел бланкизм только с одной стороны— в смысле метода. Что же касается другой его стороны, преувеличенного представления о творческой силе революционного насилия для социалистического преобразования современного общества,—то в этом смысле марксизм никогда не мог освободиться от бланкистских идей. То, что он в них исправил, как например, идею строгой централизации революционной власти (заблуждение Бернштейна! *Ред.*), то всегда относится скорее к форме, чем к сущности» («Предпосылки», изд. 1-е, стр. 31).

Вслед затем Бернштейн описывает пагубные последствия бланкистских, т.-е. революционных методов в борьбе за

власть. Он показывает, как в этой борьбе расшатывается хрупкое капиталистическое хозяйство.

«Короче говоря, политика 1848 года, по образцу ужасов 1793 года, представляет собою верх безрассудства и нецелесообразности... преступление, за которое достаточно скоро тысячи рабочих поплатились жизнью, а другие тысячи—свободою».

«Без них (демократических учреждений) так называемое обобществление средств производства, вероятно, повело бы только к безмерному уничтожению производственных сил, к бессмысленному экспериментированию и бесцельному насилию, и политическое господство рабочего класса могло бы утвердиться не иначе, как в форме диктатуры центральной революционной власти, поддерживаемой террористической диктатурой революционных клубов. В таком виде оно рисовалось бланкистами, и точно таким же представляют его еще и «Коммунистический Манифест» и относящиеся к эпохе его издания труды Маркса и Энгельса» (стр. 134).

Далее, в виде утешения, следует ссылка на подтасованное энгельсовское введение к «Классовой борьбе» и безмерное искажение предисловия (1872 г.) к «Манифесту», в котором Маркс будто сказал только, что «нельзя просто овладеть государственной машиной», и утаивается, что старая государственная машина должна быть разрушена!

Все вместе взятое представляет собою полемику напуганного мелкого буржуа против насилия и жалобы на то, что «революция дорого обходится». В настоящее время мы склонны признать, что это не только исходная точка, но и краеугольный камень всего учения Бернштейна. Действительно, здесь он уже дает теоретическое обоснование всей политики II Интернационала во время революции. Он сделал крайние выводы.

В дебатах того времени мы тщетно стали бы искать отзвука этих рассуждений Бернштейна об опыте французской революции 1848 года. Несомненно, мало кто с ним соглашался. По всей вероятности, Роза Люксембург избегала этих вопросов, чтобы не усложнять всего спора массам. Но это об'ясняется только тем, что и она еще не постигла значения этих вопросов, необходимости их выяснения и что еще не существовало правильного их решения. Не случайность то, что марксизм возник в революционный период. Без 1848 года с его двойственным характером (буржуазная революция при значительном участии пролетариата) «современное рабочее движение», вероятно, никогда не обрело бы законченной теоретической системы. Так как нити 1848 года оборвались, а рабочее движение возродилось лишь в эпоху блестящего расцвета капитализма, начиная с шестидесятых

годов, то чисто революционный элемент марксизма остался, так сказать, частной собственностью обоих корифеев, Маркса и Энгельса, которые одни лишь могли сделать выводы из опыта Коммуны.

В период расцвета II Интернационала это достояние нельзя было сохранить и пустить в оборот. Сделать это могла только новая революционная эпоха, начавшаяся с русской революции 1905 г.[1]). Значительная доля заслуги принадлежит в этом Розе Люксембург.

Но и она не могла подняться выше своего времени. Эпоха расцвета II Интернационала и есть эпоха реформизма. Это то время, когда империализм торжествующе продвигается вперед, когда выдержанный марксист уже предвидит те катастрофы, навстречу которым идет этот империализм, но когда революция еще нигде не выдвигается в качестве непосредственной задачи. Таково было положение в Западной Европе, которая, казалось, призвана наметить путь для экономически отсталых стран. В этот период западно-европейского рабочего движения Роза Люксембург была самым передовым умом. Упомянутая нами основная тактическая ее идея выходит уже за пределы данной эпохи, предвосхищая непосредственную подготовку революции и определяя классовую борьбу, как стратегическую задачу. Но пока что это была всего лишь формулировка, как раз достаточная для борьбы с реформистской практикой. Идея еще не была наполнена конкретным содержанием. Еще не были поняты все задачи, которые, с точки зрения стратегии, вытекали для революционной партии,—так, например, формирование партии, как вождя и авангарда пролетариата, мобилизация пролетарской армии и об'единение ее с резервами, имеющимися в некоторых слоях мелкой буржуазии, способствование национал-революционному движению в колониях и координирование его с собственной борьбой и т. д. Этот шаг сделал Ленин, и Роза Люксембург последовала за ним, когда эти задачи встали перед нею практически в 1918 году.

Характер описываемой эпохи помешал победоносному исходу борьбы против реформизма. В 1903 году, после Дрезденского партийного с'езда, Роза Люксембург лишь

---

[1]) Как только проблемы завоевания власти получают для России действительно актуальное значение, так сразу делаются попытки углубленного их изучения. Плеханов и Ленин в русской партийной программе 1903 г. определяют диктатуру пролетариата как «завоевание пролетариатом такой политической силы, которая бы дала ему возможность сломить всякое сопротивление эксплоататоров»; а Плеханов уже тогда заявляет. что, в случае чего, можно бы было лишить буржуазию избирательных прав. 1905 г. знакомит Ленина с ролью рабочих советов, как носителей государственной власти. Но Западная Европа не использовала этого опыта. Признание его должно бы было повести к принципиальному преобразованию сущности партии.

следовала всеобщему заблуждению, когда говорила о поражении реформизма («Разбитые надежды»). Правда, это был удобный случай нанести ему решительный удар.

В Дрездене реформисты распоясались. Они открыли борьбу коварным выступлением против Франца Меринга, этого блестящего борца радикализма, одним из тех «нападений, которые до того времени составляли незавидную привилегию буржуазных литературных кругов, одним из тех нападений, для которого из-за надежной засады неделями и месяцами точат кинжал, чтобы убить безоружного»[1]). Удар не попал в цель. Бернгард, Браун, Гейне, Гере и т. д. оказались рыцарями печального образа. Но радикалы не использовали своей победы. Правда, была принята резолюция, в которой ясно говорилось:

> «Партийный с'езд решительно осуждает всякие ревизионистские попытки изменить нашу испытанную и увенчанную успехом (!), основанную на классовой борьбе тактику в том смысле, чтобы завоевание политической власти путем преодоления противников уступило место политике приспособления к существующему порядку вещей».

Правда, указывалось еще подробно, в чем проявляется эта ревизионистская тактика. Но скандально было то, что ревизионисты с издевательствами и криками «ура» тоже голосовали за резолюцию. Только одиннадцать человек голосовало против резолюции, среди них Бернштейн, Гертруда Давид, фон-Эльм, Хюе, Лебе, Поль Мюллер, но также и радикалы, как Гренц и Шварц, которым эта резолюция казалась недостаточной.

Но «осуждение» было только бумажное. Расхождение было такое явное и резкое, что из него необходимо было сделать выводы. На это партия не имела сил. Ее организм был отравлен реформизмом, проникшим до самого мозга костей. В том же году большевики произвели раскол в русской социал-демократии. Но Россия была накануне революции, и при таком состоянии теоретические разногласия ясно обнаруживали свои практические последствия. Припомним хотя бы только вопрос о том, следует ли предоставить буржуазии роль вождя в русской революции, определение ее целей и путей, или же пролетариату, как вождю революции, следует об'единиться с крестьянством. Это были два диаметрально противоположных пути. Но в Западной Европе рисовался в перспективе длительный, спокойный период подготовки, и в русских расколах видели лишь симптомы детских болезней, исходя из недиалектического

---

[1]) Из защитительной речи Меринга на Дрезденском партийном с'езде.

воззрения, что западно-европейская социал-демократия представляет более высокую ступень развития.

Основание Германской коммунистической партии в 1919 г. иногда признавалось ошибкою. Оно должно было произойти позже, или же социал-демократия должна была расколоться уже в 1903 году. Относительно «позже» здесь не приходится и говорить. Но, несомненно, что развитие германского рабочего движения пошло бы иным путем, если бы раскол произошел на Дрезденском партийном с'езде в 1903 году. Этим была бы воздвигнута непреодолимая преграда безраздельному переходу пролетариата в лагерь империализма в роковом 1914 г. Но ведь это лишь пожелания относительно плохо понятого прошлого. До 1903 г. могла итти речь только об исключении ревизионистов. Но, с одной стороны, партийные массы не понимали необходимости этого, а с другой стороны, и вожди, как Бебель, не были бы способны осуществить это исключение на деле. Позже такое исключение стало совершенно невозможно, потому что официальная практика партии стала соответствовать требованиям реформистов, и противоречия совершенно сгладились в общем поправении. Когда же после 1908 года началась борьба левого крыла против каутскианцев, тогда отпадение левых было бы непростительной глупостью. Не говоря уже о том, что это левое крыло, начиная от Ледебура и кончая Розой Люксембург, само не составляло единства, в силу чего невозможно было отпадение всего левого крыла, как замкнутого целого, раскол этот повел бы только к отчуждению от масс. Это доказало отпадение голландских трибунистов (революционных марксистов), происшедшее в 1909 году при более благоприятных условиях и достигнутое усилиями реформистов. Что действительно было возможно, но, к сожалению, упущено, это образование революционной фракции, которая могла бы для начала сконцентрироваться вокруг газеты, как показал нам пример реформистов, с их Socialistische Monatshefte. Это подготовило бы левые элементы к расколу партии, который в конечном счете был неизбежен. Последним основанием, почему и левые тоже постоянно отклоняли мысль о необходимости предстоящего раскола партии по линии между Каутским и Люксембург, было убеждение, что в конце концов сами факты докажут партийным массам правильность революционной точки зрения. При этом следует обратить внимание на то, что и большевики лишь значительно позже поняли опасность каутскианства, когда в Германии дискуссия с ним была уже в полном разгаре. Насколько мы знаем, до войны Ленин тоже не думал о расколе в Интернационале или в какой-либо западно-европейской партии. Только катастрофа 1914 года показала наглядно, что есть и что нужно.

* *
*

Побежденный во всех теоретических боях, опровергаемый вновь и вновь фактическим развитием, реформизм все глубже внедрялся в партию. Он вырос на почве рабочей аристократии, которую кормили .видимостью прав. Он занимал прочную позицию в парламентских фракциях, в рабочих союзах, в кооперации. С гигантским развитием пролетарских организаций создалась рабочая бюрократия, из сознания которой улетучился весь революционный дух. Это был слой, всеми своими интересами связанный с безупречным функционированием аппарата. Это их крик души испустил Бёмельбург на Кельнском рабочем конгрессе в 1905 году: «Германским рабочим союзам нужен покой!» Когда же под влиянием империализма открылись перспективы массовой борьбы, тогда левое крыло раскололось. Каутский и товарищи пошли вправо. К тому времени, когда разразилась катастрофа мировой войны, вся партия была во власти реформизма.

Ход развития в Германии является как бы образцом для других западно-европейских партий. В Англии рабочее движение, несмотря на некоторую радикализацию (независимая рабочая партия) осталось в руках реформистских профсоюзов.

Характерный период в развитии французской партии описан в статьях Розы Люксембург о французском министериализме. Но наибольшее значение имеет реформистское развитие в Италии. Там в 1893 г. молодая партия была вовлечена в тяжелую борьбу, спровоцированную министерством Джиолитти. При кабинете Криспи она подверглась тяжелым преследованиям. В 1894 г. партия подверглась запрещению. В это время Critica Sociale стала проповедывать «работу реформ в общинах» и политику союза с либералами, так как (!) отняты демократические права. В 1896 году кабинет Криспи пал. Была об'явлена амнистия. В 1898 году началась новая реакция. На забастовки и уличные демонстрации в Милане правительство ответило об'явлением осадного положения. Действовали военные суды. Турати, вождь партии, был осужден на 14 лет каторги. Острова были превращены в места ссылки. Страна, хотя и не долго, была во власти генерала Пелу. После него правило министерство Цанарделли-Джиолитти, которое поддерживали социалисты. Эта политика имела такие же роковые последствия, как и министериализм во Франции. Реформизм был доведен до крайних своих выводов. Партийная дисциплина была уничтожена, автономия округов признана.

После конгресса в Имола в 1902 г. центральный орган Avanti был об'явлен независимым от ЦК партии. Парламентские депутаты были ответственны только перед «своими избирателями». Дело дошло до того, что Avanti вел агитацию против радикального кандидата партии за либерала, «чтобы либеральный кандидат чувствовал, что он избран социалистами». Эта же газета рекомендовала южно-итальянским партийным товарищам образовать партию совместно с буржуазными радикалами. В 1903 г. в Consiglio di lavoro (рабочий совет), беспорядочно составленном конгрессе по охране труда, Турати заявил, что рабочие и социалисты, входящие в Совет труда, отказались от мысли, будто государство является враждебной им силой. Он воспевал общность интересов различных классов и заявлял о своей уверенности в том, что представители интересов предпринимателей считают тщетным и вредным противодействовать улучшению положения рабочего класса. Они требуют только, чтобы улучшение это совершалось постепенно и, по возможности, щадило законные права и собственность. Он предвидит то время, когда вожди промышленности на место борьбы класса против класса поставят борьбу всех классов против природы. Господство реформизма неоднократно ставило партию непосредственно перед расколом. В 1904 г. в партии одержали верх левые, но партия еще долго была парализована, и некоторое оздоровление обнаружилось лишь после того, как самые злостные реформисты (Биссолати и др.) были выброшены из партии за то, что они слишком откровенно способствовали завоевательной политике итальянской буржуазии в Африке (1912 г.). В Австрии разукрашенный радикальными лозунгами оппортунизм был возведен на степень искусства под руководством Виктора Адлера. В Бельгии, благодаря тесному, организованному об'единению партии с профсоюзами, кооперацией и организациями взаимопомощи, реформизм создал себе прочную основу, которая не поколеблена и в настоящее время.

Реформизм прошел победоносным маршем через всю Западную Европу. Он привел к социал-империализму, к мировой войне и, тем самым, к ужаснейшему поражению международного пролетариата. Под конец он заявил себя открытой контр-революцией. Роза Люксембург и остальные радикалы не могли предотвратить крушения германской социал-демократии; неизбежным стало также крушение II Интернационала. Но они заставляли бодрствовать сознание партии и подготовляли ту часть немецкого пролетариата, которая была призвана спасти марксизм и революционную волю.

В настоящее время в Германской коммунистической партии борьба за четкую коммунистическую линию сосредоточена вокруг учений Ленина и Розы Люксембург. Во всех вопро-

сах, по которым между обоими великими вождями происходили разногласия, Ленин обнаруживал бо́льшую дальновидность и превосходство[1]). Но сохранить живым живое наследие Розы Люксембург—это и значит выполнить волю Ленина. И сделать это надо не только в память мученицы германской революции, но и для того, чтобы сохранить ею выкованное оружие. В свое время в германской социал-демократии борьба была сосредоточена вокруг Лассаля. В этой борьбе Франц Меринг решительно защищал против Каутского и других исторические заслуги Лассаля. Если Лассаль и стоит далеко позади Маркса, то все же незабываемая его заслуга в том, что он оторвал от буржуазии германский рабочий класс и организовал его для борьбы за собственное освобождение. Германский рабочий класс должен был преодолеть слабые стороны и погрешности построений Лассаля, но ему обязан он тем, что научился итти своим путем. Не случайно и то, что историческое чутье Франца Меринга не обмануло его также и в ужаснейшей катастрофе международного пролетариата, между тем как его противники в споре о Лассале перешли на сторону врага. Искреннее и углубленное изучение нашего собственного прошлого может служить нам путеводною звездою.

Мы должны преодолеть то, что представляется в учениях Розы Люксембург несостоятельным; но и при всем том ее духовное наследие окажется достаточно богатым. Потому что, «несмотря на все свои заблуждения, она была и останется орлицей» (Ленин).

В течение всего периода реформистского развития она неустанно вела борьбу за революционную сущность пролетарского движения, против могущественнейшего бюрократического аппарата, против злобы и измены, против иллюзий и слабостей самого рабочего класса. Этим она положила основание для коммунистического движения в Германии.

* *
*

Выбор статей, об'единенных в этом томе, был связан с целым рядом затруднений. Так, например, спорным являлся вопрос о том, не следует ли включить сюда же статьи о реформистских стремлениях в профсоюзах. Но при более внимательном обсуждении оказалось, что они теснейшим образом связаны с той полемикой, которую Роза Люксембург вела по вопросу о всеобщей забастовке с во-

[1]) Об этих разногласиях говорится в сочинениях о Польше, о всеобщей забастовке, о войне и о революции.

ждями профсоюзов. Поэтому они и должны быть помещены там (том IV собрания сочинений); обратный случай представляет вопрос о милиции. Как известно, вопрос этот был вновь поднят в связи с дебатами по поводу империализма и против Каутского. Здесь оказалось, что статьи и речи против Шиппеля тесно связаны с борьбою против реформизма, между тем как вторые дебаты о милиции всецело относятся к комплексу вопросов, поднятых в борьбе против так называемого марксистского центра. Поэтому в этом томе читатель найдет статьи и речи против Шиппеля.

Мы старались, по возможности, избежать повторений. Правда, это не могло быть достигнуто вполне, так как мы имеем дело с постепенно разворачивающимися дебатами. Мы не считали себя в праве производить в статьях какие-либо купюры. Но, с другой стороны, мы отказались от опубликования таких произведений, которые ничего не могли дать нового для исторического понимания и для теоретического познания. Сюда относится ряд статьей об «Анти-Бернштейне» Каутского, которые только воспроизводят содержание этой книги без всяких замечаний Розы Люксембург. Все эти статьи представляют лишь журнальную работу на злобу дня.

Мы отказались также от включения многочисленных речей на собраниях, которые помещались в сокращенном виде в газетах. Эта передача грешит большими неточностями. Из речей включены только речи, произнесенные на партийных с'ездах, потому что сохранился их дословный текст.

Все примечания со знаком *) сделаны самим автором; примечания издателя обозначены цифрами. Заключенные в круглые скобки ( ) немецкие обозначения внесены издателем.

В некоторых местах мы позволили себе незаметно сгладить некоторые шероховатости текста, которые неизбежны при газетной работе, без особых указаний. Но мы считаем своею обязанностью быть в этом отношении крайне сдержанными.

В этом томе разбираются тактические и теоретические вопросы. Это уже само по себе требует внимания со стороны читателей. И рассчитывая на это, мы воздержались от всяких наставлений и только там высказывали свое мнение, где это нам казалось нужным по особым причинам.

П. Фрелих.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕФОРМА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

ПРЕДИСЛОВИЕ[1])

На первый взгляд заглавие этой работы может вызвать недоумение. Социальная реформа или революция? Разве социал-демократия может быть против социальной реформы? Или разве она может противопоставлять социальную революцию, ниспровержение существующего строя, являющееся ее конечной целью, социальной реформе? Конечно, нет. Повседневная практическая борьба за социальные реформы, за улучшение положения трудящихся в рамках существующего строя, борьба за демократические учреждения,—вот единственный способ, которым социал-демократия может вести пролетарскую классовую борьбу и итти к конечной цели—к захвату политической власти и к упразднению системы наемного труда.

Для социал-демократии социальная реформа и социальная революция неразрывно между собой связаны, так как борьба за социальные реформы для нее средство, а социальный переворот—цель.

Противопоставление этих двух моментов рабочего движения мы встречаем впервые в теории Э. Бернштейна, изложенной им в статьях «Проблемы социализма», в Neue Zeit за 1897/8 г. и особенно в книге «Предпосылки социализма».

---

[1]) Произведение «Социальная реформа или революция?» вышло двумя изданиями под редакцией самого автора, в 1900 и в 1908 гг. Тексты в обоих изданиях местами не совпадают. Различие сводится главным образом к двум пунктам. Во 2-е издание внесены некоторые изменения, вытекающие из опыта последних лет, как, например, по вопросу об экономическом кризисе. Во 2-м издании выпущены все те места, в которых либо высказывалось требование исключения реформистов, либо делались на это намеки. К тому времени, когда Роза Люксембург переиздала брошюру, требование исключения потеряло всякий смысл; через 10 лет после начала полемики против Бернштейна и после завоевания оппортунистами важнейших партийных позиций, требование это показалось бы только смешным.

Нами взято за основание 1-е издание. Места, выпущенные во 2-м издании, заключены в скобки [ ]. Дополнения, сделанные во 2-м издании, помещены в примечаниях. Стилистические исправления и мелкие переработки взяты из 2-го издания без всяких оговорок.

Практически вся эта теория сводится не более и не менее как к предложению отказаться от социального переворота— этой конечной цели социал-демократии, и социальную реформу из средства классовой борьбы сделать ее целью. Сам Бернштейн лучше и ярче всего формулировал свои взгляды в следующих словах: «Конечная цель, какова бы она ни была, для меня ничто, а движение—все».

Но так как социалистическая конечная цель представляет единственный решающий момент, отличающий социал-демократическое движение от буржуазной демократии и от буржуазного радикализма и превращающий все рабочее движение из праздного накладывания заплат для спасения капиталистического строя в классовую борьбу против этого строя, за упразднение этого строя, то вопрос—«социальная реформа или революция?»—в бернштейновском смысле является для социал-демократии вместе с тем и вопросом: быть или не быть? В полемике с Бернштейном и его сторонниками—и это должен себе уяснить каждый член партии—речь идет не о том или ином методе борьбы, не о той или иной тактике, а о самом существовании социал-демократического движения.

[При поверхностном взгляде на бернштейновскую теорию это может показаться преувеличением. Разве Бернштейн не говорит на каждом шагу о социал-демократии и о ее целях, разве он сам не повторяет многократно и ясно, что и он стремится к конечной цели социализма, только в другой форме, разве он усиленно не подчеркивает, что почти всецело признает современную практику социал-демократии?

Все это, конечно, так. Но правда и то, что издавна в развитии теории и в политике каждое новое направление в своих зачатках опирается на старое, даже и тогда, когда оно по своей внутренней сущности ему прямо противоречит, приспособляется вначале к имеющимся уже формам, говорит языком, которым говорили до него. Лишь с течением времени из старой оболочки выступает новое зерно, и новое направление обретает собственные формы, собственный язык.

Ожидать от оппозиции против научного социализма, чтобы она с самого начала ясно и отчетливо высказала свою внутреннюю сущность вплоть до последних выводов, чтобы она открыто и бесповоротно отреклась от теоретических основ социал-демократии,—значило бы недооценивать мощь научного социализма. Тот, кто в наше время хочет считаться социалистом, но вместе с тем об'явить войну марксистскому учению, грандиознейшему продукту человеческого духа в нашем столетии, тот должен начать с бессознательного преклонения перед ним и, признав себя сначала сторонником этого учения, в нем самом искать точку опоры для борьбы с ним, выдавая эту борьбу за дальнейшее развитие учения.

Поэтому, не поддаваясь обману этих внешних форм, следует вылущить самое зерно бернштейновской теории, и это прямо-таки настоятельно необходимо для широких слоев промышленного пролетариата в нашей партии.

Грубейшее оскорбление, злейшая обида наносится рабочему классу утверждением, что теоретические споры—дело одних «академиков». Уже Лассаль когда-то сказал: «Только тогда, когда наука и рабочие, эти противоположные полюсы общества, об'единятся, они сумеют сокрушить в своих железных об'ятиях все преграды, стоящие на пути культуры». Вся мощь современного рабочего движения зиждется на теоретическом познании] [1]).

Но в данном случае это познание имеет для рабочих сугубое значение, потому что речь идет как раз о них самих, об их влиянии на движение, об их судьбе. Оппортунистическое течение в партии, теоретически формулированное Бернштейном, есть не что иное, как бессознательное стремление обеспечить перевес перешедшим в партию мелкобуржуазным элементам и преобразовать в их духе тактику и цели партии.

Вопрос о социальной реформе и революции, о конечной цели и движении является другой стороной вопроса о мелкобуржуазном или пролетарском характере рабочего движения.

[Поэтому как раз интересы пролетарских масс партии требуют, чтобы нынешние теоретические споры с оппортунизмом встретили с их стороны живейшее и углубленное внимание. Пока теоретическое познание составляет в партии привилегию горсти «академиков», до тех пор партии неизменно угрожает опасность сбиться с верного пути. Мелкобуржуазная накипь и все оппортунистические течения лишь тогда будут окончательно обессилены, когда широкие рабочие массы сами возьмут в руки острое, надежное оружие научного социализма. Тогда движение будет поставлено на прочное, твердое основание. «Массы это сделают»].

Роза Люксембург.

Берлин, 18 апреля 1899 г.

---

[1]) Заключенные в скобки абзацы были опущены во 2-м издании.

Часть первая*)

1. ОППОРТУНИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД

Если считать теории зеркальными отражениями внешнего мира в человеческом мозгу, то по поводу теорий Эдуарда Бернштейна приходится, во всяком случае, прибавить, что эти зеркальные отражения иногда повернуты вверх ногами. Теория введения социализма путем социальных реформ—после того как окончательно опочили немецкие социальные реформы; теория контроля производственного процесса профсоюзами—после поражения английских машиностроительных рабочих; теория социал-демократического большинства в парламенте—после пересмотра саксонской конституции и покушений на всеобщее избирательное право в рейхстаг! Однако, по нашему мнению, центр тяжести рассуждений Бернштейна заключается не в его взглядах на практические задачи социал-демократии, а в том, что он говорит о ходе об'ективного развития капиталистического общества, с чем, правда, теснейшим образом связаны эти взгляды.

По мнению Бернштейна, общее крушение капитализма становится, по мере его развития, все более невероятным, потому что, с одной стороны, капиталистическая система обнаруживает все большую приспособляемость, а, с другой стороны, производство все больше диференцируется. Приспособляемость капитализма обнаруживается, по мнению Бернштейна, во-первых, в исчезновении общих кризисов, благодаря развитию кредита, предпринимательских организаций, средств сообщения и службы связи; во-вторых, в устойчивости средних слоев вследствие постоянного диференцирования отраслей производства и перехода значительных слоев пролетариата в среднее сословие; в-третьих,

*) Разбор серии статей Бернштейна. — «Проблема социализма». Neue Zeit 1897/98 г.

наконец,—в экономическом и политическом улучшении положения пролетариата вследствие профессиональной борьбы.

Отсюда для практической борьбы социал-демократии выводится то общее указание, что она должна направлять свою деятельность не на захват политической государственной власти, а на улучшение положения рабочего класса и на введение социализма не путем социального и политического кризиса, а путем постепенного расширения общественного контроля и постепенного проведения принципа кооперации.

Сам Бернштейн не усматривает в своих рассуждениях ничего нового и даже полагает, что они находятся в полном согласии как с отдельными мнениями Маркса и Энгельса, так и с общим направлением социал-демократии. Однако, с нашей точки зрения трудно не видеть, что взгляды Бернштейна в действительности принципиально противоречат ходу мыслей научного социализма.

Если бы весь бернштейновский пересмотр теории мог быть сведен к утверждению, что ход капиталистического развития гораздо медленнее, чем мы привыкли думать, то это, действительно, означало бы только отдаление момента захвата политической власти пролетариатом, из чего практически можно бы было вывести разве только необходимость более спокойного темпа борьбы.

Но дело обстоит не так. Под знак вопроса Бернштейн ставит не скорость развития, а самый ход развития капиталистического общества и, в связи с этим, переход к социалистическому строю.

Если прежняя социалистическая теория признавала исходной точкой социалистического переворота общий разрушительный кризис, то здесь, по нашему убеждению, следует различать две стороны: скрытую основную мысль и ее внешнюю форму.

Мысль заключается в признании, что капиталистический строй из себя, в силу собственных противоречий, породит момент, когда он безнадежно расшатается, когда он станет просто невозможен. Существуют, конечно, веские основания, почему этот момент рисовался в образе всеобщего и потрясающего торгового кризиса, но это, тем не менее, несущественно для основной мысли.

Как известно, научное обоснование социализма опирается на три основные факта капиталистического развития: прежде всего, на растущую анархию капиталистического хозяйства, которая делает неизбежной его гибель, во-вторых, на прогрессирующее обобществление производственного процесса, которое создает положительные зачатки будущего социального строя, и, в-третьих, на растущую организованность и классовое сознание пролетариата,

которые составляют активный фактор предстоящего переворота.

Бернштейн устраняет первый из названных устоев научного социализма. Он утверждает, что капиталистическое развитие вовсе не идет навстречу всеобщему хозяйственному банкротству.

Но этим он отрицает не только определенную форму гибели капитализма, но и самую эту гибель. Он ясно подчеркивает: «На это можно было бы возразить, что, говоря о крушении современного общества, имеют в виду нечто большее, чем всеобщий и небывалый до того кризис в делах,—общее разрушение капиталистической системы силою его собственных противоречий». И на это он отвечает: «Приблизительно одновременное и полное крушение современной системы производства становится, по мере развития общества, не более вероятным, а менее вероятным, так как эта система производства усиливает, с одной стороны, свою приспособляемость, а с другой—одновременно—диференциацию промышленности» *).

Но тогда возникает великий вопрос: почему и каким образом мы вообще можем достичь конечной цели наших стремлений? С точки зрения научного социализма, историческая необходимость социалистического переворота выражается, прежде всего, в растущей анархии капиталистической системы, которая толкает ее в безвыходный тупик. Однако, если вместе с Бернштейном признать, что капиталистическое развитие не идет в направлении собственной гибели, тогда социализм перестает быть об'ективно необходимым. Тогда из устоев его научного обоснования остаются лишь последние два факта капиталистического порядка: обобществление производственного процесса и классовое сознание пролетариата. Это и имеет в виду Бернштейн, когда он говорит: «Социалистический круг мыслей (с устранением теории крушения) отнюдь не становится менее убедительным. Что, при ближайшем рассмотрении, представляют собою все перечисленные нами факторы устранения или модификации прежних кризисов? Все явления, которые одновременно с этим представляют собою предпосылки и отчасти даже зачатки обобществления производства и обмена» **).

Между тем, достаточно немногих доводов, чтобы обнаружить ложность этого заключения. В чем смысл тех явлений, которые Бернштейн называет средствами приспособления капитализма: картеля, кредита, усовершенствованных способов передвижения, улучшения положения рабочего класса и т. д.? Очевидно, в том, что они устраняют или, по крайней мере,

*) Neue Zeit 1897/98, № 18, стр. 555.
**) Neue Zeit 1897/98, № 18, стр. 554.

сглаживают внутренние противоречия капиталистического хозяйства и препятствуют их развитию и обострению. Таким образом, устранение кризисов означает уничтожение противоречия между производством и обменом на капиталистической основе; улучшение положения рабочего класса, отчасти как такового, отчасти путем перехода в средний класс, означает смягчение противоречия между капиталом и трудом.

Но если, таким образом, картели, система кредита, профсоюзы и т. д. разрешают противоречия капитализма, следовательно, спасают капиталистическую систему от гибели, предохраняют капитализм—ведь потому-то Бернштейн их и называет «средства приспособления»,—то как же они могут вместе с тем быть и «предпосылками и отчасти даже зачатками» социализма? Очевидно, лишь в том смысле, что они сильнее выявляют общественный характер производства. Но сохраняя его в его капиталистической форме, они, наоборот, делают излишним переход этого обобществленного производства в социалистическую форму. Поэтому «зачатками и предпосылками» социалистического порядка они могут быть лишь в логическом, а не в историческом смысле, т.-е. мы можем считать их такими явлениями, относительно которых мы, на основании нашего представления о социализме, знаем, что они ему родственны, но которые фактически не только не приближают социалистического переворота, а, наоборот, делают его излишним. В качестве обоснования социализма остается только классовое сознание пролетариата: но в данном случае и это сознание не является простым духовным отражением все более обостряющихся противоречий капитализма и предстоящей его гибели,—ведь ее предотвращают средства приспособления,—а лишь простым идеалом, убедительность которого покоится на приписываемых ему совершенствах.

Одним словом, этим путем мы приходим к обоснованию социалистической программы в «чистом познании», т.-е., попросту, к идеалистическому его обоснованию, между тем как об'ективная необходимость, т.-е. обоснование самим ходом материального общественного развития, тем самым рушится. Теория ревизионизма стоит перед альтернативой: или социалистическая перестройка вытекает из внутренних противоречий капиталистического строя, и тогда вместе с этим строем развиваются также и его противоречия, и в какой-либо момент крушение в той или иной форме становится неизбежным следствием (но в таком случае и «средства приспособления» недействительны, и теория крушения правильна); или же «средства приспособления» в силах предотвратить крушение капиталистической системы, т.-е. сделать капитализм жизнеспособным, т.-е. разрешить его противоречия, то тогда социализм перестает быть исто-

рической необходимостью, и тогда его можно считать чем угодно, но только не результатом материального развития общества. Эта дилемма приводит к другой: либо прав ревизионист в вопросе о ходе капиталистического развития, и тогда социалистическая перестройка общества обращается в утопию, либо социализм не утопия, но тогда следует признать несостоятельной теорию «средств приспособления». That is the question —вот в чем вопрос.

2. ПРИСПОСОБЛЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА

Важнейшими средствами, при помощи которых осуществляется приспособление капиталистического хозяйства, Бернштейн считает систему кредита, улучшение средств сообщения и организации предпринимателей.

Начнем с кредита. В капиталистическом хозяйстве кредит выполняет многочисленные функции; но, как известно, важнейшая его функция заключается в усилении роста производства, в посредничестве и облегчении обмена. Там, где внутренняя тенденция капиталистического производства к беспредельному расширению наталкивается на границы частной собственности, на ограниченные размеры частного капитала,—там кредит предоставляет средства преодолеть в капиталистическом духе эти границы, об'единить много частных капиталов в один—акционерные общества, отдать в распоряжение одного капиталиста чужой капитал—промышленный кредит. С другой стороны, он, в роли коммерческого кредита, ускоряет обмен товаров, следовательно, возвращение капитала в производство и, следовательно, весь круговорот производственного процесса. Легко оценить влияние, оказываемое этими важнейшими функциями кредита на образование кризисов. Если кризисы, как известно, вызываются противоречием между тенденцией производства к расширению и ограниченностью потребительной способности, то кредит как раз и является наилучшим средством возможно чаще доводить эти противоречия до взрыва. Кредит, прежде всего, чудовищно стимулирует способность производства к расширению и является внутренним двигателем, постоянно повышающим производство за пределы потребности рынка. Но он бьет в двух направлениях. Когда им, как фактором производственного процесса, вызвано перепроизводство, кредит, в момент кризиса, в качестве посредника при товарообмене, тем беспощаднее истребляет им же самим вызванные к жизни производительные силы. При первых же признаках затора кредит сокращается, парализует обмен там, где он был бы необходим, обнаруживает свое бессилие и бесцельность там, где он еще действует, и, таким образом, во время

кризиса сокращает потребительную способность до минимума.

Помимо этих двух важнейших последствий, кредит еще многообразно влияет на образование кризисов. Он не только является техническим средством отдать в руки капиталиста чужие капиталы, но он вместе с тем поощряет капиталиста к смелому, безответственному пользованию чужой собственностью, т.-е. к безрассудным спекуляциям. В качестве коварного средства товарообмена он не только обостряет кризис, но способствует его наступлению и его распространению обращением всего обмена в крайне сложный и искусственный механизм, с минимумом металлических денег в виде реальной основы, что при малейшем поводе вызывает расстройство всей системы.

Таким образом, кредит не только не является средством устранения или хотя бы только смягчения кризисов, но, как раз наоборот, представляет мощный фактор образования кризисов. Иначе это не могло бы и быть. Ведь специфическая функция кредита—выражаясь самым общим образом—не что иное, как изгнание из всех капиталистических соотношений остатка устойчивости и внесение повсюду наибольшей эластичности, сообщение всем капиталистическим силам высшей меры растяжимости, относительности и чувствительности. Совершенно ясно, что этим могут только облегчаться и обостряться кризисы, которые представляют собою не что иное, как периодические столкновения взаимно противоположных сил капиталистического хозяйства.

Это сразу же подводит нас к другому вопросу: как кредит вообще может казаться «средством приспособления» капитализма?

В каком отношении и в каком виде мы бы себе ни представляли «приспособление» при помощи кредита, сущность его, очевидно, может состоять только в том, что им сглаживается какая-либо несогласованность капиталистического хозяйства, устраняется или смягчается какое-либо из его противоречий, и, таким образом, в какой-либо точке открывается скованным силам свобода действия. Но если в современном капиталистическом хозяйстве существует средство до крайнего напряжения повысить все его противоречия, то таким средством как раз и является кредит. Он увеличивает противоречие между способом производства и способом обмена тем, что крайне повышает продукцию и при малейшем поводе парализует обмен. Он усиливает противоречие между способом производства и способом присвоения, отделяя производство от собственности, делая капитал общественным и превращая в то же время часть прибыли в проценты на капитал, т.-е. в чистейшую форму частной собственности. Он увеличивает противоречие между

отношениями собственности и отношениями производства тем, что путем экспроприации многих мелких капиталистов сосредоточивает в немногих руках огромные производительные силы. Он увеличивает противоречие между общественным характером производства и капиталистической частной собственностью тем, что делает необходимым вмешательство государства в производство (акционерные общества).

Одним словом, кредит воспроизводит все основные противоречия капиталистического мира, доводит их до высшей точки, он ускоряет шаги, какими мир этот движется навстречу собственному уничтожению—крушению. Для капитализма лучшим средством приспособления в отношении кредита было бы полное его уничтожение, отмена кредита.

В таком виде, в каком он существует, кредит представляет собою не средство приспособления, а высоко революционное средство уничтожения. Ведь как раз этот революционный, выводящий за пределы самого капитализма характер кредита соблазнял даже на социалистически окрашенные планы реформ и, по словам Маркса, придавал таким великим поборникам кредита, как Исаак Перейер во Франции, вид полупророков и полумазуриков.

Таким же несостоятельным при ближайшем рассмотрении оказывается и второе средство приспособления капиталистического производства—союзы предпринимателей[1]). По мнению Бернштейна, союзы эти должны регулированием производства сдерживать анархию и предотвращать кризисы. Развитие картелей и трестов представляет собою явление, не исследованное еще в его многосторонних экономических воздействиях. Оно составляет проблему, разрешить которую можно только при помощи учения Маркса. Но ясно, во всяком случае, одно: о сдерживании капиталистической анархии картелем предпринимателей речь могла бы итти лишь в той мере, в какой картели, тресты и т. д. стали бы всеобщей, господствующей формой производства, но как раз это исключается самой природой картеля. Конечная экономическая цель и действие предпринимательских союзов состоят в том, чтобы путем исключения конкуренции в пределах одной отрасли, так повлиять на распределение прибыли, получаемой на товарном рынке, чтобы увеличилась доля участия в прибыли данной отрасли производства.

Организация может повысить прибыль данной отрасли промышленности только за счет других, и потому-то она и не

---

[1]) Роза Люксембург пользуется здесь выражением «предпринимательский союз», вопреки принятой теперь терминологии, для обозначения картелей, трестов и тому подобных организаций.

может стать всеобщей. Она упраздняет собственное значение, поскольку распространяется на все важнейшие отрасли промышленности.

Но и в пределах своего практического применения союзы предпринимателей действуют в направлении, обратном устранению промышленной анархии. Картели обычно достигают упомянутого повышения прибыли на внутреннем рынке тем, что избыточный капитал, который они не могут употребить на внутренние нужды, они вкладывают в производство на заграничный рынок с гораздо более низкой нормой прибыли, т.-е. за границей продают свои товары гораздо дешевле, чем в собственной стране. Результатом этого является обострение конкуренции за границей, увеличение анархии на мировом рынке, т.-е. как раз обратное тому, что имелось в виду достичь. Примером этого может служить международная сахарная промышленность.

Наконец, союзы предпринимателей в целом, как форма капиталистического способа производства, могут признаваться только переходной стадией, определенным фазисом капиталистического развития. И действительно! В конечном счете, картели являются, в сущности, лишь средством капиталистического способа производства задержать в отдельных отраслях производства фатальное падение нормы прибыли. Но каким методом пользуется для этой цели картель? По существу, метод этот представляет собою не что иное, как оставление в бездействии части накопленного капитала, т.-е. это тот самый метод, который в иной форме действует в кризисах. Но такое целебное средство как две капли воды похоже на болезнь и лишь до известного момента может считаться меньшим из зол. Когда рынок сбыта начинает сокращаться благодаря тому, что мировой рынок достиг полного развития и истощен конкурирующими капиталистическими странами,—а что раньше или позже момент этот настанет, этого, очевидно, нельзя отрицать,—тогда вынужденное, частичное бездействие капитала достигает таких пределов, что лекарство обращается в болезнь, и значительно уже обобществленный, благодаря организации, капитал вновь обращается в частный. При сократившейся возможности найти место на рынке сбыта, всякая частная доля капитала предпочитает искать удачи за свой страх и риск. Тогда организации должны неизбежно лопнуть, как мыльные пузыри, и вновь уступить место свободной конкуренции в усиленной форме *).

---

*) (Дополнение во 2-м издании). В одном из примечаний к III тому «Капитала» Фр. Энгельс пишет в 1894 году: «После того, как были написаны эти строки (1865 г.), конкуренция на мировом рынке значительно усилилась благодаря быстрому развитию промышленности во всех культурных странах, в особенности в Америке и Германии. Тот

Таким образом, в целом картели, точно так же, как и кредит, представляют собою определенные фазы развития, которые, в конечном счете, только увеличивают анархию капиталистического мира и способствуют назреванию и выявлению всех его внутренних противоречий. Они обостряют противоречие между способом производства и способом обмена, доводя до предельного напряжения борьбу между производителями и потребителями, как это особенно ярко обнаруживается в Американских Соединенных Штатах.

Далее, они обостряют противоречия между способом производства и способом присвоения тем, что в самой беспощадной форме противопоставляют рабочему классу силу организованного капитала и этим до крайности обостряют противоречие между капиталом и трудом.

Наконец, они обостряют противоречия между интернациональным характером капиталистического мирового хозяйства и национальным характером капиталистического государства тем, что постоянно влекут за собою всеобщую таможенную войну и, таким образом, доводят до крайнего напряжения противоречия между отдельными капиталистическими государствами. К этому присоединяется непосредственное, высоко-революционное действие карателей на концентрацию производства, на усовершенствование техники и т. д.

Таким образом, картели и тресты в своем конечном действии на капиталистическое хозяйство не только не оказываются «средством приспособления», стирающим его противоречия, а как раз одним из средств, которое оно само же создало для увеличения собственной анархии, для выявления заключенных в нем противоречий, для ускорения собственной гибели.

факт, что быстро и мощно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днем все сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которого они должны функционировать —факт этот в настоящее время все более и более проникает в сознание даже самих капиталистов. Это проявляется в двух симптомах. Во-первых, в теперешней всеобщей мании охранительных пошлин, которая от старой покровительственной системы отличается в особенности тем, что больше всего стремится охранять как раз продукты, способные к вывозу. Во-вторых, в картелях (трестах) фабрикантов целых крупных отраслей промышленности, имеющих целью регулировать производство, а следовательно, цены и прибыль. Само собой разумеется, что и эти эксперименты осуществимы лишь при сравнительно благоприятной экономической погоде. Первая же буря должна разрушить их и доказать, что, хотя производство и нуждается в регулировании, но, несомненно, не капиталистический класс призван осуществить его наделе. Пока что картели эти имеют своею целью позаботиться лишь о том, чтобы мелкие капиталисты пожирались крупными еще быстрее, чем это было раньше» (К. Маркс.—«Капитал». Т. III, ч. 1 русск. изд. 1923 г., стр. 97).

Однако, если система кредита, картели и т. п. не устраняют анархии капиталистического хозяйства, то чем об'ясняется тот факт, что мы за двадцать лет—с 1873 г.—не имели всеобщего промышленного кризиса? Не является ли это признаком того, что капиталистический способ производства, по крайней мере, в самом существенном, действительно «приспособился» к потребностям общества, и данный Марксом анализ устарел?

[Мы думаем, что современное затишье на мировом рынке следует об'яснять иначе.

Мы привыкли рассматривать предшествующие крупные периодические кризисы промышленности, как схематизированные Марксом в его анализе старческие кризисы капитализма. Приблизительно десятилетняя периодичность производственного цикла казалась лучшим подтверждением этой схемы. Однако, по нашему мнению, это понимание основано на недоразумении. Если внимательно проследить причины всех происходивших до сих пор крупных интернациональных кризисов, то мы должны притти к тому убеждению, что все они были выражением не старческой слабости капиталистического хозяйства, а скорее его детского возраста. Нескольких соображений достаточно, чтобы с самого начала показать, что в 1825, 1836, 1847 гг. капитализм никоим образом не мог вызвать этого периодически неизбежно повторяющегося напора производительных сил на пределы емкости рынка, являющегося выражением полной зрелости, как это изображается схемой Маркса, потому что в большей части стран капитализм находился в то время в зачаточном состоянии] [1]).

Действительно, кризис 1825 г. явился результатом крупных работ по постройке улиц, каналов, газового освещения, произведенных за предшествующее десятилетие, главным

---

[1]) Во 2-м издании вместо заключенного здесь в скобки абзаца 1-го издания мы находим следующий абзац:

Ответ непосредственно последовал за вопросом. Едва Бернштейн успел в 1898 г. бросить в старый хлам марксовскую теорию кризисов, как в 1900 году разразился всеобщий жестокий кризис, а через семь лет, в 1907 г., из Соеидненных Штатов распространился новый кризис на весь мировой рынок. Таким образом, сами вопиющие факты опровергли теорию «приспособления» капитализма. Этим также подтверждалось и то, что отказавшиеся от марксовской теории кризисов только потому, что она не оправдалась в предсказании срока «двух кризисов», смешали суть этой теории с незначительной внешней подробностью ее формы с десятилетним циклом. Признание в круговороте современной капиталистической промышленности десятилетней периодичности имело у Маркса и Энгельса в 60-х и 70-х годах смысл простого констатирования фактов, которые, в свою очередь, не опирались на какие-либо законы природы, а были обусловлены рядом конкретных исторических обстоятельств, связанных со скачкообразным расширением сферы действия юного капитализма.

образом в Англии, где особенно сильным оказался и самый кризис. Следующий кризис, 1836—1839 гг., был точно так же следствием грандиозных работ по созданию новых средств транспорта. Кризис 1847 г., как известно, был вызван лихорадочным железнодорожным строительсвом в Англии (в 1844—1847 гг., только за три года парламент утвердил концессии на железные дороги в сумме 1½ миллиардов талеров!) Таким образом, во всех трех случаях кризисы являлись последствием различных форм перестройки капиталистического хозяйства, подведения нового фундамента под капиталистическое развитие. В 1857 г. причиной кризиса явилось внезапное создание для европейской промышленности новых рынков сбыта в Америке и в Австралии, вследствие открытия золотых россыпей; во Франции же железнодорожное строительство, в котором Франция пошла по стопам Англии (в 1852—1856 гг. во Франции было построено на 1¼ миллиардов франков новых железнодорожных линий).

Наконец, великий кризис 1873 г. явился, как известно, прямым следствием перестройки, первого бурного под'ема крупной промышленности в Германии и в Австрии, последовавшего за политическими событиями 1866 и 1871 гг.

Таким образом, до сих пор причиною промышленных кризисов являлось каждый раз внезапное расширение сферы капиталистического хозяйства, а не сужение арены его действия, не его истощение. Чисто внешним, случайным явлением надо считать десятилетнюю периодичность этих интернациональных кризисов.

Марксова схема образования кризисов, данная Энгельсом в «Анти-Дюринге» и самим Марксом в I и III томе «Капитала», оправдывается всеми этими кризисами постольку, поскольку она вскрывает их внутренний механизм и их глубоко заложенные внутренние причины.

[Но в целом схема эта скорее подходит к совершенно развитому капиталистическому хозяйству, предпосылкой которого и является мировой рынок, как нечто уже данное.

Только при этом условии кризисы могут возникать вновь и вновь из собственного внутреннего развития процессов производства и обмена, тем механическим путем, который устанавливал анализ Маркса, помимо внешнего повода во внезапном потрясении условий производства и рынка. Если мы наглядно себе представим современное экономическое положение, то мы должны будем, во всяком случае, признать, что мы еще не вступили в ту фазу совершенной капиталистической зрелости, которая является предпосылкой марксовой схемы периодичности кризисов. Мировой рынок все еще находится в процессе образования. Германия и Австрия только в семидесятых годах вступили в фазу настоящего крупно-промышленного производства, Россия—только в вось-

мидесятых годах; Франция еще и в настоящее время по большей части мелко-ремесленная страна; Балканские страны в значительной степени даже еще не успели сбросить оковы натурального хозяйства; а Америка, Австралия и Африка лишь в восьмидесятых годах вступили в оживленные и регулярные торговые сношения с Европой. Поэтому, если, с одной стороны, у нас уже позади внезапные, толчкообразные открытия новых сфер действия капиталистического хозяйства, которые до семидесятых годов происходили периодически и влекли за собою прежние кризисы, так сказать, юношеские кризисы, то, с другой стороны, мы еще не дошли до того предела развития и истощения мирового рынка, который бы вызывал роковой, периодический напор производительных сил на пределы рынка, т.-е. настоящие капиталистические старческие кризисы. Мы находимся в той фазе, когда кризисы уже не сопровождают рост капитализма и еще не вызываются его гибелью. Этот переходный период характеризуется также неизменяющимся за последние два десятка лет, в среднем, вялым пульсом деловой жизни и сменой коротких периодов расцвета периодами длительной депрессии.

Но как раз из тех самых явлений, которые пока что обусловливают отсутствие кризисов, следует, что мы неудержимо приближаемся к началу конца, к периоду капиталистических окончательных кризисов.

Если, после того как мировой рынок в общем установлен и уже не может увеличиваться путем каких-либо внезапных расширений, безудержно будут развиваться производительность труда, тогда, рано или поздно, начнутся периодические столкновения между производителными силами и границами обмена, которые, в силу повторения, будут приобретать все более резкий и бурный характер. И ничто не обладает в такой степени способностью приблизить нас к этому периоду, быстро создать мировой рынок и быстро его истощить, как именно те самые явления—система кредита и организации предпринимателей,—на которые Бернштейн рассчитывает, как на средства приспособления капитализма] [1]).

Утверждение, что капиталистическое производство могло бы «приспособиться» к обмену, требует одной из двух предпосылок: либо надо допустить, что мировой рынок неограничен и растет до бесконечности, либо, наоборот, что производительные силы сдерживаются в своем росте для того,

[1]) Вместо абзаца, обозначенного скобками, во 2-м издании мы читаем: пусть эти кризисы повторяются каждые 10, каждые 5, или попеременно каждые 20 и каждые 8 лет. Но несостоятельность бернштейновской теории убедительнее всего доказывает тот факт, что последний кризис 1907/08 г. свирепствовал всего ужаснее в той стране, где всего лучше развиты пресловутые «средства приспособления»: кредит, служба связи и тресты.

чтобы не перерастать границ рынка. Первое представляется физически невозможным, а последнему противоречит тот факт, что на каждом шагу происходят технические перевороты во всех отраслях промышленности, с каждым днем вызывающие к жизни новые производительные силы.

По мнению Бернштейна, еще одно явление противоречит указанному ходу развития капитализма: «прямо-таки несокрушимая фаланга» средних предприятий, на которые он нам указывает. В этом он усматривает признак того, что развитие крупной промышленности не оказывает того революционизирующего, концентрирующего действия, какого бы следовало ожидать, согласно «теории крушений»; однако, он и здесь оказывается жертвой собственного непонимания. Действительно, мы бы совершенно ложно понимали развитие крупной промышленности, если бы ожидали постепенного исчезновения средних предприятий.

Как раз, по мнению Маркса, в общем ходе капиталистического развития маленькие капиталы играют роль пионеров технической революции—и даже в двояком смысле: как в отношении новых методов производства в старых, прочно укоренившихся отраслях промышленности, так и в отношении создания новых отраслей производства, еще не использованных крупным капиталом. Совершенно неправильно представлять себе, будто история капиталистических средних предприятий стремится по прямой линии к постепенному уничтожению. Действительный ход развития носит и здесь чисто диалектический характер и постоянно переходит от противоречия к противоречию. Средний капиталистический класс, совершенно так же, как и рабочий класс, испытывает влияние двух противоположных тенденций, из которых одна его возвышает, а другая его принижает. Принижающей тенденцией, в данном случае, является постоянный под'ем производства, который периодически обгоняет размеры средних капиталов и, таким образом, постоянно выбрасывает их с арены борьбы. Возвышающая тенденция заключается в периодическом обесценении существующего капитала, которое временно понижает масштаб производства,—соответственно ценности необходимого минимума капитала,—а также в проникновении капиталистического производства в новые сферы. Не надо представлять себе борьбу средних предприятий с крупным капиталом в виде настоящего сражения, в котором отряды более слабой стороны непосредственно убывают в количестве, а скорее в виде периодического устранения мелких капиталов, которые вскоре вырастают вновь, чтобы вновь погибнуть под косою крупной промышленности.

Из этих обеих тенденций, игрушкой которых является средний капиталистический слой, в конечном счете—в про-

тивоположность развитию рабочего класса—побеждает понижающая тенденция.

Но это отнюдь не должно проявляться в абсолютном численном сокращении средних предприятий, а, во-первых, в постепенном увеличении минимума капитала, нужного для жизнеспособного предприятия в старых отраслях промышленности, во-вторых, в постоянном сокращении того времени, в течение которого мелкие капиталы самостоятельно эксплоатируют новые отрасли промышленности. Из этого для индивидуального мелкого капитала вытекает постоянное уменьшение продолжительности жизни и все более быстрая смена методов производства и типов предприятий, а для класса в целом—постоянное ускорение социального обмена веществ.

Последнее явление отлично известно Бернштейну, и он сам его устанавливает. Но он, повидимому, забывает, что этим устанавливается самый закон движения средних капиталистических предприятий. Если мелкие капиталы являются застрельщиками технического прогресса, и если технический прогресс составляет пульс жизни капиталистического хозяйства, то, очевидно, мелкие капиталы представляют собою неотделимое сопутствующее явление капиталистического развития, которое только одновременно с ним может исчезнуть. Постепенное исчезновение средних предприятий—в смысле абсолютной, суммарной статистики, о которой идет речь у Бернштейна,—означало бы не революционный ход развития капитализма, как думает Бернштейн, но, как раз наоборот, его застой, его усыпление. «Норма прибыли, т.-е. относительное возрастание капитала, имеет значение, главным образом, для всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала. И если бы создание новых капиталов стало совершаться исключительно при некоторых немногих и без того уже крупных капиталах... то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон» *).

[Таким образом, бернштейновские «средства приспособления» оказываются недействительными, и явления, об'ясняемые им, как симптомы приспособления, должны быть сведены к совершенно иным причинам] [1]).

3. ВВЕДЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА ПУТЕМ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ

Бернштейн отрицает «теорию крушения», как исторический путь к осуществлению социалистического общества. Но каков же путь, который ведет к нему с точки зрения «теории

*) К. Маркс.—«Капитал» III том, ч. 1, стр. 240, русск. изд. 1923 г.
[1]) Во 2-м издании опущено.

приспособления капитализма»? Сам Бернштейн лишь намеками ответил на этот вопрос, попытку же подробнее его разработать в духе Бернштейна сделал Конрад Шмидт *). По его мнению, «профессиональная и политическая борьба за социальные реформы поведет к постепенному расширению общественного контроля над условиями производства» и постепенно, «путем законодательного ограничения прав владельца капитала, низведет его к роли управляющего», пока, наконец, «у покорного капиталиста, для которого его собственность будет постепенно терять всякую цену, отнято будет руководство и управление его предприятием», и окончательно будет введено общественное производство.

Таким образом, профсоюзы, социальные реформы и еще, как прибавляет Бернштейн, политическая демократизация государства,—вот средства постепенного введения социализма.

Начнем с профсоюзов. Их главная функция,—и никто не доказал этого лучше, чем сам Бернштейн в 1891 г. в Neue Zeit,—состоит в том, что они являются со стороны рабочих средством осуществления капиталистического закона заработной платы, т.-е. продажи рабочей силы по рыночной цене дня. Услуга, оказываемая профсоюзами пролетариату, заключается в использовании им в каждый данный момент кон'юнктуры рынка. Но сама эта кон'юнктура, т.-е., с одной стороны, обусловленный состоянием производства спрос на рабочую силу, с другой стороны, предложение рабочей силы, создаваемое пролетаризацией средних классов и естественным размножением рабочего класса, наконец, степень продуктивности труда,—все это находится вне сферы влияния профсоюзов. Поэтому они не могут сокрушать закон заработной платы; в лучшем случае они могут установить «нормальные пределы» капиталистической эксплоатации, но никоим образом не могут постепенно ее устранить.

Правда, Конрад Шмидт называет современное профдвижение «слабой начальной стадией» и ожидает в будущем «возрастающего влияния профсоюзов на урегулирование самого производства». Но под урегулированием производства можно понимать две вещи: вмешательство в техническую сторону производственного процесса и определение об'ема самого производства. Какого рода может быть воздействие профсоюзов в том и в другом случае? Ясно, что в отношении техники производства интересы капиталистов в известных пределах совпадают с прогрессом и с развитием капиталистического хозяйства.

---

*) Vorwärts от 20 февраля 1898 г. Обзор литературы. Мы считаем себя тем более в праве оценивать рассуждения Конрада Шмидта в связи с теорией Бернштейна, что Бернштейн ни одним словом не возразил против комментирования его взглядов в Vorwärts.

Нужда заставляет капитализм прибегать к техническим усовершенствованиям. Позиция отдельного рабочего как раз противоположная: всякое техническое преобразование противоречит интересам рабочих, которых оно непосредственно касается, и ухудшает их положение, обесценивая работу и делая ее более интенсивной, более однообразной и мучительной.

Поскольку рабочий союз может вмешиваться в техническую сторону производства, он, очевидно, может действовать только в пользу непосредственно заинтересованных отдельных рабочих групп, следовательно, противодействовать нововведениям. Но, в таком случае, он действует не в интересах рабочего класса в целом и его освобождения, которые как раз совпадают с техническим прогрессом, т.-е. с интересами отдельного капиталиста, а как раз наоборот, в интересах реакции. И, действительно, стремление воздействовать на техническую сторону производства мы обнаруживаем не в будущем, где его ищет Конрад Шмидт, а в прошлом профессионального движения.

Оно характерно для более ранней фазы английского тред-юнионизма (до шестидесятых годов), когда он еще придерживался средневековых цеховых традиций и опирался на устаревший принцип «приобретенного права на справедливый труд» *). Напротив, стремление профсоюзов к определению об'ема производства и цен на товары представляет собою явление совершенно недавнего происхождения. Лишь в самое последнее время—и опять-таки лишь в Англии—мы видим попытки в этом направлении **). Но по своему характеру и тенденциям те и другие попытки совершенно равноценны. Ведь к чему необходимо сводится активное участие профсоюзов в определении об'ема и цен продукции товаров? К картелю рабочих и предпринимателей против потребителя, и притом с применением против конкурирующих предприятий принудительных мер, ничем не уступающих методам самых настоящих союзов предпринимателей. По существу это уже вовсе не борьба между трудом и капиталом, а солидарная борьба капитала и рабочей силы против потребляющего общества. По своей социальной ценности это реакционное начинание, которое уже по одному тому не может быть этапом в борьбе пролетариата за освобождение, что оно представляет прямую противоположность классовой борьбы. По своей практической ценности—это утопия, которая, как легко понять, никогда не распространится на более крупные

*) Вебб. — Теория и практика английских профсоюзов, II том, стр. 100 и дальше.

**) Там же, стр. 115 и дальше.

отрасли промышленности, производящие для мирового рынка.

Таким образом, деятельность профсоюзов ограничивается, главным образом, борьбою за заработную плату и за сокращение рабочего дня, т.-е. урегулированием капиталистической эксплоатации, в зависимости от условий рынка; влияние на производственный процесс силою вещей оказывается для них недоступным.

Более того, вся тенденция развития профсоюзов, обратно тому, что утверждает Конрад Шмидт, направлена на полное освобождение рынка труда от всякого отношения к остальному товарному рынку.

В этом смысле всего показательнее тот факт, что фактическое развитие опередило даже попытку привести, хотя бы пассивно, рабочий контракт в непосредственную связь с общим состоянием производства путем применения системы скользящей скалы заработной платы, и что от них все более отходят английские тред-юнионы *)».

Но и в пределах своего действительного воздействия, профдвижение отнюдь не имеет перед собою перспектив неограниченного развития, как это предполагает теория приспособления капитала. Как раз наоборот! Присматриваясь к крупным этапам социального развития, нельзя не заметить, что в общем и целом профдвижение идет навстречу не могущественному под'ему, а эпохе растущих осложнений. Когда развитие промышленности достигло высшей точки, и для капитала на мировом рынке открывается «кривая падения», тогда вдвойне трудной становится профессиональная борьба: во-первых, на рынке об'ективная кон'юнктура для рабочей силы ухудшается тем, что спрос увеличивается медленнее, а предложение—быстрее, чем это наблюдается в настоящее время; во-вторых, капитал, чтобы вознаградить себя за потерю на мировом рынке, тем упорнее зарится на причитающуюся рабочему долю продукта. Ведь является же понижение заработной платы одним из важнейших средств противодействовать падению нормы прибыли **). Англия уже теперь дает нам наглядный пример начала второй стадии в развитии профдвижения. Оно поневоле все более сводится к простой защите того, что уже отвоевано, но и это становится все более трудно. Такой общий ход вещей должен неизбежно вызвать под'ем политической и социалистической классовой борьбы.

Такую же ошибку обратной исторической перспективы допускает Конрад Шмидт и в отношении социальной реформы, от которой он ожидает, что она «рука об руку с проф-

---

*) Вебб.—Там же, стр. 115.

**) Карл Маркс.—«Капитал», III том, ч. 1, стр. 216.

союзами навяжет классу капиталистов те условия, на которых они могут пользоваться рабочей силой». В духе такого понимания социальной реформы, по мнению Бернштейна, фабричные законы осуществляют частично «общественный контроль», а, стало-быть, частично и социализм.

Конрад Шмидт тоже везде, где речь идет о государственной защите рабочих, говорит об «общественном контроле», и после того, как он благополучно превратил государство в общество, он спокойно прибавляет: «т.-е. возвышающийся рабочий класс»; и, таким образом, безобидное социальное законодательство германского Союзного Совета превращается в социалистические переходные меры немецкого пролетариата.

Подтасовка здесь очевидна. Современное государство отнюдь не есть «общество» в смысле «возвышающегося рабочего класса», а представляет капиталистическое общество, т.-е. является классовым государством. Поэтому проводимая им социальная реформа не есть действие «общественного контроля», т.-е. контроля свободного трудящегося общества над собственным трудовым процессом, а контроль классовой организации капитала над производственным процессом капитала. Здесь, т.-е. в интересах капитала, социальная реформа находит свои естественные границы. Правда, что и Бернштейн и Конрад Шмидт в этом отношении усматривают в современности лишь «слабую начальную стадию» и от будущего ожидают бесконечное развитие социальной реформы в пользу рабочего класса. Однако, они допускают в этом такую же ошибку, как и в представлении о неограниченном росте могущества профдвижения.

Теория постепенного введения социализма путем социальных реформ исходит из положения об определенном об'ективном развитии как капиталистической собственности, так и государства, и в этом ее центр тяжести. В отношении к первой схема будущего развития, как ее рисует Конрад Шмидт, сводится к тому, что «владелец капитала, путем ограничения его прав, все более и более низводится к роли управляющего». Учитывая, якобы, существующую невозможность внезапной экспроприации—одним приемом—средств производства, Конрад Шмидт строит теорию постепенной экспроприации. Для этой цели, в качестве необходимой предпосылки, он выдвигает расчленение права собственности на «высшее владение», которое он предоставляет «обществу», и которое постепенно все более расширяется, и на право пользования, которое в руках капиталистов все более сокращается до простого управления предприятием. Такая конструкция является либо простой игрой слов, не заключающих в себе ничего серьезного, и тогда теория постепенной экспроприации лишена всякого основания; либо это—серьезно пони-

маемая схема правового развития. Но в таком случае она совершенно вздорна. Расщепление заложенных в праве собственности различных функций, к которому прибегает Конрад Шмидт для своей «постепенной экспроприации», капитала характерно для феодального натурально-хозяйственного общества, в котором распределение продукта между различными общественными классами происходило in natura и на основании личных отношений между феодалами и их подданными. Здесь разделение собственности на различные частичные права являлось заранее данной организацией распределения общественного богатства. С переходом к товарному производству и с упразднением всех личных связей между отдельными участниками производственного процесса укрепилось, наоборот, отношение между человеком и вещью—право частной собственности. Так как распределение совершается уже не на основе личных отношений, а путем обмена, то и размеры права на участие в общественном богатстве определяются не частицей права владения общим об'ектом, а размером ценности, выносимой каждым на рынок. Первый переворот в правовых отношениях, сопровождавший зарождение товарного производства в городских коммунах средневековья, и заключался в развитии в недрах феодальных правовых отношений с разделенной собственностью абсолютной, замкнутой частной собственности. Это же развитие продолжается в капиталистическом производстве. Чем более обобществляется производственный процесс, тем более процесс распределения основывается на чистом обмене, и тем неприкосновеннее и крепче становится право частной собственности, а право собственности на капитал, из права на продукт собственного труда, все более превращается в право на присвоение чужого труда. Пока капиталист сам управляет фабрикой, до тех пор распределение еще до некоторой степени связано с личным участием в производственном процессе. По мере того, как излишним становится личное руководство фабриканта (окончательно—в акционерных обществах), собственность на капитал, как право на долю при распределении, совершенно отделяется от личного отношения к производству и является в чистейшей, абсолютной форме.

Капиталистическое право собственности достигает полного своего развития лишь в акционерном и в промышленном кредитном капитале.

Историческая схема развития капиталиста, как ее рисует Конрад Шмидт—«от собственника к простому управляющему»,—соответствует, таким образом, поставленному вверх ногами действительному развитию, которое, наоборот, ведет от собственника и управляющего к «только собственнику». Конрад Шмидт оказывается в том же положении, как и Гете:

«То, что его, то видит он в тумане,
А что ушло, то явью стало вдруг».

И подобно тому, как экономически его историческая схема от современного акционерного общества ведет назад к мануфактурной фабрике или даже к ремесленной мастерской, так в правовом отношении он хотел бы втиснуть капиталистический мир в феодальную натурально-хозяйственную скорлупу.

С этой точки зрения и «общественный контроль» является не в том свете, в каком его видит Конрад Шмидт. То, что в наше время действует в качестве «общественного контроля»,—охрана труда, надзор за акционерными обществами и т. д.,—не имеет в действительности ничего общего с участием в праве собственности, с «высшим владением». Контроль этот действует не в качестве ограничения капиталистической собственности, а, наоборот, в качестве ее охраны. Или, говоря языком экономики, он представляет не вмешательство в капиталистическую эксплоатацию, а нормировку, упорядочение этой эксплоатации. И если Бернштейн ставит вопрос о том, много ли или мало элементов социализма заложено в фабричном законе, то мы можем его заверить, что в самом лучшем фабричном законе не больше «социализма», чем в постановлениях городских властей относительно чистки улиц и зажигания газовых рожков, что ведь тоже относится к «общественному контролю».

4. ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА И МИЛИТАРИЗМ

Второй предпосылкой постепенного введения социализма служит у Бернштейна превращение государства в общество. Уже давно стало общим местом, что современное государство является классовым государством; между тем, по нашему мнению, и это положение, как и все, относящееся к капиталистическому обществу, следовало бы понимать не в его неподвижной, абсолютной значимости, а в текучем развитии.

С политической победой буржуазии государство стало капиталистическим государством. Правда, само капиталистическое развитие существенно изменяет природу государства, все более расширяя сферу его влияния, предоставляя ему все новые функции и делая все более необходимым его вмешательство и контроль в сфере экономической жизни. В этом направлении постепенно подготовляется будущее слияние государства с обществом, так сказать, возврат обществу функций государства. В этом смысле и можно говорить о превращении капиталистического государства

в общество, и, несомненно, в этом смысле Маркс и говорит, что охрана труда является первым сознательным вмешательством «общества» в собственной социальной жизненный процесс, на каковое утверждение ссылается Бернштейн.

Но, с другой стороны, благодаря этому же капиталистическому развитию, сущность государства претерпевает другое превращение. Современное государство, прежде всего, организация господствующего класса капиталистов. Если оно, в интересах общественного развития, и берет на себя различные функции, имеющие общественное значение, то лишь постольку, поскольку эти интересы и общественное развитие в общем совпадают с интересами господствующего класса. Например, в охране труда капиталисты, как класс, заинтересованы непосредственно в такой же степени, как и все общество в целом. Но эта гармония продолжается только до определенного момента капиталистического развития. Когда оно достигает определенной кульминационной точки, тогда интересы буржуазии, как класса, и интересы экономического развития, даже в капиталистическом смысле, расходятся. Мы полагаем, что фаза эта уже наступила, и это обнаруживается в двух важнейших явлениях современной социальной жизни: в таможенной политике и в милитаризме. И то и другое — таможенная политика и милитаризм—сыграли в истории капитализма необходимую и в этом смысле прогрессивную, революционную роль. Без покровительственных пошлин в отдельных странах вряд ли оказалось бы возможным создание крупной промышленности. Но в наше время положение вещей изменилось. [Во всех важнейших странах, и как раз в тех, которые особенно прибегают к покровительственным пошлинам, капиталистическое производство достигло приблизительно одинакового уровня развития] [1]). С точки зрения капиталистического развития, т.-е. с точки зрения мирового хозяйства, в настоящее время совершенно безразлично, вывозит ли Германия больше товаров в Англию, или же Англия в Германию. И так, с точки зрения этого развития, мавр сделал свое дело,—мавр может уйти. Да, он должен бы был уйти. При современной взаимной обусловленности различных отраслей промышленности покровительственные пошлины на какие-либо товары должны удорожить в собственной стране производство других товаров, т.-е. снова подорвать промышленность. Но не так обстоит дело с точки зрения интересов класса капиталистов.

---

[1]) Во 2-м издании вместо этого предложения мы находим: «В настоящее время покровительственная пошлина уже не служит делу поднятия молодой промышленности, а способствует искусственному консервированию устаревших форм производства».

Промышленность для своего развития не нуждается в таможенном покровительстве, но в нем нуждаются предприниматели для ограждения сбыта. Это значит, что в настоящее время таможенные пошлины служат не средством защиты одного развивающегося капиталистического производства против другого более зрелого, а средством борьбы одной национальной группы капиталистов против другой. Пошлины уже больше не нужны, как средство защиты промышленности, для образования и завоевания рынка внутри страны, но они нужны, как необходимое средство для картелирования промышленности, т.-е. для борьбы капиталистических производителей с потребляющим обществом. Наконец, что ярче всего определяет специфический характер современной таможенной политики, это тот факт, что теперь повсюду решающую роль в ней играет вообще не промышленность, а сельское хозяйство, что таможенная политика стала средством капиталистического оформления и выявления феодальных интересов.

Такое же превращение претерпел и милитаризм. Если мы обратимся к истории, не в том виде, в каком она бы могла или должна была развернуться, а в том, в каком она фактически развернулась, то нам придется констатировать, что война являлась необходимым фактором капиталистического развития. Северо-Американские Соединенные Штаты и Германия, Италия и Балканские государства, Россия и Польша,—для всех их войны создали условия или импульс к капиталистическому развитию, независимого от того, одерживали ли они победу или терпели поражение. Пока существовали страны, в которых нужно было преодолеть внутреннюю раздробленность или замкнутость натурального хозяйства, до тех пор милитаризм играл революционную в капиталистическом смысле роль. В настоящее время и в этом отношении положение изменилось. [Милитаризму уже не приходится открывать для капитализма новые страны] [1]).

Если мировая политика сделалась ареной угрожающих конфликтов, то речь идет не столько о завоевании для капитализма новых стран, сколько о созревших европейских противоречиях, которые занесены в другие части света и там прорываются наружу. В настоящее время, с оружием в руках, выступают друг против друга, будь то в Европе или в других частях света, не капиталистические страны, с одной стороны, и натурально-хозяйственные—с другой, а государства, которых толкает к войне как раз однородность их высокого капиталистического развития. Правда,

---

[1]) Во 2-м издании опущено. Там, где дальше в тексте речь идет о мировой политике и об открытии других стран, там в 1-м издании говорилось только о Китае.

при этих условиях возникший конфликт не может не иметь рокового значения для самого этого развития, поскольку он влечет за собою глубочайшее потрясение и переворот в хозяйственной жизни всех капиталистических стран. Но иначе рисуется дело с точки зрения класса капиталистов. Для него в настоящее время милитаризм стал необходим в трех отношениях: во-первых, как боевое средство конкурирующих «национальных» интересов против других национальных групп, во-вторых, как важнейший способ помещения как для финансового, так и для промышленного капитала, в-третьих, как орудие классового господства над трудящимся населением внутри страны,—все интересы, сами по себе не имеющие ничего общего с прогрессом капиталистического способа производства. Что ярче всего характеризует современный милитаризм, так это, во-первых, всеобщий рост его во всех странах, которые стараются друг друга обогнать, как будто под действием собственной внутренней движущей силы,—явление, совершенно неизвестное еще несколько десятков лет тому назад; далее—неизбежность, фатальность близящегося взрыва, на ряду с полной неопределенностью повода, которым он будет вызван, и неизвестностью, каких государств он ближайшим образом коснется, что послужит предметом спора и т. д. Из движущей силы капиталистического развития милитаризм тоже превратился в капиталистическую болезнь.

В описанном противоречии между общественным развитием и господствующими классовыми интересами, государство поддерживает эти классовые интересы. Своей политикой оно становится, подобно буржуазии, в противоречие с общественным развитием и тем самым все более утрачивает свой характер представителя всего общества и в той же мере все больше становится чистым классовым государством. Или, выражаясь точнее, оба эти его свойства отделяются одно от другого и обостряются в противоречие внутри самого государства. И противоречие это обостряется с каждым днем, потому что, с одной стороны, развиваются функции государства, носящие общий характер,—его вмешательство в общественную жизнь, его «контроль» над нею,—но, с другой стороны, классовый характер государства заставляет его все более переносить центр тяжести своей деятельности и свои средства воздействия в те области, которые ценны только для классовых интересов буржуазии, а для общества имеют чисто отрицательное значение, например, милитаризм, таможенная и колониальная политика. С другой стороны, и «общественный контроль» государства все более проникается классовым характером и все более ему подчиняется (ср. практику охраны труда во всех странах).

Указанному преобразованию сущности государства отнюдь не противоречит, а скорее ему всецело соответствует развитие демократии, в которой Бернштейн тоже усматривает средства постепенного введения социализма.

Как поясняет Конрад Шмидт, достижение социал-демократического большинства в парламенте и является прямым путем этой постепенной социализации общества. Демократические формы политической жизни, несомненно, сильнее всего выражают развитие государства в сторону общества и в этом смысле представляют этап на пути социалистического переворота. Однако, раздвоение сущности капиталистического государства, отмеченное нами, ярче всего обнаруживается в современном парламентаризме. Правда, по своей форме парламентаризм имеет целью дать в государственной организации выражение интересам всего общества. Но, с другой стороны, парламентаризм дает выражение лишь капиталистическому обществу, т.-е. обществу, для которого решающим являются к а п и т а л и с т и ч е с к и е интересы. Демократические по форме учреждения становятся, таким образом, по содержанию орудием господствующих классовых интересов. Это нагляднее всего обнаруживается в том факте, что как только демократия обнаруживает тенденцию отречься от своего классового характера и сделаться орудием действительных народных интересов, то буржуазия и ее государственное представительство немедленно приносят в жертву эти демократические формы. Поэтому идея социал-демократического парламентского большинства является спекуляцией, которая совершенно в духе буржуазного либерализма,—считается лишь с одной, формальной стороной демократии, другой же ее стороной, реальным содержанием, всецело пренебрегает. Парламентаризм в целом оказывается не социалистическим элементом, постепенно пропитывающим капиталистическое общество, как полагает Бернштейн, а, наоборот, специфическим средством буржуазного классового государства придать капиталистическим противоречиям их зрелую и законченную форму.

В виду этого об'ективного хода развития государства положение Бернштейна и Конрада Шмидта о растущем «общественном контроле», непосредственно ведущем к социализму, превращается в фразу, с каждым днем все более противоречащую действительности.

Теория постепенного введения социализма сводится к постепенному преобразованию в социалистическом духе капиталистической собственности и капиталистического государства. Однако, в силу об'ективных условий современного общества, собственность и государство развиваются в прямо противоположных направлениях. Производственный процесс все более обобществляется, и все более расширяется вме-

шательство, контроль государства над производственным процессом. Но, одновременно с этим, и частная собственность все более принимает форму голой капиталистической эксплоатации чужого труда, и государственный контроль все более проникается исключительно классовыми интересами. Поскольку тем самым государство, т.-е. политическая организация, и отношения собственности, т.-е. правовая организация капитализма, становятся, по мере развития, все более капиталистическими, а не более социалистическими, постольку теория постепенного введения социализма наталкивается на два непреодолимых затруднения.

Идея Фурье—при помощи системы фаланстер обратить в лимонад всю воду земного шара—была очень фантастична. Но идея Бернштейна—посредством добавления бутылочными дозами социал-реформистского лимонада обратить море капиталистической горечи в море социалистического сиропа—только пошлее, но ни на волос не менее фантастична.

Условия производства капиталистического общества все более приближаются к условиям общества социалистического, но зато его политические и правовые отношения воздвигают все более высокую стену между капиталистическим и социалистическим обществом. Эту стену нельзя пробить ни развитием социальных реформ, ни демократией,—она, наоборот, становится более несокрушимой. Единственное, что может ее разрушить,—это удар молота революции, т.-е. завоевание пролетариатом политической власти.

5. ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ И ОБЩИЙ ХАРАКТЕР РЕВИЗИОНИЗМА

В первой главе мы старались показать, что теория Бернштейна снимает социалистическую программу с материального основания и ставит ее на идеалистический фундамент. Это относится к теоретическому обоснованию.

Но какой вид будет иметь теория, если мы переведем ее на язык практических выводов? Внешним образом и формально она ничем не отличается от принятой до сих пор практики социал-демократической борьбы. Профсоюзы, борьба за социальные реформы и за демократизацию политических учреждений—это то самое, что составляет формальное содержание социал-демократической партийной деятельности; следовательно, различие заключено не в «что», а в «как». При современном положении вещей, профессиональная и парламентская борьба рассматриваются, как средства постепенно воспитать пролетариат и повести его к захвату политической

власти. Согласно ревизионистскому пониманию, в виду неосуществимости и бесцельности этого захвата, борьба должна вестись только во имя непосредственных результатов, т.-е. улучшения материального положения рабочих, постепенного ограничения капиталистической эксплоатации и расширения общественного контроля.

Если отвлечься от цели непосредственного улучшения положения рабочих, так как она признается и тем и другим учением, как господствовавшим до сих пор в партии, так и ревизионистским, то все различие сводится вкратце к следующему: согласно обычному пониманию, социалистическое значение профессиональной и политической борьбы состоит в том, что она подготовляет пролетариат, т.-е. суб'ективный фактор социалистического переворота, к его осуществлению. По мнению Бернштейна, значение это состоит в том, что профессиональная и политическая борьба должна постепенно ограничить саму капиталистическую эксплоатацию, постепенно отнять у капиталистического общества его капиталистический характер и придать социалистический, — одним словом, в об'ективном смысле повести к социалистическому перевороту. Если присмотреться внимательнее, то мы увидим, что оба эти понимания прямо противоположны одно другому. По принятому партией учению, путем профессиональной и политической борьбы пролетариат убеждается в невозможности радикально изменить свое положение этой борьбой и в неизбежности окончательного захвата политической власти. Бернштейн в своем понимании исходит из предпосылки невозможности захвата политической власти и приходит к введению социалистического порядка посредством профессиональной и политической борьбы.

Социалистический характер профессиональной и парламентской борьбы заключается, таким образом, по мнению Бернштейна, в вере в ее постепенно социализирующее воздействие на капиталистическое хозяйство. Но фактически, как мы старались показать, такое воздействие—чистейшая утопия; капиталистические отношения собственности и государственные институты развиваются в противоположном направлении. Но тогда практическая повседневная борьба социал-демократии утрачивает в конечном счете всякое отношение к социализму. Великое социалистическое значение профессиональной и политической борьбы состоит в том, что она социализирует познание и сознание пролетариата и организует его как класс. Но когда мы рассматриваем эту борьбу, как средство непосредственной социализации капиталистического хозяйства, то она не только не оправдывает этого приписываемого ей влияния, но лишается и другого значения: она перестает быть средством подготовки рабочего класса к захвату власти пролетариатом.

Поэтому надо признать полнейшим недоразумением, когда Эдуард Бернштейн и Конрад Шмидт успокаиваются на мысли, что, при ограничении всей борьбы социальными реформами и профсоюзами, рабочее движение все же не отказывается от конечной цели, потому что каждый шаг на этом пути открывает новые возможности, и социалистическая цель, как тенденция, заключена в самом движении. Но это, во всяком случае, в полной мере можно утверждать только относительно теперешней тактики немецкой социал-демократии, поскольку рабочему классу в борьбе за социальные реформы путеводною звездою служит сознательное и упорное стремление к завоеванию политической власти. Если же из движения из'ять это заранее данное стремление и в качестве самоцели поставить социальную реформу, то она не только не поведет к осуществлению социалистической конечной цели, но скорее будет действовать в обратном смысле. Конрад Шмидт просто полагается на, так сказать, механическое движение, которое, раз начавшись, не может само собою прекратиться, основываясь при этом на том простом положении, что аппетит приходит во время еды, и что рабочий класс никогда не сможет удовлетвориться реформами, пока не будет завершен социалистический переворот. Правда, последняя предпосылка совершенно правильна, и тому порукою служит нам несостоятельность самой капиталистической реформы. Но делаемый из нее вывод мог бы быть правилен только в том случае, если бы от современного общественного порядка к социалистическому можно бы было построить непрерывную цепь связанных между собою и все нарастающих социальных реформ. Но это чистейший вымысел: цепь, по природе вещей, должна очень скоро оборваться, и много есть путей, которыми движение может пойти от этой точки. Скорее всего и всего вероятнее за этим последует сдвиг тактики в сторону решения достичь любыми средствами практических результатов борьбы, социальных реформ. Когда главной целью станут непосредственные практические успехи, тогда непримиримая суровая классовая точка зрения, смысл которой придает только стремление к завоеванию политической власти, будет все более обращаться в простой тормоз. Ближайшим шагом окажется «политика компенсаций», или, говоря попросту, политика барышничества и примиренческая тактика государственной мудрости. Но движение не может надолго остановиться. Ведь если в капиталистическом мире социальная реформа всегда была и навсегда останется пустым орехом, какая бы ни применялась тактика, то ближайшим логическим последствием явится разочарование также и в социальной реформе, т.-е. тихая пристань, где бросили якорь профессор Шмоллер и К°, которые ведь тоже из'ездили весь мир на социал-реформист-

ских кораблях, чтобы под конец предоставить все на божью волю *).

Таким образом, социализм отнюдь не вытекает сам собою и при всяких обстоятельствах из повседневной борьбы рабочего класса. Он вытекает только из все более обостряющихся противоречий капиталистического хозяйства и из признания рабочим классом неизбежности его уничтожения путем социального переворота. Если отрицать первое и отказаться от второго, как это и делает ревизионизм, тогда все рабочее движение сразу сводится к простому профессионализму и социал-реформаторству и, силою вещей, ведет, в конечном счете, к отказу от классовой точки зрения.

Эти следствия выясняются, когда мы подходим к теории ревизионизма с другой стороны и ставим себе вопрос: каков общий характер этой теории? Совершенно ясно, что ревизионизм не опирается на капиталистические отношения и не отрицает, вместе с буржуазными экономистами, их противоречий. Наоборот, в своей теории он, как и марксизм, исходит из предпосылки существования этих противоречий. Но, с другой стороны,—и в этом заключается как ядро его теории вообще, так и его основное отличие от принятого до сих пор социал-демократического понимания,—в своей теории он не опирается на *устранение* этих противоречий силою их собственного и последовательного развития.

Теория ревизионизма занимает среднее место между этими двумя крайностями; ревизионизм не хочет довести капиталистические противоречия до полной зрелости и *устранить* их революционным переворотом, а хочет обломать их острие, *притупить* их. Так, отсутствие кризисов и предпринимательские организации должны сгладить противоречие между производством и обменом; улучшение положения рабочих и сохранение среднего класса—противоречие между капиталом и трудом; развивающийся контроль и демокра-

---

*) В 1872 г. профессора Вагнер, Шмоллер, Брентано и другие организовали в Эйзенахе конгресс, на котором они с большим шумом и треском провозгласили своею целью введение социальных реформ для защиты рабочего класса. Сразу после конгресса эти господа, иронически прозванные либералом Оппенгеймом «катедер-социалистами», основали «союз социальной реформы». Но уже через несколько лет, когда обострилась борьба против социал-демократии, эти светочи «катедер-социализм» голосовали в качестве депутатов рейхстага за продление исключительного закона против социалистов. В остальном, вся деятельность союза сводится к ежегодным общим собраниям, на которых зачитывается несколько профессорских рефератов на различные темы; кроме того, союзом выпущено свыше 100 пузатых томов по экономическим вопросам. Для социальных реформ эти профессора, которые кстати, стоят за покровительственные пошлины, милитаризм и т. д., ровно ничего не сделали. Под конец союз отказался даже от социальных реформ и занимается вопросами кризисов, картелей и т. п. (Этого примечания нет в 1-м издании).

тия—противоречие между классовым государством и обществом.

Правда, и признанная тактика социал-демократии тоже не предписывает выжидать, чтобы капиталистические противоречия развились до крайнего предела и лишь после того привели к перевороту. Наоборот, мы лишь опираемся на раз постигнутое направление развития, но уж после того в политической борьбе делаем из него самые крайние выводы, в чем вообще и заключается сущность всякой революционной тактики. Так, например, социал-демократия ведет борьбу против таможенных пошлин и милитаризма во все времена, а не только тогда, когда вполне обнаруживается их реакционный характер. Но Бернштейн в своей тактике вообще опирается не на дальнейшее развитие и обострение, а на притупление капиталистических противоречий. Он сам всего лучше это обнаружил, говоря о «приспособлении» капиталистического хозяйства. При каких условиях такое понимание было бы законно? Все противоречия современного общества—простые следствия капиталистического способа производства. Если мы предположим, что этот способ производства развивается далее в прежнем направлении, то с ним вместе, неотделимо от него, должны развиваться также и все его следствия, и противоречия должны усиливаться и заостряться, а не притупляться. Но это притупление, как раз, наоборот, мыслимо только, как приостановка развития капитализма. Одним словом, самая общая предпосылка бернштейновской теории—это застой капиталистического развития.

Но этим теория сама себе выносит приговор—и притом в двух отношениях. Во-первых, она обнаруживает свой утопический характер в вопросе о социалистической конечной цели,—ясно с самого начала, что увязшее в болоте капиталистическое развитие не может повести к социалистическому перевороту,—и в этом заключается подтверждение делаемых нами практических выводов из этой теории. Во-вторых, она выявляет свой реакционный характер в отношении к фактически совершающемуся быстрому капиталистическому развитию. Но возникает вопрос: как можно, в виду этого фактического развития капитализма, об'яснить или, скорее, охарактеризовать точку зрения Бернштейна?

Мы полагаем, что уже первой статьей доказали несостоятельность экономических предпосылок, из которых исходит Бернштейн в своем анализе современных социальных условий,—его теории капиталистического «приспособления». Мы видим, что ни система кредита, ни картели не могут рассматриваться, как «средства приспособления» капиталистического хозяйства, и что ни временное отсутствие кризисов, ни сохранение среднего сословия не может считаться

симптомом капиталистического приспособления. Но, не говоря уже о непосредственной их ложности, в основе всех названных деталей теории приспособления лежит общая характерная черта. Теория эта воспринимает все исследуемые ею явления экономической жизни не в их органической связи с капиталистическим развитием в целом и не в их отношении ко всему хозяйственному механизму, а помимо всех этих связей, как самостоятельное бытие, как disjecta membra (разрозненные части) безжизненной машины. Так, например, понимание приспособляющего действия к р е д и т а. Если понимать кредит, как естественную высшую ступень обмена, в связи со всеми присущими капиталистическому обмену противоречиями, то в нем никоим образом нельзя усматривать какое-то, как бы стоящее вне процесса обмена, механическое «средство приспособления», как нельзя считать сами деньги, товар, капитал—«средствами приспособления» капитализма. Кредит ничуть не меньше, чем деньги, товар или капитал, является органической частью капиталистического хозяйства на определенной ступени его развития и составляет на этой ступени, опять-таки совершенно так же, как и они, неустранимое звено всего механизма, а вместе с тем орудие разрушения, поскольку оно обостряет внутренние противоречия капиталистического хозяйства.

Совершенно то же следует сказать о картелях и об усовершенствованных средствах сообщения.

Такое же механическое и недиалектическое мышление обнаруживается и в способе, каким Бернштейн истолковывает отсутствие кризисов, как симптом «приспособления» капиталистического хозяйства. Для него кризисы представляют лишь расстройство хозяйственного механизма, и если они не наступают, то, очевидно, механизм может правильно функционировать. Но фактически кризисы вовсе не являются «расстройством» в прямом смысле слова, или, скорее, они являются расстройствами, без которых, однако, капиталистическое хозяйство в целом не может обойтись. Если признать установленным тот факт, что кризисы, выражаясь кратко, составляют единственно возможный на капиталистическом базисе, а потому вполне нормальный метод периодически разрешать столкновения между неограниченной расширяемостью производства и узкими пределами рынка сбыта, то кризисы надо считать неотделимыми, органическими явлениями капиталистического хозяйства в целом.

Как раз в «беспрепятственном» развитии капиталистического производства кроются для него опасности, которые страшнее самих кризисов. Опасность эта заключается в постоянном падении нормы прибыли, вытекающем не из противоречия между производством и обменом, а из развития производительности самого труда, имеющем фа-

тальную тенденцию делать производство невозможным для всех мелких и средних капиталов, ставить границы созданию новых предприятий и, тем самым, прогрессу капиталистического строительства. Как раз кризисы, которые являются другим следствием того же самого процесса, путем периодического **обесценения** капитала, удешевления средств производства и парализования части действующего капитала, вызывают повышение прибыли и создают, таким образом, предпосылку для новых предприятий и для нового прогресса производства. Таким образом, кризисы являются средством вновь и вновь раздувать и разжигать пламя капиталистического развития, и исчезновение их не на определенные моменты развития мирового рынка, как мы это утверждаем, а навсегда, скоро бы повело капиталистическое хозяйство не к расцвету, как думает Бернштейн, а к полному разложению. При механическом понимании, которым отмечена вся теория приспособления, Бернштейн совершенно не учитывает ни необходимости кризисов, ни необходимости периодически повторяющегося нарождения мелких и средних капиталов, и потому это постоянное возрождение мелкого капитала кажется ему признаком капиталистического затишья, а не нормального капиталистического развития, каким оно в действительности является.

Правда, существует такая точка зрения, с которой все описанные явления действительно представляются в том свете, в каком воспринимает их «теория приспособления»,— это точка зрения **отдельного** капиталиста, в сознание которого факты хозяйственной жизни проникают, искаженные законами конкуренции. Отдельный капиталист видит действительно, прежде всего, всякую органическую часть хозяйственного целого, как нечто целое, самостоятельное; далее, он видит всякое явление только с той стороны, с какой оно воздействует на него, отдельного капиталиста, и потому оценивает его только, как «расстройство» или только как «средство приспособления». Для отдельного капиталиста кризисы, действительно, представляют только расстройство, и их отсутствие удлиняет срок его жизни; кредит тоже является для него средством «приспособления» к требованиям рынка своих недостаточных производительных сил; картель, в который он вступает, действительно устраняет для него анархию производства.

Одним словом, бернштейновская теория приспособления представляет собою не что иное, как теоретическое обобщение точки зрения отдельного капиталиста. Но чем же в теоретическом своем выражении эта точка зрения отличается от сущности буржуазной вульгарной экономии? Все экономические заблуждения этой школы основаны на том недоразумении, что она явления конкуренции, рассматриваемые

через призму отдельного капитала, принимает за явления капиталистического хозяйства в целом. И как Бернштейн понимает кредит, так вульгарная экономия понимает также и *деньги*, как остроумное «средство приспособления» к потребностям обмена; в самих капиталистических явлениях она ищет противоядия против капиталистического зла; она верит, вместе с Бернштейном, в *возможность* урегулирования капиталистического хозяйства; в конечном счете она всегда, как и бернштейновская теория, приходит к *притуплению* капиталистических противоречий, к залепливанию капиталистических ран, т.-е., другими словами, к реакционному, а не революционному образу действий, и тем самым к утопии.

Ревизионистскую теорию в целом можно охарактеризовать следующим образом: *это теория социалистического застоя в духе вульгарной экономии, обоснованная теорией капиталистического застоя.*

Часть вторая*)

1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОЦИАЛИЗМ

Самым большим завоеванием в развитии пролетарской классовой борьбы было открытие в экономических условиях капиталистического общества исходных точек для осуществления социализма. Это обратило социализм из «идеала», тысячелетиями манившего человечество, в историческую необходимость.

Бернштейн отрицает существование в современном обществе этих экономических предпосылок социализма. В ходе доказательства он сам проделывает интересный путь развития. Вначале, в Neue Zeit, он оспаривал только быстроту концентрации промышленности и основывал свои возражения на сравнении данных германской промышленной статистики 1895 и 1882 года. При этом, чтобы использовать эти данные в нужных ему целях, он принужден был прибегать к совершенно суммарным и механическим методам сравнения. Но и в лучшем случае, своим указанием на устойчивость средних предприятий Бернштейн не мог бы нанести удара анализу Маркса. Ведь теория Маркса не считает условием осуществимости социализма ни определенный темп концентрации промышленности, т.-е. определенный срок осуществления социалистической конечной цели, ни, как мы ранее доказали, абсолютное исчезновение мелких капиталов, или исчезновение мелкой буржуазии.

Развивая дальше свои взгляды, Бернштейн в своей книге привлекает для доказательства новый материал, а именно статистику акционерных обществ, которая должна показать, что число акционеров непрерывно увеличивается, и что, следовательно, класс капиталистов не сокра-

*) Критический разбор книги Эдуарда Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». (Штутгарт. 1899. Издание Дпц).

щается, а, наоборот, все более расширяется. Поразительно, как мало Бернштейн знаком с имеющимся материалом, и как плохо он умеет его использовать в своих интересах!

Если он хотел доказать акционерным обществам неправильность марксовского закона промышленного развития, то ему бы следовало привести совсем не те цифры. Всякий, знакомый с историей акционерных предприятий в Германии, знает, что средний основной капитал на каждое предприятие почти равномерно и непрерывно у м е н ь ш а е т с я. Так, до 1871 г. капитал этот составлял приблизительно 10,8 миллионов марок, в 1871 г. всего лишь 4,01 миллиона марок, в 1873 г.—3,8 миллионов марок, в 1883—1887 гг.—меньше, чем один миллион марок, в 1891 г.—только 0,56 миллионов марок, в 1892 г.—0,62 миллиона марок. С этого времени цифра среднего капитала колеблется вокруг одного миллиона марок. и за последнее время с 1,78 миллионов марок в 1895 г. упала до 1,19 миллионов марок в начале 1897 г. *).

Поразительные цифры! Бернштейн, вероятно, построил бы на них целую теорию антимарксовой тенденции перехода от крупных предприятий обратно к мелким. Только в таком случае всякий мог бы ему возразить: если вы хотите что-либо доказать этими статистическими данными, то вы прежде всего должны показать, что они относятся к о д н и м и т е м ж е отраслям промышленности, что мелкие предприятия заступили место прежних больших, а не появились там, где до того действовал отдельный капитал или даже ремесло, или карликовое предприятие. Но этого вам никак не удастся доказать, потому что переход от огромных акционерных предприятий к средним и мелким об'ясняется исключительно тем, что система акций проникает все в новые области, и если вначале она была пригодна только для небольшого числа громадных предприятий, то теперь она все более приспособилась к средним, а иногда даже и к мелким предприятиям (встречаются даже акционерные общества с капиталом меньше 1.000 марок!).

Но что означает с точки зрения народного хозяйства все большее распространение системы акционерных предприятий? Оно означает прогрессирующее обобществление производства в капиталистической форме, обобществление не только огромных, но даже средних и мелких предприятий, следовательно, нечто, что не противоречит марксовой теории, а самым блестящим образом ее подтверждает.

Действительно! В чем заключается экономическая сущность акционерного предприятия? С одной стороны, в об'единении многих небольших денежных состояний в один промышленный капитал; с другой стороны, в отделении

---

*) Ван дер Боргт.—Handwörterbuch der Staatswissenchaften, I.

производства от собственности; следовательно, в двояком преодолении капиталистического способа производства, но на капиталистическом базисе.

Что означает, в связи с этим, приводимая Бернштейном статистика большого числа акционеров, участвующих в одном предприятии? Только то, что теперь капиталистическое предприятие связано не с одним владельцем капитала, как прежде, а с целым рядом, все более увеличивающимся в числе, что, таким образом, хозяйственное понятие «капиталист» уже не покрывается отдельным индивидуумом, что современный промышленный капиталист есть коллективное лицо, состоящее из сотен и даже тысяч индивидуумов, и что категория «капиталист», даже в рамках капиталистического хозяйства, получила общественный смысл, что она обобществилась.

Но как же об'яснить, что Бернштейн истолковывает проблему акционерных обществ как раз наоборот, как раздробление, а не как концентрацию капитала, что он усматривает развитие собственности на капитал там, где Маркс видит «уничтожение этой собственности»?

Очень простой вульгарно-экономической ошибкой: Бернштейн под капиталистом подразумевает не категорию производства, а категорию права собственности, не хозяйственную, а податную единицу; а под капиталом—не производственное целое, а просто деньги. Поэтому и английский нитяной трест не является для него об'единением 12.300 лиц в одно лицо, а представляет собою целых 12.300 капиталистов; потому и инженер Шульце, получивший от рантье Миллера в приданое за женою «значительное число акций» (стр. 54), для него капиталист, и потому для него весь мир кишит «капиталистами» *).

Но здесь, как и везде, вульгарно-экономическая ошибка служит Бернштейну для вульгаризации социализма. Пере-

---

*) Заметьте! В широком распространении мелких акций Бернштейн видит явное доказательство того, что общественное богатство начинает изливать в виде акций свою благодать на совсем мелкий люд. И действительно, какой бы мещанин или даже рабочий стал иначе приобретать акции за какой-нибудь английский фунт, или за двадцать марок! Но, к сожалению, это предположение основано на простой арифметической ошибке: оперируют с нарицательной ценой акций, а не с их биржевой ценностью, что вовсе не одно и то же. Возьмем пример. На горно-промышленном рынке продаются, между прочим, южно-африканские Randmines—акции; акции, как большая часть таких ценностей,—бумаги в 1 фунт=20 марок. Но цена их уже в 1899 г. доходила до 43 ф. (см. таблицу курсов в конце марта), т.-е. не 20 марок, а 860. И, в среднем, так обстоит дело везде. «Мелкие» акции, таким образом, несмотря на демократическую видимость, в действительности представляют собою по большей части крупнобуржуазные, а отнюдь не мелкобуржуазные или даже пролетарские «аккредитивы на общественное богатство», так как акции приобретаются по нарицательной стоимости только незначительной частью акционеров.

нося понятие «капиталист» из сферы производственных отношений в сферу отношений собственности, Бернштейн на место предпринимателя подставляет «человека вообще» (стр. 53), и, таким образом, вопрос социализма из области производства переносится в область имущественных отношений, и на место отношения между капиталом и трудом становится отношение между богатым и бедным.

Этим самым от Маркса и Энгельса он благополучно уводит нас назад к «евангелию бедного грешника», с той лишь разницей, что Вейтлинг правильным пролетарским чутьем в противоречии бедности и богатства почуял классовое противоречие в их примитивной форме и хотел сделать их рычагом социалистического движения, между тем как Бернштейн, наоборот, свои надежды на социализм возлагает на превращение бедных в богатых, т.-е. на уничтожение классовых противоречий, на развитие мелкобуржуазного начала.

Правда, Бернштейн не ограничивается статистикой доходов. Он приводит также статистику производства и даже в различных странах: в Германии, во Франции, в Англии и в Швейцарии, в Австрии и в Соединенных Штатах.

Но что это за статистика? Это не сравнительные цифры различных моментов времени в одной стране, а цифры одного и того же года в различных странах. Таким образом, он сравнивает,—исключая Германию, для которой он повторяет свое прежнее противопоставление 1895 и 1882 гг.,—не строение промышленности данной страны в различные моменты, а только абсолютные цифры для различных стран (Англия в 1891 г., Франция в 1894 г., Соединенные Штаты в 1890 г. и т. д.). Он приходит к тому выводу, что «если в настоящее время крупное производство и преобладает в промышленности, то оно, все же, даже в такой передовой стране, как Пруссия, представляет собою, включая зависящие от него предприятия, самое бóльшее—половину всего трудящегося населения»; так же обстоит дело и во всей Германии, Англии, Бельгии и т. д. (стр. 84).

Очевидно, что этим способом ему удается установить не ту или иную тенденцию экономического развития, а только абсолютное количественное соотношение между различными формами производства или различными профессиями. Если это должно служить доказательством безнадежности социализма, то в основе этого доказательства лежит теория, согласно которой результат социальных стремлений обусловлен численным физическим соотношением борющихся сил, следовательно, чистым моментом силы.

Здесь мечущий против бланкизма громы и молнии Бернштейн, сам, для разнообразия, впадает в грубейшее бланкистское заблуждение. С тою, однако, разницею, что бланкисты,

как социалистическое и революционное направление, считали несомненной экономическую осуществимость социализма и на ней основывали расчеты на насильственный переворот незначительного меньшинства, между тем как Бернштейн, наоборот, выводит экономическую неосуществимость социализма из численной недостаточности народного большинства. Свою конечную цель социал-демократия так же мало выводит из победоносного насилия меньшинства, как и из численного превосходства большинства, а основывает ее на экономической необходимости,—на сознании этой необходимости, ведущей к упразднению капитализма народной массой и обнаруживающейся прежде всего в капиталистической анархии.

Что касается этого решающего вопроса об анархии в капиталистическом хозяйстве, то сам Бернштейн отрицает только крупные и всеобщие кризисы, но не частичные и национальные. Таким образом, он лишь отрицает большую анархию и, вместе с тем, допускает существование некоторой анархии. Капиталистическое хозяйство оказывается у Бернштейна,—выражаясь словами Маркса,—в положении той неразумной девы с ребеночком, который «ведь совсем маленький». Но фатально то, что в таких вопросах, как анархия, много или мало не играет роли. Если Бернштейн допускает некоторую долю анархии, то механизм товарного хозяйства сам заботится о том, чтобы эта анархия возросла до чудовищных размеров—вплоть до крушения. Если же Бернштейн надеется—при сохранении товарного производства—постепенно внести порядок и гармонию и в эту незначительную анархию, то он опять-таки впадает в одно из основных заблуждений буржуазной вульгарной экономии, рассматривая способ обмена независимо от способа производства *).

---

*) Бернштейн, правда, отвечает довольно пространно на некоторые пункты нашей серии статей в Leipziger Volzeitung, но делает это в форме, которая только выдает его беспомощность; например, он отмахивается от нашей критики его скептицизма в отношении кризисов тем, что старается нас убедить, что мы обратили в музыку будущего всю марксовую теорию кризисов. Но это крайне вольное толкование наших слов, так как мы лишь утверждали, что правильная механическая периодичность кризисов, или, точнее, десятилетний цикл кризисов, представляет схему, применимую только к вполне развитому мировому рынку. Что касается содержания марксовой теории кризисов, то мы утверждали, что она дает единственную научную формулировку механизма и внутренних экономических причин всех бывших до сих пор кризисов.

Еще поразительнее ответы Бернштейна на другие пункты нашей критики. Например, на наше указание, что картели уже потому не могут служит средством против капиталистической анархии, что они—как показывает сахарная промышленность—только вызывают обостренную конкуренцию на мировом рынке, Бернштейн отвечает, что это, правда,

Здесь, конечно, не вполне уместно было бы разбирать во всей полноте поразительное смешение самых элементарных принципов политической экономии, обнаруженное Бернштейном в его книге. Но мы кратко остановимся на одном пункте, к которому нас приводит основной вопрос капиталистической анархии.

Бернштейн заявляет, что марксов закон трудовой стоимости является чистой абстракцией, что, очевидно, по его мнению, в политической экономии служит бранным словом. Но если трудовая стоимость только абстракция и «вымысел» (стр. 44), то всякий честный гражданин, отбывший воинскую повинность и уплативший налоги, имеет такое же право, как Маркс, из любой нелепости состряпать такой же «вымысел», т.-е. закон стоимости.

«Марксу также позволительно отвлекаться от свойств товаров, пока они, под конец, не окажутся лишь воплощением масс простого человеческого труда, как позволительно школе Бем-Джевонса отвлекаться от всех свойств товаров, кроме их полезности» (стр. 42).

Таким образом, и марксов общественный труд и менгеровскую абстрактную полезность,—все это он сплеча сваливает в одну кучу: все это лишь абстракции. Бернштейн совсем позабыл, что марксова абстракция—не выдумка, а открытие, что она существует не в голове Маркса, а в товарном хозяйстве, имеет не мнимое, а реальное общественное бытие, настолько реальное бытие, что ее режут и выбивают, взвешивают и чеканят. Открытый Марксом абстрактный человеческий труд в своей развитой форме не что иное,

---

так но ведь в Англии обостренная конкуренция в сахарной промышленности вызвала к жизни мощный расцвет производства мармелада и кондитерских товаров (стр. 78). Ответ, напоминающий упражнения из первой части оллендорфовского самоучителя: «Рукав короток, но башмак узок. Отец большого роста, но мама легла спать».

С такою же логической последовательностью отвечает Бернштейн и на наше доказательство того, что кредит не может служить «средством приспособления» против капиталистической анархии, потому что он еще более увеличивает эту анархию: кредит, дескать, на ряду с разрушительным свойством, имеет также и положительное, «творчески возрождающее», которое признавал за ним и Маркс. Для того, кто, основываясь на марксовой теории, усматривает в капиталистическом хозяйстве вообще все положительные зачатки будущего социалистического преобразования общества, это указание в отношении кредита не представляет собою ничего нового. В нашей полемике речь шла о том, обнаруживается ли это положительное свойство кредита, выводящее за границы капитализма, уже в капиталистическом хозяйстве в качестве положительного фактора, может ли оно одолеть капиталистическую анархию, как утверждает Бернштейн, или же, наоборот, оно само обращается в противоречие и только увеличивает анархию, как доказывали мы. Указание же Бернштейна на «творчески возрождающую способность кредита», составлявшее исходную точку всего спора, представляет лишь «теоретическое бегство по ту сторону» предмета дискуссии. (Этого примечания нет во 2-м издании).

как деньги. И это как раз и является одним из гениальнейших экономических открытий Маркса, между тем как для всей буржуазной политической экономии, от первых меркантилистов до последних классиков, мистическая сущность денег оставалась книгой за семью печатями.

Что же до бем-джевонсовской абстрактной полезности, то она, действительно, является вымыслом или, скорее, недомыслием, приватной нелепостью, за которую не ответственно ни капиталистическое, ни какое иное человеческое общество, а исключительно буржуазная вульгарная экономия. С этим «вымыслом» в голове и Бернштейн, и Бем, и Джевонс со всей своей суб'ективной общиной могут еще двадцать лет стоять перед тайной денег и не находить другой разгадки кроме той, которая и без них была известна любому сапожнику: что деньги тоже «полезная» вещь.

Бернштейн, таким образом, совершенно утратил понимание марксова закона стоимости. Но для того, кто хоть до некоторой степени знаком с экономической системой Маркса, ясно без дальних слов, что вся система совершенно непонятна без закона стоимости, или, выражаясь конкретнее, без понимания сущности товара и его обмена,—загадкой остается все капиталистическое хозяйство и все с ним связанное..

Но что же это за волшебный ключ Маркса, который открыл ему сокровеннейшие тайны всех капиталистических явлений, который дал ему возможность шутя разрешить проблемы, о самом существовании которых не подозревали величайшие умы буржуазной политической экономии, как Смит и Рикардо? Это не что иное, как понимание всего капиталистического хозяйства, как исторического явления, и не только в перспективе прошлого, как в лучшем случае умела делать классическая политическая экономия, но и в перспективе будущего, не только в отношении к феодальному прошлому, но также и в отношении к социалистическому будущему. Тайна марксовой теории стоимости, его анализа денег, его теории капитала, его учения о норме прибыли и, тем самым, всей экономической системы,—это преходящее значение всего капиталистического хозяйства, его крушение, следовательно, в другом аспекте—социалистическая конечная цель. Маркс сумел расшифровать иероглифы капиталистического хозяйства как раз потому, что он с самого начала подошел к нему, как социалист, т.-е. с исторической точки зрения, и, наоборот, он смог научно обосновать социализм потому, что сделал социалистическую точку зрения исходной точкой научного анализа буржуазного общества.

Этой мерой следует оценивать замечания Бернштейна в конце книги, где он жалуется на «дуализм, проходящий через весь монументальный труд Маркса», на «дуализм, состоящий в том, что труд этот имеет в виду дать научное

исследование и все же пытается доказать давно готовый тезис, в том, что в основе его лежит схема, в которой уже с самого начала установлен тот вывод, к которому должно было повести исследование. Указание, на «Коммунистический Манифест» (т.-е. на социалистическую конечную цель!—*Автор)* обнаруживает в системе Маркса несомненный остаток утопизма» (стр. 177).

Но марксов «дуализм» есть не что иное, как дуализм социалистического будущего и капиталистического настоящего, капитала и труда, буржуазии и пролетариата; он—монументальное научное отражение существующего в буржуазном обществе дуализма, буржуазных классовых противоречий.

И если в этом теоретическом дуализме Маркса Бернштейн усматривает «остаток утопизма», то это лишь наивное признание того, что он отрицает исторический дуализм буржуазного общества, капиталистические классовые противоречия, что для него сам социализм обратился в «остаток утопизма». «Монизм» Бернштейна—это монизм увековеченного капиталистического порядка, это монизм социалиста, отрекшегося от своей конечной цели, чтобы вместо того видеть предел человеческого развития в едином и неизменяющемся буржуазном обществе.

Но если в самой экономической структуре капитализма Бернштейн не видит дуализма, развития в сторону социализма, то, чтобы спасти хотя бы внешним образом социалистическую программу, он вынужден прибегнуть к идеалистической, лежащей за пределами экономического развития, конструкции и превратить сам социализм из определенной исторической фазы общественного развития в абстрактный «принцип».

В виду этого бернштейновский «принцип кооперативности» (Genossenschaftlichkeit), которым должно быть разукрашено капиталистическое хозяйство, этот тончайший «осадок» социалистической конечной цели, является уступкою его буржуазной теории не социалистическому будущему общества, а социалистическому прошлому Бернштейна.

2. ПРОФСОЮЗЫ, КООПЕРАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Мы видели, что социализм Бернштейна сводится к плану сделать рабочих участниками общественного богатства, бедных обратить в богатых. Каким образом это осуществить? В своих статьях «Проблемы социализма» в Neue Zeit Бернштейн ограничился едва понятными намеками, в своей же

книге он обстоятельно раз'ясняет этот вопрос: его социализм должен осуществляться двумя путями,—через профсоюзы, или, как это называет Бернштейн, хозяйственную демократию, и через кооперацию. Первыми он хочет захватить промышленную прибыль, вторыми—торговую (стр. 118).

Что касается кооперации и прежде всего производительной кооперации, то по внутреннему своему существу она среди капиталистического хозяйства представляет нечто гибридное: в миниатюре социализированное производство при капиталистическом обмене. Но в капиталистическом хозяйстве обмен господствует над производством и, в виду конкуренции, делает условием существования предприятия беспощадную эксплоатацию, т.-е. полнейшее подчинение производственного процесса интересам капитала. Практически это обнаруживается в необходимости по возможности повышать интенсивность труда, сокращать или удлинять его в соответствии с состоянием рынка, в необходимости то привлекать рабочую силу, то ее отталкивать и выбрасывать на мостовую в зависимости от требований рынка сбыта, одним словом, в необходимости применять все те хорошо известные методы, которые позволяют капиталистическому предприятию выдерживать конкуренцию. В производительной кооперации из этого для рабочих вытекает полная противоречий необходимость управлять собою с самым жестким абсолютизмом и играть по отношению к себе самим роль капиталистического предпринимателя. Это противоречие и ведет к гибели производительной кооперации, так как она либо проделывает обратное развитие к капиталистическому предприятию, или, если интересы рабочих оказываются более сильными, просто распадается. Это те факты, которые сам Бернштейн констатирует, но неправильно истолковывает, усматривая, по примеру г-жи Поттер-Вебб, причину гибели производительных коопераций в Англии в недостаточной «дисциплине». Но то, что здесь поверхностно и неосновательно обозначается, как дисциплина, есть не что иное, как естественный, абсолютный капиталистический режим, которого, действительно, рабочие в отношении к самим себе никоим образом не могут проводить *).

Отсюда следует, что производительная кооперация может обеспечить себе существование среди капиталистического хозяйства лишь в том случае, если ей удастся путем обходов устранить скрытое в ней противоречие между способом производства и способом обмена, искусственно осво-

*) «Кооперативные фабрики самих рабочих являются, в пределах старой формы, первой брешью в старой форме, хотя они всюду, в их действительной организации, конечно, воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы». Маркс.— «Капитал». Том III, часть 1, стр. 426, русск. изд. 1923 г.

бодившись из-под власти закона свободной конкуренции. Достичь этого она может только обеспечив себе с самого начала рынок сбыта, прочный круг потребителей. Таким вспомогательным средством ей и служит союз потребителей. И в этом, а не в различении коопераций потребителей и коопераций производителей, или как там еще фантазирует Оппенгеймер, заключается исследуемый Бернштейном секрет, почему самостоятельные производительные кооперативные предприятия гибнут, и почему обеспечить им существование может только союз потребителей.

Если, таким образом, в современном обществе условия существования производительных ассоциаций связаны с условиями существования потребительских союзов, то отсюда следует, что производительные ассоциации должны ограничиваться в лучшем случае небольшим местным сбытом и немногими продуктами первой необходимости, преимущественно продуктами питания. Из обихода потребительских союзов, а следовательно, и производительных ассоциаций исключаются все важнейшие отрасли капиталистического производства: текстильная, угольная, металлическая и нефтяная промышленность, равно как и машиностроение, паровозо-и кораблестроение. Таким образом, не говоря уже об ее гибридном характере, производительная кооперация не может произвести общей социальной реформы уже потому, что осуществление ее в широком масштабе прежде всего требует отмены мирового рынка и разложения существующего мирового хозяйства на мелкие местные группы производства и обмена и, таким образом, по существу означает шаг назад от крупно-капиталистического к средневековому товарному хозяйству.

Но и в пределах их возможного осуществления на почве современного общества, производительные ассоциации сводятся неизбежным образом к простым придаткам потребительских союзов, которые, в силу этого, выступают на первый план в качестве главных носителей проводимой социалистической реформы. Вся социалистическая реформа путем ассоциаций тем самым превращается из борьбы против производственного капитала, т.-е. против главного ствола капиталистического хозяйства, в борьбу против торгового капитала и, в частности, против мелкого и посреднического торгового капитала, т.-е. только против мелких ответвлений капиталистического ствола.

Что касается профсоюзов, которые, по мнению Бернштейна, должны со своей стороны представлять средство против эксплоатации промышленного капитала, то мы уже показали, что профсоюзы не в силах обеспечить рабочим влияние на процесс производства ни в отношении к объему производства, ни в отношении к технической его стороне.

Что же касается чисто экономической стороны, «борьбы нормы заработной платы с нормою прибыли», как выражается Бернштейн, то эта борьба, как мы тоже уже показали, совершается не в небесном просторе, а в определенных границах закона заработной платы, которого она сокрушить не может, а может только осуществить. И это становится ясным, если подойти к проблеме с другой стороны и поставить себе вопрос о роли профсоюзов.

Профсоюзы, которые в освободительной борьбе рабочего класса должны, по словам Бернштейна, вести наступление против нормы промышленной прибыли, постепенно обращая ее в норму заработной платы, совершенно не в состоянии вести наступление против прибыли, потому что они представляют собою не что иное, как организованную оборону рабочей силы против нападений со стороны прибыли, не что иное, как защиту рабочего класса против понижательной тенденции капиталистического хозяйства. И это по двум причинам:

Во-первых, профсоюзы ставят себе задачу влиять путем организации на положение товара «рабочая сила» на рынке; в этой организации постоянно происходит прорыв, благодаря процессу пролетаризации средних слоев, непрерывно выбрасывающему на рынок труда все новый товар. Во-вторых, профсоюзы ставят себе целью улучшение условий жизни, увеличение доли участия рабочего класса в общественном богатстве; но в то же время рост производительности труда с фатальностью закона природы постоянно сокращает это участие. Отнюдь не надо быть марксистом, чтобы это видеть, а достаточно хоть единый раз заглянуть в труд Родбертуса «К освещению социального вопроса».

Таким образом, в обеих главных хозяйственных функциях борьба профсоюзов, в силу об'ективных условий капиталистического общества, превращается в своего рода сизифов труд. Правда, этот сизифов труд необходим для того, чтобы рабочий вообще получал причитающуюся ему по состоянию рынка заработную плату, чтобы осуществлялся капиталистический закон заработной платы, и чтобы парализовалась или, точнее, смягчалась в своем действии понижательная тенденция хозяйственного развития. Но если иметь в виду превратить профсоюзы в средство постепенного сокращения прибыли в пользу заработной платы, то, в качестве социальной предпосылки, это потребовало бы, во-первых, остановки процесса пролетаризации средних слоев и роста рабочего класса, во-вторых, остановки в процессе роста производительности труда,—следовательно, и в том и в другом отношении, совсем как и для осуществления кооперативно-потребительского хозяйства, возврата к условиям, предшествовавшим крупно-капиталистическим формам.

Оба бернштейновских средства социалистических реформ, кооперация и профсоюзы, оказываются, таким образом, совершенно не в силах преобразовать капиталистический способ производства. В сущности, и сам Бернштейн смутно это сознает, а рассматривает их только как средство отщипнуть кусочек капиталистической прибыли, и таким образом обогатить рабочих. Но этим он сам отказывается от борьбы против капиталистического способа производства и направляет социал-демократическое движение на борьбу против капиталистического распределения. Бернштейн многократно определяет свой социализм, как стремление к «справедливому», к «более справедливому» (стр. 51) и «справедливейшему» (Vorwärts, 28 марта 1899 г.) распределению.

Правда, что «несправедливое» распределение при капиталистическом порядке, по крайней мере, в народных массах, действительно является первым толчком для социал-демократического движения. И, борясь за обобществление всего хозяйства, социал-демократия тем самым, конечно, стремится и к «справедливому» распределению общественного богатства. Но, благодаря установленному Марксом закону, что всякое распределение является лишь естественным следствием соответствующего способа производства, социал-демократия направляет свою борьбу не на распределение в рамках капиталистического производства, а на устранение самого товарного производства. Одним словом, социал-демократия хочет осуществить социалистическое распределение путем устранения капиталистического способа производства, между тем как Бернштейн предлагает как раз обратный прием; он хочет побороть капиталистическое распределение и надеется этим путем осуществить постепенно социалистический способ производства.

Но как можно, в таком случае, обосновать бернштейновскую социалистическую реформу? Указанием на определенные тенденции капиталистического производства? Никоим образом, потому что, во-первых, он отрицает эти тенденции, и, во-вторых, у него, как указывалось выше, желательное преобразование производства есть следствие, а не причина распределения. Таким образом, экономически его социализм обоснован быть не может. После того, как он поставил вверх ногами цель и средства социализма, и тем самым экономические отношения, он уже не может дать материалистического обоснования своей программы и принужден прибегнуть к обоснованию идеалистическому.

«К чему выводить социализм из экономической необходимости—говорит он.—К чему принижать разум, правовое сознание, волю людей» (Vorwärts, 26 марта 1899 г.).

Бернштейновское более справедливое распределение должно осуществиться силою свободной воли людей, не подчиненной хозяйственной необходимости, или точнее, так как и сама воля лишь орудие, силою познания справедливости, короче силою идеи справедливости.

Вот мы и добрались благополучно до принципа справедливости, до этой старой клячи, на которой уже тысячелетиями ездят все устроители мира за отсутствием более верных исторических средств передвижения, до заезженного Росинанта, на котором выезжали все Дон-Кихоты, чтобы произвести великую реформу мира и чтобы вернуться, под конец, с пустыми руками и с подбитым глазом.

Взаимоотношение между бедными и богатыми, как социальная база социализма, «принцип» кооперативности, как его содержание, «более справедливое распределение», как его цель и идея справедливости, как единственное его историческое оправдание,—насколько больше силы, ума и блеска обнаружил Вейтлинг более пятидесяти лет тому назад в защите этого рода социализма! Правда, гениальный портной еще не был знаком с научным социализмом. И если в настоящее время, через полвека, его идеи, разодранные в клочья Марксом и Энгельсом, благополучно сшивают вновь и преподносятся немецкому пролетариату, как последнее слово науки, то это, конечно, тоже дело рук портного... но не гениального.

* *
*

Как экономическими опорными точками ревизионистской теории являются профсоюзы и кооперация, так важнейшей политической его предпосылкой является непрерывное развитие демократии. Современные взрывы реакции в глазах ревизионизма—лишь «судороги», которые он считает случайными и преходящими, и с которыми не приходится считаться при установлении общего направления борьбы рабочего класса.

[Но ведь дело не в том, что думает Бернштейн, на основании устных и письменных заверений своих друзей, насчет длительности реакции, а в том, какая существует внутренняя, об'ективная связь между демократией и фактическим общественным развитием] [1]).

Например, по мнению Бернштейна, демократия является неизбежной ступенью в развитии современного общества; более того, для него демократия, совсем как для буржуазных теоретиков либерализма, воплощает великий основной закон

---

[1]) Во 2-м издании опущено.

исторического развития вообще, осуществлению которого должны служить все действенные силы политической жизни. Но в такой абсолютной форме это по существу не верно и представляет не что иное, как мелкобуржуазную, и притом поверхностную, шаблонизацию результатов небольшого периода буржуазного развития, приблизительно за последние 25—30 лет. Если ближе присмотреться к историческому развитию демократии и вместе с тем к политической истории капитализма, то мы придем к совершенно иным выводам.

Что касается демократии, то мы встречаем ее в различнейших общественных формациях: в первобытном коммунистическом обществе, в античных рабовладельческих государствах, в средневековых городских коммунах. Точно так же при различнейших хозяйственных условиях мы встречаем абсолютизм и конституционную монархию. С другой стороны, капитализм в своей начальной стадии—как товарное производство—создает в городских коммунах демократический строй; позже, в своей более развитой форме, как мануфактура, капитализм находит соответствующую ему политическую форму в абсолютной монархии. Наконец, в виде развитого промышленного хозяйства он во Франции создает то демократическую республику (1793 г.), то абсолютную монархию Наполеона I, то дворянскую монархию эпохи реставрации (1815—1830 г.), то буржуазную конституционную монархию Луи-Филиппа, потом снова демократическую республику, снова монархию Наполеона III, наконец, в третий раз—республику. В Германии единственный подлинно демократический институт, всеобщее избирательное право, не есть завоевание буржуазного либерализма, а орудие политического слияния мелких государств, и только в такой мере имеет значение в развитии германской буржуазии, которая во всех прочих отношениях довольствуется полуфеодальной конституционной монархией. В России капитализм давно процветает под скипетром восточного самодержавия, и буржуазия ничем не обнаруживает стремления к демократии. В Австрии всеобщее избирательное право по большей части служит спасательным поясом для распадающейся монархии, [и господство § 14 доказывает, как мало оно связано с настоящей демократией] [1]). Наконец, в Бельгии демократическое завоевание рабочего движения—всеобщее избирательное право—находится, несомненно, в связи со слабостью милитаризма, следовательно, с особым географически-политическим положением Бельгии; и прежде всего это не де-

---

[1]) Во 2-м издании опущено. На основании § 14 конституции в Габсбургской монархии могло быть приостановлено действие конституционных гарантий и парламента.

мократия, завоеванная буржуазией, а демократия, отвоеванная у буржуазии.

Таким образом, непрерывный рост демократии, который нашему ревизионизму и буржуазному свободомыслию кажется великим основным законом человеческой или, по крайней мере, современной истории, оказывается при ближайшем рассматрении воздушным замком. Нельзя установить общей абсолютной связи между капиталистическим развитием и демократией. Политическая форма в каждом отдельном случае является результатом всей суммы политических, внутренних и внешних, факторов и допускает всю иерархию форм от абсолютной монархии до демократической республики.

Если мы, таким образом, принуждены отказаться от общего исторического закона развития демократии, даже в рамках современного общества, и обратимся только к современной фазе буржуазной истории, то и здесь мы находим в политическом положении факторы, которые ведут не к осуществлению бернштейновской схемы, а скорее, как раз наоборот, к потере буржуазным обществом своих прежних завоеваний.

С одной стороны, что чрезвычайно важно, демократические учреждения в значительной степени сыграли свою роль для буржуазного развития. Поскольку они были нужны для об'единения мелких государств и для создания современных крупных государств (Германия, Италия), постольку теперь без них можно обойтись; тем временем хозяйственное развитие вызывало внутреннее органическое сращение, [и в этом смысле политическая демократия может быть упразднена без ущерба для организма буржуазного общества] [1]).

То же самое относится и к превращению всей политически-административной государственной машины из полу-или совершенно феодального механизма в капиталистический.

Это превращение, исторически неразрывно связанное с демократией, в настоящее время в столь значительной мере завершено, что устранение чисто демократических ингредиентов государственного устройства, всеобщего избирательного права, республиканской государственной формы, отнюдь не повело бы к возврату администрации, финансового устройства и обороны и т. д. в домартовских формах.

Если, таким образом, для буржуазного общества, как такового, либерализм стал по существу излишним, то, с другой стороны, он стал во многих отношениях прямой помехой. Мы имеем в виду два фактора, господствующие надо всей политической жизнью современного государства: мировую политику и рабочее движение. И то и другое—лишь

---

[1]) Во 2-м издании опущено.

различные аспекты современного фазиса капиталистического развития.

Развитие мирового хозяйства и обострение и распространение конкуренции на мировом рынке обратили милитаризм и маринизм, как орудия мировой политики, в решающий момент как внешней, так и внутренней жизни крупных государств. Но если мировая политика и милитаризм обнаруживают в современной фазе тенденцию к повышению, то буржуазная демократия должна неизбежно обнаруживать тенденцию к понижению. [Самый блестящий пример: северо-американская уния после испанской войны. Во Франции республика обязана существованием, главным образом, международному политическому положению, делающему пока что невозможным войну. Если бы дело дошло до войны, и если бы Франция, как есть полное основание предполагать, оказалась бы неподготовленной к мировой политике, то ответом на первое же поражение Франции на поле брани явилось бы провозглашение в Париже монархии. В Германии за новую эру крупного вооружения (1893 г.) и за начатую с Кьяу Чоу мировую политику буржуазной демократии пришлось сразу же расплатиться распадом свободомыслящей партии и падением центра] [1]).

Если внешняя политика гонит буржуазию в об'ятия реакции, то в неменьшей степени делает это и внутренняя политика—возвышающийся рабочий класс. Бернштейн сам с этим соглашается, возлагая на социал-демократическую Fresslegende [2]), т.-е. на социалистические стремления рабочего класса, вину за измену либеральной буржуазии своему знамени. В связи с этим, он советует пролетариату, чтобы снова вытащить на-смерть запуганный либерализм из норы реакции, отказаться от своей социалистической конечной цели. Но тем, что он делает условием существования и социаль-

---

[1]) Роза Люксембург изменила свой взгляд на вероятное влияние войны на судьбы Франции. Он был обусловлен обстоятельствами того времени (1899): отголоски буланжизма (сильного мещански-монархического движения), военное превосходство тройственного союза, неизвестность позиции, какую бы заняла Англия в случае войны, и слабость пролетарского движения.

Во 2-м издании, вместо заключенного в скобки абзаца, помещено следующее: в Германии вступление с 1893 года в эру крупных вооружений и мировой политики, начиная с Киао-Чао, было сразу же ознаменовано двумя жертвами со стороны буржуазной демократии: разложением свободомыслящей партии и вырождением центра из оппозиционной партии в правительственную партию. Последние выборы в рейхстаг, в 1907 году, проходившие под знаком колониальной политики, являются вместе с тем историческим погребением немецкого либерализма.

[2]) Под Fresslegende (легенда о пожирании) Бернштейн понимает «толки о всеобщей, одновременной и насильственной экспроприации» (Neue Zeit 1898/99, вып. II, стр. 89).

ной предпосылкой современной буржуазной демократии устранение социалистического рабочего движения, он сам убедительнее всего доказывает, что эта демократия настолько же противоречит внутренней тенденции развития современного общества, насколько социалистическое рабочее движение является непосредственным продуктом этой тенденции.

Но этим он еще кое что доказывает. Делая отказ рабочего класса от социалистической конечной цели предпосылкой и условием возрождения буржуазной демократии, он тем самым показывает, сколь мало, наоборот, буржуазная демократия может служить необходимой предпосылкой и условием социалистической победы. Рассуждения Бернштейна замыкаются здесь в порочный круг, при чем его конечный вывод уничтожает его первую предпосылку.

Есть очень простой выход из этого круга: из того факта, что буржуазный либерализм из страха перед разрастающимся рабочим движением и его конечными целями испустил дух, следует только то, что как раз теперь социалистическое рабочее движение есть и может быть единственной опорой демократии, и что не судьбы социалистического движения связаны с буржуазной демократией, а, наоборот, судьбы демократического развития связаны с социалистическим движением. Из этого следует, что демократия становится жизнеспособной не в той мере, в какой рабочий класс отказывается от своей борьбы за освобождение, а. наоборот, в той мере, в какой социалистическое движение оказывается достаточно сильным, чтобы бороться против реакционных последствий мировой политики и измены буржуазии своему знамени. Из этого следует, что тот, кто желает усиления демократии, должен вместе с тем желать также усиления, а не ослабления, социалистического движения, что отказом от социалистических стремлений мы отказываемся как от рабочего движения, так и от демократии.

[В конце своего «ответа» Каутскому в Vorwärts от 26 марта 1899 г. Бернштейн заявляет, что в общем он совершенно согласен с практической частью программы социал-демократии и возражает лишь против ее теоретической части. Несмотря на это, он, очевидно, считает себя в праве итти нога в ногу с партией, ибо какой же вес можно придавать тому, «встречаются ли в теоретической части положения, которые уже не согласуются с его пониманием хода развития?» Это об'яснение в лучшем случае показывает, как безнадежно утратил Бернштейн понимание связи практической деятельности социал-демократии с ее общими принципами, и как одни и те же слова перестали выражать один и тот же смысл для партии и для Бернштейна. В действительности же,

собственные теории Бернштейна приводят, как мы видели, к самому элементарному положению социал-демократии — к пониманию, что без принципиальной основы бесценна и бесцельна также и практическая борьба, и что с отказом от конечной цели должно погибнуть также и само движение[1]).

3. ЗАВОЕВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Судьбы демократии, как мы видели, связаны с судьбами рабочего движения. Но разве развитие демократии даже в лучшем случае делает излишней или невозможной пролетарскую революцию в смысле захвата государственной власти, завоевания политической власти?

Бернштейн разрешает этот вопрос путем тщательного взвешивания хороших и плохих сторон законодательной реформы и революции и делает это с добродушием, напоминающим взвешивание корицы и перца в потребительской лавке. В развитии законодательства он усматривает действие интеллекта, в революционном развитии — действие чувства; в реформах — медленный метод исторического прогресса, в революции — быстрый; в законодательстве — планомерную, в перевороте — стихийную силу (стр. 183).

Это старая песня, что мелкобуржуазный реформатор решительно во всем на свете видит «хорошую» и «плохую» сторону и собирает мед со всех цветков. Но такая же старая песня и то, что действительный ход событий ничуть не считается с мелкобуржуазными комбинациями и одним щелчком разоряет тщательно сложенные кучи «хороших сторон» всевозможных вещей. Мы видим, что в истории законодательная реформа и революция обусловлены причинами более глубокими, чем преимущества или вред того или иного образа действия.

В истории буржуазного общества законодательная реформа служила постепенному усилению возвышавшегося класса, пока он чувствовал себя достаточно зрелым, чтобы завоевать политическую власть и разрушить всю существующую правовую систему, чтобы заменить ее новой.

С Бернштейном, который гремит против захвата политической власти, как против бланкистской теории насилия, случилась беда: то, что веками стояло во главе угла и являлось движущей силой человеческого общества, он считает бланкистской ошибкой. С тех пор как существует классовое общество, и классовая борьба составляет главное содержание его в истории, завоевание политической власти

---

[1]) Этого абзаца нет во 2-м издании.

было всегда как целью всех возвышающихся классов, так и исходной и конечной точкой каждого исторического периода. Мы видим это на примере длительной борьбы крестьянства с денежным капиталом и дворянством древнего Рима, борьбы патрициев с епископами и ремесленников с патрициями в средневековых городах, борьбы буржуазии с феодалами в новой истории.

Законодательная реформа и революция не представляют, таким образом, различных методов исторического прогресса, между которыми можно выбирать на прилавке истории, как между горячими и холодными сосисками,—а они являются различными моментами в развитии классового общества, которые обусловливают и дополняют, но вместе с тем и исключают друг друга, как, например, южный полюс и северный, буржуазия и пролетариат.

В каждый данный момент законная форма правления есть только продукт революции. Между тем как революция является политическим творческим актом истории классов, законодательство представляет политическое прозябание общества. Работа законодательной реформы не обладает собственной, независимой от революции, двигательной силой; в каждый исторический период она движется по линии, указанной ей последним переворотом, или, выражаясь конкретнее, лишь в рамках общественных форм, порожденных последним переворотом. Это и есть сущность вопроса.

Безусловно ложно и совершенно неисторично представлять себе работу законодательной реформы просто как растянутую во времени революцию, а революцию—как сжатую в комок законодательную реформу. Социальный переворот и законодательная реформа—это моменты, отличающиеся не по своей длительности, а по своей сущности. Весь секрет исторических переворотов, совершаемых при помощи политической власти, состоит как раз в переходе чисто количественных изменений в новое качество, или, выражаясь конкретно, в переходе одного исторического периода, одного общественного порядка—в другой.

Поэтому тот, кто высказывается за путь законодательных реформ вместо и в противоположность завоеванию политической власти и общественному перевороту, тот в действительности избирает не более спокойный, верный и медленный путь к той же цели, а избирает другую цель: вместо создания нового общественного порядка—только несущественные изменения старого. Так, политические воззрения ревизионизма приводят к тому же выводу, что и его экономические теории: они, в сущности, имеют целью не осуществление социалистического порядка, а реформирование капиталистического, не упразднение

системы найма, а урегулирование эксплоатации, одним словом, устранение капиталистических уродливостей, а не самого капитализма.

Но, быть может, эти положения о функциях законодательной реформы и революции правильны только по отношению к происходившей до сих пор классовой борьбе? Быть может, отныне, благодаря развитию буржуазной правовой системы, законодательная реформа в состоянии также перевести общество из одной исторической фазы в другую, и захват государственной власти пролетариатом «стал бессодержательной фразой», как говорит на 183-й странице своей книги Бернштейн?

Дело обстоит как раз наоборот.

Что отличает буржуазное общество от более ранних классовых обществ—от античного и средневекового? Как раз то обстоятельство, что теперь классовое господство основано не на «законно завоеванных правах», а на фактических хозяйственных соотношениях, что система найма не есть правовое отношение, а чисто экономическое. Во всей нашей правовой системе мы не найдем законодательной формулировки современного классового господства. Если и есть некоторые намеки в этом направлении, то это, как, например, положение о батраках, пережитки феодальных отношений.

Как можно постепенно уничтожить «в законодательном порядке» наемное рабство, если оно вовсе не зафиксировано в законах? Бернштейн, приступающий к законодательным реформам, чтобы этим путем изничтожить капитализм, попадает в положение того русского будочника, героя рассказа Успенского, который собирался сцапать старого нищего за шиворот, но не мог этого сделать, потому что у него и шиворота-то настоящего не оказалось... В этом вся беда.

Всякое существовавшее до сих пор общество покоилось на противоположности угнетающего и угнетаемого класса («Коммунистический Манифест»). Но в предшествующих фазисах современного общества эта противоположность выражалась в определенных правовых отношениях и поэтому могла до известной степени дать нарождающимся отношениям место в рамках старых. «Крепостной, не выходя из крепостного состояния, возвысился до степени члена коммуны» («Коммунистический Манифест»). Каким образом? Путем постепенного упразднения в пригородах всех тех различных повинностей (барщины, подушной подати, принудительного брака, раздела наследства и т. д. и т. д.), которые, в совокупности, составляли крепостное право.

Точно так же «под игом феодального абсолютизма мелкий бюргер вырос до буржуа» («Коммунистический Манифест»). Каким образом? Путем частичного формального упраздне-

ния или фактического ослабления цеховых уз, путем постепенного преобразования, в самых необходимых пределах, управления, системы финансов и обороны.

Если исследовать вопрос абстрактно, а не исторически, то при прежних классовых отношениях можно, по крайней мере, мыслить переход силою законодательной реформы от феодального общества к буржуазному. Но что же мы видим на деле? Что и там законодательные реформы служили не для того, чтобы сделать излишним захват политической власти буржуазией, а для того, чтобы, наоборот, его подготовить и осуществить. Как для упразднения крепостного права, так и для уничтожения феодализма был необходим настоящий социально-политический переворот.

Но еще совсем по-иному обстоит дело теперь. Не закон принуждает пролетария впрягаться в ярмо капитала, а нужда, недостаток средств производства. Однако, в рамках буржуазного общества никакой закон в мире не в силах предоставить ему эти средства, потому что отнял их у него не закон, а экономическое развитие.

Далее, эксплоатация в пределах системы найма точно так же основана не на законах, поскольку высота заработной платы определяются не в законодательном порядке, а силою экономических факторов. И самый факт эксплоатации основан не на предписании закона, а на том чисто хозяйственном факте, что рабочая сила является товаром, который, между прочим, обладает приятным свойством производить стоимость, и большую стоимость, чем какую он сам поглощает в виде средств существования рабочего. Одним словом, все основные отношения капиталистического классового господства не могут быть преобразованы законодательными реформами на буржуазном базисе, потому что они вовсе не созданы буржуазными законами и не облечены в форму таких законов. Бернштейн этого не знает, когда он строит план «социалистической реформы», но хотя он этого не знает, он все же говорит на 10-й странице своей книги. «В наше время экономический мотив выступает самостоятельно, между тем как прежде он был замаскирован отношениями господства и всякого рода идеологиями».

Но есть еще одно обстоятельство.

Вторая особенность капиталистического порядка состоит в том, что в нем все элементы будущего общества в своем развитии сначала принимают форму, в которой они не приближаются к социализму, а от него отдаляются. В производстве все более выявляются общественный характер. Но в какой форме? В форме крупного предприятия, акционерного общества, картеля, в которых капиталистические противоречия, эксплоатация, порабощение рабочей силы доведены до крайнего предела.

В области военного дела развитие ведет к распространению всеобщей воинской повинности, к сокращению срока военной службы, следовательно, материально осуществляется приближение к народной армии. Но это в форме современного милитаризма, где господство милитаристического государства над народом крайне ярко обнаруживает классовый характер государства.

В политическом отношении развитие демократии, поскольку она находит благоприятную почву, ведет к участию в политической жизни всех слоев населения, следовательно, до некоторой степени, к «народному государству». Но это облекается в форму буржуазного парламентаризма, где классовые противоречия и классовое господство не упразднены, а, наоборот, раскрыты и обнажены. Поскольку, таким образом, все капиталистическое развитие основано на противоречиях, постольку для того, чтобы освободить ядро социалистического общества от противоречащей ему капиталистической скорлупы, надо и по этой причине прибегнуть к завоеванию политической власти пролетариатом и к полному уничтожению капиталистической системы.

Правда, Бернштейн делает из этого иные выводы: если бы развитие демократии вело к обострению, а не к смягчению капиталистических противоречий, то и «социал-демократия должна бы была, поскольку она не хочет усложнить своей задачи, оказывать возможное противодействие социальным реформам и расширению демократических установлений» (стр. 71). Конечно, в том случае, если бы социал-демократия, на манер мелкой буржуазии, находила вкус в праздном занятии,—брать из истории все хорошее и отбрасывать все плохое. Но тогда ей бы следовало «пытаться упразднить» весь капитализм, потому что он, несомненно, главный злодей, ставящий ей все преграды на пути к социализму. В действительности же капитализм вместе с п р е п я т с т в и я м и открывает и единственные в о з м о ж н о с т и осуществления социалистической программы. Это всецело относится также и к демократии.

Если демократия и перестала быть нужна буржуазии и стала отчасти обузой, то зато для рабочего класса она необходима и неустранима. Необходима она, во-первых, потому, что создает политические формы (самоуправление, избирательное право и т. п.), которые послужат пролетариату зачатками и отправными точками при преобразовании буржуазного общества. Необходима она, далее, и потому, что только через нее, в борьбе за демократию, в осуществлении ее прав, пролетариат приходит к сознанию своих классовых интересов и своих исторических задач.

Одним словом, демократия необходима не потому, что она делает и з л и ш н и м завоевание политической власти проле-

тариатом, а, наоборот, потому, что она делает этот захват власти настолько же необходимым, насколько и единственно возможным. Когда Энгельс в своем предисловии к «Борьбе классов во Франции» подверг просмотру тактику современного рабочего движения и противопоставлял баррикадам законодательную борьбу, то он имел в виду не вопрос окончательного завоевания политической власти,—что ясно из каждой строки предисловия,—а вопрос современной повседневной борьбы, не тактику пролетариата по отношению к капиталистическому государству в момент захвата государственной власти, а его тактику в рамках капиталистического государства. Одним словом, Энгельс указывал путь порабощенному пролетариату, а не победоносному [1]).

А известное выражение Маркса о земельном вопросе в Англии, на которое Бернштейн тоже ссылается,—«вероятно, всего дешевле было бы выкупить лендлордов»,—относится, как раз наоборот, к тактике пролетариата не до победы, а после победы. Ведь о «выкупе» господствующих классов речь может итти, очевидно, лишь тогда, когда у кормила стоит рабочий класс.

В качестве возможности Маркс предусматривал здесь мирное осуществление диктатуры пролетариата, а не замену диктатуры капиталистическими социальными реформами.

В самой необходимости захвата политической власти пролетариатом ни Маркс, ни Энгельс никогда не сомневались. Только Бернштейн додумался до того, чтобы считать курятник буржуазного парламентаризма тем самым органом, которому суждено осуществить грандиознейший, всемирно-исторический переворот: перевести общество от капиталистических форм к социалистическим.

Но ведь Бернштейн начал свою теорию с опасений и предупреждений, как бы пролетариат не взялся слишком рано за кормило правления! По мнению Бернштейна, в таком случае пролетариат, не изменив ничего в буржуазных порядках, потерпел бы ужасное поражение. Из этого опасения ясно, прежде всего, то, что теория Бернштейна дала бы лишь одно «практическое» указание пролетариату, в случае,

---

[1]) Тот, кто знаком с фальсификацией «Введения» Энгельса, допущенной Центральным Комитетом СДПГ в 1895 году (обнаружено Рязановым), тот с радостью отметит, что Роза Люксембург напала на след действительного смысла подлинного «Введения». Она, несомненно, выразилась бы еще определеннее, если бы ей были известны выпущенные места. Понятия порабощенный и победоносный пролетариат, во всяком случае, несколько неясны. Быть может, правильнее было бы говорить о пролетариате еще бессильном и о пролетариате, окрепшем для решительного боя. Относительно фальсификации этого предисловия см. Архив Маркса и Энгельса, т. I. 1924 г. № 141.

если бы обстоятельства поставили его у кормила: лечь спать. Но этим теория Бернштейна произносит над собою бесповоротный приговор, как учение, осуждающее пролетариат в важнейших случаях борьбы на бездействие, следовательно, на пассивную измену своему собственному делу.

Действительно вся наша программа оказалась бы жалким клочком бумаги, если бы она не могла нам служить при *всех* перипетиях и во *все* моменты борьбы, и служить *для действия*, а не для бездействия. Если наша программа является формулировкой исторического развития общества от капитализма к социализму, то она, очевидно, должна также формулировать и все переходные фазы этого развития и, следовательно, должна уметь в *каждый* момент указать пролетариату тактику, нужную для приближения к социализму Из этого следует, что у пролетариата вообще *не может быть такого момента*, когда он был бы вынужден покинуть свою программу или мог быть покинутым ею.

Практически это обнаруживается в том, что не может быть такого момента, когда пролетариат, поставленный ходом событий у кормила, не был бы в состоянии и не был бы вместе с тем обязан предпринимать известные меры к осуществлению своей программы, известные переходные меры в духе социализма. Утверждение, что социалистическая программа могла бы в какой-нибудь момент политического господства пролетариата совершенно оказаться несостоятельною и не содержащей указаний для осуществления социализма, бессознательно предполагает, что *социалистическая программа вообще и во все времена неосуществима*.

А если переходные меры преждевременны? Этот вопрос заключает в себе целый клубок недоразумений относительно действительного хода социальных переворотов.

Прежде всего, нельзя искусственно вызвать захват государственной власти пролетариатом, т.-е. большим классом населения. Захват этот сам по себе предполагает определенную степень зрелости экономически-политических условий, если не иметь в виду тех случаев, как Парижская Коммуна, где господство досталось пролетариату не как плод целеустремленной борьбы, а в виде исключения, как всеми брошенное бесхозяйное имущество. Здесь заключается главное различие между бланкистскими государственными путшами «решительного меньшинства», которые всегда совершаются внезапно и потому всегда несвоевременно, и завоеванием государственной власти большой народной массой, исполненной классового сознания, которая сама может быть только продуктом начинающегося крушения буржуазного общества, и потому в себе самой несет экономико-политическое оправдание своевременности своего появления.

Если, таким образом, завоевание политической власти рабочим классом с точки зрения общественных предпосылок никак не может совершиться слишком «рано», то, с другой стороны, с точки зрения политического эффекта — сохранения власти — оно, по необходимости, должно совершиться «слишком рано». Преждевременная революция, не дающая Бернштейну спать, висит над ним, как дамоклов меч, и тут не помогут ни опасения, ни предупреждения. На это есть две очень простые причины.

Во-первых, такой грандиозный переворот, как переход от капиталистического порядка к социалистическому, совершенно немыслимо произвести одним ударом, одним победоносным маневром пролетариата. Предположить такую возможность значило бы обнаружить бланкистский образ мышления. Социалистический переворот предполагает длительную и упорную борьбу, при которой пролетариат, по всей вероятности, будет не раз отброшен, так что в первый раз, с точки зрения конечного результата всей борьбы, его появление у кормила окажется безусловно «преждевременным».

Во-вторых, «преждевременный» захват государственной власти неизбежен еще и потому, что эти «преждевременные» нападения пролетариата сами являются фактором, и притом важным фактором, создающим политические условия окончательной победы, так как пролетариат лишь в процессе политического кризиса, сопровождающего захват власти, только в огне длительной и упорной борьбы может обрести нужную степень политической зрелости, которая даст ему возможность произвести окончательный великий переворот. Таким образом, и эти «преждевременные» нападения пролетариата на политическую государственную власть оказываются важными историческими моментами, которые помогают вызвать и определить момент окончательной победы. С этой точки зрения представление «преждевременного» завоевания политической власти трудящимся народом является политической нелепостью, исходящей из механического понимания развития общества, предполагающего существование, вне самой классовой борьбы и независимо от нее, определенного момента для ее победы.

Но так как пролетариат не может завоевать государственную власть иначе, чем «преждевременно», или, иными словами, так как он необходимо должен раз или несколько раз завоевать ее «преждевременно», чтобы, под конец, завоевать ее навсегда, то оппозиция против «преждевременного» захвата власти не что иное, как оппозиция против стремления пролетариата к завоеванию политической власти вообще.

Так что и с этой стороны мы последовательно приходим к выводу (ведь все дороги ведут в Рим), что ревизионистский совет отказаться от социалистической конечной цели сводится к другому совету—отречься от всего социалистического движения, [что его совет социал-демократии, в случае завоевания власти, «лечь спать», тожествен с другим советом: уже теперь и окончательно лечь спать, т.-е. отказаться от классовой борьбы] [1]).

4. КРУШЕНИЕ

Свой пересмотр (ревизию) социал-демократической программы Бернштейн начал с отказа от теории крушения капиталистической системы. Но так как крушение буржуазного общества является краеугольным камнем научного социализма, то удаление этого краеугольного камня должно было с логической необходимостью повести Бернштейна к разрушению всей социалистической теории. В процессе дебатов он, чтобы поддержать первое свое утверждение, сдает, одну за другой, все позиции социализма.

Без крушения капитализма немыслима экспроприация класса капиталистов,—Бернштейн отказывается от экспроприации и ставит целью рабочего движения постепенное проведение «принципа кооперативности».

Но кооперативность неосуществима при условиях капиталистического производства,—Бернштейн отказывается от обобществления производства и приходит к реформе торговли, к союзу потребителей.

Но и преобразование общества путем потребительских союзов, вместе с профсоюзами, несовместимо с фактическим материальным развитием капиталистического общества,—Бернштейн отказывается от материалистического понимания истории.

Но его понимание хода экономического развития не согласуется с марксовым законом прибавочной стоимости—Бернштейн отказывается от прибавочной стоимости и от закона стоимости и тем самым от всей экономической теории Маркса.

Но без определенной конечной цели и без экономического базиса в современном обществе нельзя вести пролетарскую классовую борьбу,—Бернштейн отказывается от классовой борьбы и провозглашает примирение с буржуазным либерализмом.

Но в классовом обществе классовая борьба представляет естественное, неизбежное явление,—Бернштейн в дальнейших

[1]) Во 2-м издании опущено.

выводах отрицает даже существование в нашем обществе классов: для него рабочий класс не более, чем масса не только политически и духовно, но и хозяйственно разобщенных индивидуумов. Также и буржуазия, по его мнению, об'ясняется политически не внутренними экономическими интересами, а только силою внешнего давления—сверху или снизу.

Но если не существует экономической почвы для классовой борьбы и, в сущности, не существует даже и классов, то невозможной представляется не только будущая борьба пролетариата с буржуазией, но и предшествующая, непостижимой представляется сама социал-демократия с ее успехами. Или же она становится понятна только, как результат политического давления со стороны правительства, не как закономерный результат исторического развития, а как случайное поражение гогенцоллернского политического курса, не как законное дитя капиталистического общества, а как ублюдок реакции. Таким образом, Бернштейн с неотразимой логикой приводит нас от материалистического понимания истории к толкованию истории по Frankfurter и Vossische Zeitung.

После того, как он отрекся от всей социалистической критики капиталистического общества, остается только признать все существующее удовлетворительным, хотя бы в общем, в целом. Но и это не пугает Бернштейна: В Германии реакция, по его мнению, не так уже сильна; «в западноевропейских государствах политическая реакция почти не дает себя знать», почти во всех странах Запада «отношение буржуазных классов к социал-демократии на худой конец оборонительное, но без тенденции к подавлению» (Vorwärts, 26 марта 1899 г.). Рабочие не прозябают в нищете, а, наоборот, материально крепнут, буржуазия—политически прогрессивна и даже морально здорова, реакция и репрессии не дают себя чувствовать,—и все идет к лучшему в этом лучшем из миров.

Итак, Бернштейн, вполне логично начав с *А*, доходит до Z. Он начал с того, что отказался от к о н е ч н о й ц е л и ради движения. Но так как в действительности социалистическое движение не может существовать без конечной цели, то он, по необходимости, кончает тем, что отказывается также и от самого д в и ж е н и я.

Таким образом, рушится вся социалистическая теория Бернштейна. Из гордого симметричного, дивного сооружения марксовой системы у него получилась огромная груда, в которой нашли братскую могилу осколки всяких систем, обломки мыслей великих и малых умов. Маркс и Прудон, Леон фон-Бух и Франц Оппенгеймер, Фридрих Альберт Ланге и Кант, Прокопович и д-р Риттер фон-Нейпаур, Геркнер и

Шульце-Геверниц, Лассаль и профессор Юлиус Вольф,— все они добавили по лоскутку к бернштейновской системе, у всех у них он побывал в выучке. И не диво! С отказом от классовой точки зрения он потерял политический компас, с отречением от научного социализма он утратил ось духовной кристаллизации, вокруг которой отдельные факты об'единяются в органическое целое последовательного миросозерцания.

Эта теория, составленная из всевозможных обломков систем, без разбору сваленных в кучу, на первый взгляд кажется совершенно об'ективной. Бернштейн и слышать не хочет о «партийной науке», или, вернее, о классовой науке, как и о классовом либерализме, о классовой морали. Он считает себя представителем общечеловеческой, абстрактной науки, абстрактного либерализма, абстрактной морали. Но так как действительное общество состоит из классов с противоположными интересами, стремлениями, идеями, то в настоящее время общечеловеческая наука в социальных вопросах, абстрактный либерализм или абстрактная мораль являются фантазией, самообольщением. То, что Бернштейн выдает за свою общечеловеческую науку, демократию, мораль,—это только господствующая, т.-е. буржуазная наука, буржуазная демократия, буржуазная мораль!

Действительно, разве, отрекаясь от марксовой экономической системы, чтобы стать адептом учений Брентано, Бем-Джевонса, Сэя, Юлиуса Вольфа, он не подставляет апологию буржуазии на место научного обоснования освобождения рабочего класса? Разве, говоря об общечеловеческом характере либерализма и превращая социализм в разновидность либерализма, он тем самым не отнимает у социализма его классовый характер, следовательно, историческое содержание, да и вообще всякое содержание, и разве не делает, наоборот, историческую носительницу либерализма, буржуазию, представительницей общечеловеческих интересов.

И когда он выступает против «возвышения материальных факторов до значения всемогущих сил развития», против «презрения к идеалу» у социал-демократии, когда он выступает во имя идеализма, морали и вместе с тем восстает против единственного источника морального возрождения пролетариата, против революционной классовой борьбы,— разве он, в сущности, не проповедует рабочему классу квинт-эссенцию буржуазной морали: примирение с существующим порядком и перенесение надежд в потусторонний мир моральных представлений?

И, наконец, разве, направляя ядовитейшие стрелы против диалектики, он не вступает в борьбу со специфическим образом мышления идущего вперед классово-сознательного

пролетариата? Разве он не борется против того меча, который помог пролетариату рассечь мрак его исторического будущего, против духовного оружия, которым, будучи еще материально порабощенным, пролетариат победил буржуазию, доказав ей ее бренность и неизбежность своего торжества, которым он уже совершил революцию в царстве духа! Отказавшись от диалектики и усвоив шаткие мысли этих «с одной стороны—с другой стороны», «хотя—однако», «правда—но», «более—менее», Бернштейн совершенно последовательно проникается исторически обусловленной идеологией гибнущей буржуазии, представляющей верное духовное отражение ее общественного бытия и политических действий [Каприви-Гогенлое, Берлепш-Посадовский, февральские указы—каторжные проекты]. Политическое «с одной стороны—с другой стороны», «если», и «но» современной буржуазии, как две капли воды, похоже на образ мышления Бернштейна, а образ мышления Бернштейна является тончайшим и вернейшим симптомом его буржуазного мировоззрения.

Но ведь для Бернштейна и слово «буржуазный» не есть классовое обозначение, а обще-социальное понятие. Это только доказывает, что он—последовательно, вплоть до точки над «*и*»—вместе с наукою, политикой, моралью и образом мышления, выменял также и исторический язык пролетариата на язык буржуазии. Поскольку Бернштейн под словом бюргер понимает безразлично буржуа и пролетария, следовательно, человека вообще, постольку человек вообще действительно обратился у него в буржуа, и человеческое общество отожествилось с буржуазным.

[Если в начале дискуссии с Бернштейном кое-кто еще надеялся убедить его доводами из научного арсенала социал-демократии, возвратить его в лоно нашего движения, то от этой надежды надо окончательно отказаться. Потому что теперь для обеих сторон одни и те же слова перестали означать одни и те же понятия, а одни и те же понятия перестали выражать одни и те же социальные явления. Дискуссия с Бернштейном обратилась в об'яснение между двумя мировоззрениями, двумя классами, двумя общественными формами. В настоящее время Бернштейн и социал-демократия стоят на совершенно разных платформах] [1]).

5. ОППОРТУНИЗМ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

Книга Бернштейна имела большое историческое значение для немецкого и для интернационального рабочего движения:

---

[1]) Во 2-м издании опущено.

это была первая попытка подвести теоретическое основание под оппортунистические течения.

Оппортунистические течения в нашем движении обнаруживаются с давних пор, если принять во внимание спорадическое их выявление, как, например, в известном вопросе о субсидировании пароходных обществ. Однако, ясно выраженное об'единенное стремление в этом направлении выявилось лишь в начале девяностых годов, во время издания закона о социалистах и обратного отвоевания легального положения. Государственный социализм Фольмара, баварское голосование бюджета, южно-германский аграрный социализм, политика компенсации Гейне, точка зрения Шиппеля в вопросах о пошлинах и о милиции,—вот вехи в развитии практики оппортунизма.

Что характеризует ее внешним образом? Враждебное отношение к «теории»; и это вполне понятно, так как наша «теория», т.-е. принципы научного социализма, ставит очень определенные рамки практической деятельноти как в отношении преследуемой ц е л и, так и в отношении к применяемым с р е д с т в а м борьбы и, наконец, даже в отношении к с п о с о б у борьбы. Поэтому у людей, стремящихся только к практическим успехам, обнаруживается естественное стремление развязать себе руки, т.-е. отделить нашу практику от «теории» и сделать ее независимой от теории.

Но при каждой практической попытке эта теория разбивала их на голову: государственный социализм, аграрный социализм, политика компенсаций, вопрос о милиции,—все это сплошные поражения для оппортунизма. Совершенно ясно, что это течение, чтобы противопоставить себя нашим принципам, должно было неизбежно само взяться за теорию, за принципы и вместо того, чтобы их игнорировать, попытаться их поколебать и состряпать собственную теорию. Попыткой в этом направлении явилась теория Бернштейна, и потому, как мы видели, на партийном с'езде в Штутгарте все оппортунистические элементы сразу же сгруппировались вокруг знамени Бернштейна. Если считать, с одной стороны, оппортунистические течения на практике совершенно естественным явлением, об'ясняемым условиями нашей борьбы и ее ростом, то, с другой стороны, бернштейновская теория является не менее естественной попыткой об'единить эти течения в общем теоретическом выражении, обнаружить их собственные теоретические предпосылки и покончить с научным социализмом. Поэтому бернштейновская теория была с самого начала для оппортунизма теоретическим пробным камнем, его первой научной проверкой.

Как же сошло это испытание? Это мы видели. Оппортунизм не в состоянии выставить положительную теорию, которая хоть сколько-нибудь выдерживала бы критику. Вот

все, что он может: сначала бороться с различными отдельными принципами марксового учения, а затем, так как это учение представляет собою прочное сооружение, разрушить сверху донизу всю систему. Этим доказывается, что по своей сущности оппортунистическая практика в основе несовместима с системой Маркса.

Но далее этим доказывается также и то, что оппортунизм несовместим и с социализмом вообще, что внутренняя его тенденция клонится к тому, чтобы перевести рабочее движение на буржуазные рельсы, т.-е. совершенно парализовать пролетарскую классовую борьбу. Правда, с исторической точки зрения пролетарская классовая борьба не тожественна с марксовой системой. И до Маркса, и независимо от него, существовало рабочее движение и различные социалистические системы, из которых каждая в своем роде являлась соответствующим условиям времени теоретическим выражением стремления рабочего класса к освобождению. Обоснование социализма моральными понятиями справедливости, борьба против способа распределения, а не против способа производства, понимание классовых противоречий, как противоречия бедности и богатства, стремление внедрить «кооперативность» в капиталистическое хозяйство, все то, что мы находим в бернштейновской системе, уже существовало и до него, и в свое время эти теории, при всей их неудовлетворительности, были настоящими теориями пролетарской классовой борьбы. Они были теми детскими башмаками великана, в которых пролетариат учился ходить на исторической арене.

Но после того как развитие самой классовой борьбы и ее общественных предпосылок повело к отказу от этих теорий и к созданию принципов научного социализма, не может быть, по крайней мере в Германии, иного социализма, кроме марксистского, и не может быть социалистической классовой борьбы вне социал-демократии. Отныне социализм и марксизм, пролетарская борьба за освобождение и социал-демократия—тожественны. Поэтому в наше время возврат к до-марксовым теориям социализма означает даже не возврат к гигантским детским башмакам пролетариата, нет,—это возврат к карликовым растоптанным домашним туфлям буржуазии.

Теория Бернштейна была первой, но вместе с тем и последней попыткой подвести под оппортунизм теоретическое обоснование. Мы говорим: последней, потому что в бернштейновской системе как в смысле отрицания научного социализма, так и в смысле нагромождения всевозможных теоретических абсурдов, попытка эта пошла так далеко, что ему больше ничего не остается сделать. Книгой Бернштейна оппортунизм закончил свое развитие в теории [как

на практике—позицией, занятой Шиппелем по вопросу о милитаризме] [1]), он сделал свои крайние выводы.

И учение Маркса не только в состоянии его теоретически опровергнуть, но оно и только оно в силах так же об'яснить оппортунизм, как историческое явление в развитии партии. Всемирно историческое шествие пролетариата к победе, действительно, «не простая штука». Все своеобразие этого движения заключается в том, что здесь впервые в истории народные массы сами и против всех господствующих классов осуществляют свою волю, и притом цель свою ставят по ту сторону современного общества. Но эту волю массы могут выработать только в постоянной борьбе с существующим порядком и только в его рамках. Об'единение огромных народных масс во имя цели, выходящей за пределы всего существующего порядка, соединение повседневной борьбы с великой мировой реформой—в этом великая проблема социал-демократического движения, которому неизбежно приходится в своем развитии прокладывать себе путь между двумя подводными скалами: между отказом от массового характера и отказом от конечной цели, между обратным превращением в секту и перерождением в буржуазный реформизм, между анархизмом и оппортунизмом.

Правда, в теоретическом арсенале марксистского учения уже полвека тому назад имелось уничтожающее оружие как против одной, так и против другой крайности. Но так как наше движение есть массовое движение, и угрожающие ему опасности вызываются не человеческими измышлениями, а общественными условиями, то марксистская теория не может раз навсегда предотвратить анархистские и оппортунистические уклоны. Только после того, как они воплотились в жизнь, должны они быть преодолены самим движением, конечно, при помощи выкованного Марксом оружия. Меньшую опасность, детскую болезнь анархизма, социал-демократия уже преодолела в «движении независимых». Бóльшую опасность—оппортунистическое бешенство—она преодолевает в настоящее время.

При огромном экстенсивном росте движения за последние годы, при сложности условий, в которых происходила борьба, и целей, ради которых она ведется, неизбежно должен был настать момент, когда в движении обнаруживаются скептицизм в отношении к достижению конечных целей, колебание в отношении к идеальному элементу движения.

Так, а не иначе, должно протекать великое пролетарское движение, и моменты колебаний, нерешительности не только не являются сюрпризом для марксистской теории, но, наоборот, давно предусмотрены и предуказаны Марксом. «Буржу-

---

[1]) Во 2-м издании опущено.

азные революции,— писал Маркс полвека тому назад в «Восемнадцатом брюмера»,—как, например, революция XVIII в., быстрее стремятся от успеха к успеху, их драматические эффекты импозантнее, люди и события как бы озарены бенгальским огнем, экстаз является господствующим настроением каждого дня; но они быстротечны, скоро достигают своего высшего пункта, и продолжительное настроение похмелья охватывает общество, прежде чем оно успевает трезво усвоить себе результаты периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции, каковы революции XIX века, непрерывно критикуют самих себя, то и дело прерывают свой ход, возвращаются назад и заново начинают то, что, повидимому, уже совершенно, с беспощадною суровостью осмеивают половинчатость, слабость, недостатки своих первых попыток, низвергают противника, как будто бы только для того, чтобы он набрался новых сил и встал перед ними еще более могучим, все снова и снова отступают назад, пугаясь неопределенной колоссальности своих собственных задач, пока, наконец, не будут созданы условия, исключающие возможность всякого отступления, пока сама жизнь не заявит властно: «Hic Rhodus, hic salta!». (Здесь Родос, здесь прыгай!).

Это осталось в силе и после того, как было построено учение научного социализма. Благодаря этому пролетарское движение еще не стало, конечно, даже и в Германии, социал-демократическим, оно становится социал-демократическим с каждым днем, оно становится таковым, непрерывно преодолевая крайние уклоны в сторону анархизма и оппортунизма, которые являются лишь моментами движения социал-демократии, понимаемой как процесс.

В виду этого, поразительно не возникновение, а, наоборот, слабость оппортунистического течения. Пока оно обнаруживалось лишь в отдельных случаях партийной практики, можно еще было предполагать за ним какое-либо серьезное теоретическое обоснование. Но теперь, когда оно нашло полное выражение в книге Бернштейна, всякий вынужден с изумлением воскликнуть: «Как, это все, что вы имели сказать? Ни намека на свежую мысль! Ни одной мысли, которая бы не была опрокинута марксизмом, растоптана, высмеяна, обращена в ничто!»

Достаточно было оппортунизму заговорить, чтобы обнаружить, что сказать ему нечего. И в этом-то и заключается истинное значение книги Бернштейна для истории партии.

И, отрекшись от способа мышления революционного пролетариата, от диалектики и материалистического понимания истории, Бернштейн все же может еще быть им благодарен за те смягчающие обстоятельства, в свете которых они рассматривают его превращение. Потому что только диалек-

тика и материалистическое понимание истории великодушно позволяют ему сойти за подходящее, но бессознательное орудие, в котором устремляющийся вперед пролетариат выразил свою минутную нерешительность, чтобы, оглядевшись при свете дня, с насмешкой ее далеко отбросить.

[Мы сказали: движение становится социал-демократическим, преодолевая уклоны в сторону анархизма и оппортунизма, с необходимостью вытекающие из его собственного роста. Но преодолевать не значит спокойно предоставлять на божью волю. Преодолеть нынешнее оппортунистическое течение значит его отбросить.

Бернштейн заканчивает свою книгу советом партии—иметь мужество казаться тем, что она есть: демократически-социалистической партией реформы. Партия, т.-е. ее высший орган, партийный с'езд, должна была бы, по нашему мнению, реваншироваться за этот совет, предложив Бернштейну, со своей стороны, также формально предстать тем, что он есть: мелко-буржуазно-демократическим прогрессистом] [1]).

ПОССИБИЛИЗМ И ОППОРТУНИЗМ [2])

Как известно, тов. Гейне выпустил к партийному с'езду брошюру под заглавием «Выбирать или не выбирать», в которой он выступил за участие в выборах в прусский ландтаг. Но не эта главная тема статейки послужила поводом для нижеследующих наших замечаний, а два словца, выдвинутые им в ходе аргументации, «поссибилизм и оппортунизм», на которые мы особенно остро реагируем в связи с известными течениями последнего времени в жизни партии. Гейне полагает, что отрицательное отношение партии к этим течениям покоится целиком на недоразумении, на неправильном понимании истинного лексического смысла этих иностранных слов. Увы, тов. Гейне, подобно Фаусту, усердно проштудировал юридические науки, но, увы, в противоположность Фаусту, не изучил многого другого. И в духе истого юридического способа мышления он говорит себе: «Вначале было слово». Если мы хотим знать, будут ли поссибилизм и оппортунизм полезны социал-демократии или вредны, то сто́ит лишь справиться в толковом словаре иностранных слов, и в пять минут вопрос будет разрешен. Из словаря мы узнаем, что поссибилизм есть политика, стремящаяся к тому, что при данных условиях возможно, после чего Гейне восклицает с торжеством: «Да, я спрашиваю всех здравомыслящих людей, неужели политика

---

[1]) Во 2-м издании опущено.

[2]) Sächsische Arbeiterzeitung от 30 сентября 1898 г.

должна стремиться к тому, что при данных условиях не возможно?» Да, отвечаем мы ему, как здравомыслящие люди, будь разрешение вопросов политики и тактики так просто, то мудрейшими государственными людьми были бы словесники, и нам следовало бы завести у себя, вместо социал-демократических докладов, популярные лекции по языкознанию.

Конечно, наша политика может и должна стремиться лишь к тому, что при данных условиях возможно. Но этим еще отнюдь не сказано, **как**, каким путем мы должны стремиться к возможному. А в этом вся суть.

Основной вопрос социалистического движения искони заключался в том, как согласовать практическую непосредственную деятельность с конечной целью. В соответствии с тем или другим разрешением этого вопроса, в социализме существуют различные «школы» и направления. Социал-демократия и была первой социалистической партией, которая умела удачно соединить революционную цель с практической повседневной деятельностью и таким путем вовлечь в борьбу широкие народные массы. В чем же состоит это особо удачное разрешение вопроса? Выражаясь сжато и общо: в построении практической борьбы сообразно общим принципам программы. «Все это мы уже знаем наизусть», отвечают нам: «но мы нисколько от этого не поумнели». «Нет», говорим мы, «мы убеждены, что этот тезис при всей своей общности дает нам в руки очень четкую путеводную нить для нашей деятельности». Мы проиллюстрируем это в кратких словах на двух актуальных вопросах партийной жизни — **на милитаризме и таможенной политике**.

Принципиально, как это известно всякому, кто знаком с нашей программой, мы противники всякого милитаризма и всякой таможенной политики. Следует ли из этого, что наши представители в рейхстаге должны противопоставить всем прениям по поводу соответствующих законопроектов простое и голое отрицание. Отнюдь нет, такая позиция подобала бы маленькой секте, а не большой народной партии. Наши представители должны входить в рассмотрение всякого очередного проекта, взвешивать мотивы, обсуждать и аргументировать, исходя из данных конкретных условий, из экономического и политического положения текущего момента, а не из безжизненного и абстрактного принципа. Но при правильном анализе условий и народных интересов результат должен быть и будет всякий раз **отрицательный**.

Наш лозунг: **этой** системе ни одного человека и ни одного гроша. Но для нас **не может** существовать системы, которая бы не была именно этой системой. Мы го-

ворим при всяком новом повышении пошлин, что не видим повода при данном положении соглашаться на пошлину; но для нас не может быть положения, при котором мы бы пришли к другому выводу. Только на этом пути наша практическая борьба становится тем, чем должна быть: орудием проведения наших принципов в процессе общественной жизни, орудием воплощения наших общих принципов в практической повседневной деятельности.

И только при этом условии мы боремся в единственно приемлемой форме за то, что в любой данный момент «возможно». Но когда свое согласие на мероприятия милитаристической и таможенной политики хотят дать в обмен на политические или социал-реформистские уступки, тогда основы классовой борьбы приносятся в жертву преходящим успехам, а это и значит—стать на почву оппортунизма. Нужно заметить, что оппортунизм есть политическая игра с двойным проигрышем: проигрываются не только принципы, но и практический успех. Предположение, будто путем уступок можно достигнуть наибольших успехов, есть величайшая ошибка. Здесь, как и во всех больших делах, оправдывается поговорка: «На всякого мудреца—довольно простоты». Бисмарк заявил как-то буржуазной оппозиции: «Вы сами устраняете для себя возможность всякого практического успеха тем, что на все предложения заранее отвечаете отказом». Старик был тут, по обыкновению, умнее своих «молодцов». И действительно, буржуазная партия, т.-е. партия, принимающая существующий порядок в целом и в то же время отрицающая его частные повседневные проявления, есть ублюдок,—ни рыба, ни мясо. Совсем иное дело—мы, стоящие в коренном противоречии ко всему существующему строю. Для нас в отрицании, в непримиримой позиции заключается вся наша сила. Этой позиции мы обязаны тем, что наши враги боятся и уважают нас, а народные массы с доверием идут за нами.

Только не отступая ни на шаг от этой позиции, мы вырываем у правительства и буржуазных партий то немногое, что может быть отвоевано в смысле непосредственного успеха. Если же мы начнем, в духе оппортунизма, гоняться за «возможным», не заботясь о принципах, и вступим на путь государственного делячества, то скоро окажемся в положении того охотника, который и дичи не принес и ружье потерял.

Нет, напрасно Гейне полагает, что мы боимся иностранных жупелов: оппортунизм, поссибилизм,—чтó нас действительно страшит, так это их претворение в нашу немецкую партийную тактику. Пусть они лучше останутся для нас иностранными словами. И пусть товарищи поостерегутся в данном случае роли толмачей.

АНГЛИЙСКИЕ ОЧКИ [1])

I

Намереваясь дать общий обзор дискуссии о книге Бернштейна [2]) в партийной печати, мы хотим предварительно еще рассмотреть несколько отдельных пунктов, которым придавалось особенное значение. На сей раз мы займемся английским профессиональным движением. Приверженцы Бернштейна очень носятся с термином «хозяйственная мощь», «хозяйственная организация» рабочего класса. Так, д-р Вольтман заявляет в № 93 Эльберфельдской Freie Presse: «Перед рабочим классом стоит задача создать себе хозяйственную мощь». Подобным же образом Э. Давид заканчивает ряд своих статей о книге Бернштейна лозунгом: «Эмансипация путем хозяйственной организации» (Майнцская Volkszeitung № 99). По их воззрению, профессиональное движение в связи с потребительскими союзами должно—согласно теории Бернштейна—постепенно превратить капиталистический способ производства в социалистический. Мы уже указывали (см. «Социальная реформа или революция?»), что такое представление свидетельствует о полном непонимании хозяйственной природы и хозяйственных функций как профессиональных, так и потребительских союзов. Это же самое можно проследить и в менее абстрактной форме—на одном очень наглядном примере.

Как только заходит речь о той крупной роли, которая предуготовлена профессиональным союзам в грядущем рабочем движении, тотчас же неизменно и обязательно появляются на сцену английские профессиональные союзы, как доказательство той «хозяйственной мощи», которой можно достигнуть, и как блестящий образец, которому должен следовать немецкий рабочий класс. Но если существует в истории рабочего движения глава, особенно подходящая для того, чтоб в корне разрушить веру в социализирующее влияние и грядущий всеобщий расцвет профессиональных союзов, так это именно и есть история английского тред-юнионизма.

Бернштейн положил в основу своей теории английскую действительность, он видит мир через «английские очки»—это в партии вошло уже в поговорку. Если этим желают выразить лишь то, что источник теоретической метаморфозы Бернштейна следует искать в его жизни изгнанника и воспринятых им в Англии впечатлениях, то такое индивидуально-психологическое об'яснение, может быть, и вполне правильно, но оно для партии и для дискуссии имеет лишь

---

[1]) Leipziger Volkszeitung от 9 мая 1899 г.

[2]) «Предпосылки социализма».—Такой обзор не появился.

второстепенный интерес. Но если «английскими очками» имеют в виду сказать, что по отношению к Англии Бернштейн прав, что его теория для Англии подходит, то это неверно и противоречит как прошлой истории, так и современному состоянию рабочего движения в Англии.

В чем же заключается столь часто подчеркивавшиеся отличия английской социальной жизни и чем можно их об'яснить? Обыкновенно говорят, что своеобразие Англии заключается в том, что она представляет собой капиталистическое государство, свободное от милитаризма, бюрократии и крестьянства, при чем она использует свой капитал большей частью для эксплоатации в других странах, и что, благодаря всему этому, мы имеем в Англии как политическую свободу, под сенью которой развилось рабочее движение, так и благоприятное рабочим общественное мнение.

Если бы это было верно, то рабочее движение в Англии должно было пользоваться со времени своего возникновения, т.-е. с начала нашего века, той же политической свободой и благосклонностью общественного мнения, как и ныне, ибо все упомянутые особенности английской общественной жизни имеют более чем столетнюю давность. Но история тред-юнионизма доказывает как раз обратное.

Весь первый период этого движения, с начала века вплоть до сороковых годов, представляет такую же картину ожесточенной борьбы рабочих союзов за право на существование, какую вел и частью ведет и поныне пролетариат на континенте Европы. «Страна социальной реформы» отказывала рабочим в течение целых десятилетий в самой скромной законодательной охране. В «стране социального мира» рабочие прибегали в своей борьбе за существование к самым крайним мерам насилия, демонстрациям, бурным стачкам, убийствам, на что правительство отвечало теми же испытанными средствами, которые и до сих пор в ходу на континенте: арестами, процессами с драконовскими приговорами, ссылкой, массовым шпионажем, нападением полиции и войск на рабочие демонстрации, классовой юстицией, полицейским произволом. Словом, английское рабочее движение первой половины века представляет зрелище зверской расправы с просыпающимся рабочим классом, потребовавшим самых скромных социальных реформ *). То самое государство, которое тогда уже, как и ныне, не имело ни милитаризма, ни бюрократии, ни крестьянства, нашло, тем не менее, целый арсенал средств, чтобы встретить рабочее движение суровой репрессией. Итак, если мы видим в Англии, начиная с середины века, иные методы воздействия на рабочий класс, то это связано не с упомянутыми особенностями ее поли-

---

*) С. Вебб.—История английских тред-юнионов.

тической жизни, а с другими условиями, возникшими лишь с течением времени.

В условиях английской жизни к пятидесятым годам произошли, действительно, серьезные сдвиги—и в двух направлениях. Прежде всего, к тому времени английская промышленность достигла безраздельного господства на мировом рынке. До конца сороковых годов английское производство претерпевало очень частые и острые кризисы; с пятидесятых же годов начинается непрерывный и сильный под'ем, благодаря чему для всего предпринимательского класса Англии наступает положение, аналогичное тому, в котором находится отдельный удачливый предприниматель: вечные раздоры с рабочим классом, тянувшаяся ранее постоянная промышленная война стали для него крайне неудобны, и он почувствовал острую потребность в упорядоченных и устойчивых условиях, в «социальном мире».

Соответственно этому, в методах ведения войны со стороны класса предпринимателей происходит тотчас же резкий поворот: конфликты с рабочим классом, бывшие для них раньше вопросом силы, становятся предметом переговоров, соглашения, уступок. С наступлением золотого века английской промышленности, уступки рабочим становятся необходимыми в интересах беспрепятственного делового расцвета и в то же время материально не дают уже себя чувствовать. Если в предыдущую эпоху типичными представителями английской буржуазии были самые твердолобые эксплоататоры à la Штумм, то теперь ее глашатаем является тот предприниматель, который изрек в 1860 году: «На стачки я смотрю, как на необходимое средство борьбы и как на почти неизбежный результат коммерческих сделок о купле-продажа труда» *).

С другой стороны, и несомненно в теснейшей связи с вышеуказанным фактором, в самом рабочем движении происходит существенный поворот. В двадцатых, тридцатых и начале сороковых годов в нем наблюдается увлечение политическими и социальными реформами, широкооб'емлющими планами, социалистическими идеями. «В области теории они (рабочие) были идеалистами, мечтавшими об обновленных небе и земле, гуманистами, людьми, перевоспитавшими человечество, социалистами, проповедниками новой морали» **). «Под влиянием учений Оуэна,—пишет Френсис Плейс,—тред-юнионисты пришли к убеждению, что возможно, путем создания всеобщей не-политической организации наемных рабочих,—поднять заработную плату и сократить про-

*) С. и Б. Вебб.—Теория и практика английских тред-юнионов. Русское изд. 1900 г. в пер. В. Ильина (Ленина). Вып. I. Стр. 174. Прим.

**) С. и Б. Вебб.—История британского тред-юнионизма. Вып. II. Русск. изд. 1923 г. Стр. 34.

должительность рабочего дня до пределов, которые в недалеком будущем передадут им полный продукт их труда» *). Классовая борьба того времени в Англии нашла себе яркое выражение в организации «Великого национального консолидированного союза производств» (Grand National Consolidated Trades Union), который проявил полное отсутствие гибкости в профессиональной борьбе и вскоре захирел, но ясно выразил идею класса и проникающей его солидарности в стремлении к общей цели. В чартистском движении английский пролетариат стремится точно так же к социалистическим целям, но уже путем политического действия.

Все это меняется с началом пятидесятых годов. После крушения чартизма и оуэнистского движения социалистические цели уступают место исключительно повседневным требованиям. Класс, хотя и в очень несовершенной форме об'единенный «Великим союзом производств» Оуэна, окончательно распадается на отдельные профессиональные союзы, из которых каждый ведет дело на собственную руку. Вместо задачи освобождения рабочего класса, руководящим принципом становится возможно лучшая постановка «практики договора о найме», вместо борьбы с существующим строем— стремление получше устроиться на почве этого строя, словом: социалистическая классовая борьба уступает место буржуазной борьбе за буржуазное существование.

Тред-юнионы добились своих успехов двумя путями: непосредственной борьбой с предпринимателями и давлением на законодательство. Но в обоих случаях они обязаны своими успехами именно той буржуазной почве, на которую сами перешли. В области борьбы с предпринимателями уже в 1845 г. всеобщая конференция профессиональных союзов «декларировала свою приверженность новым формам профработы — политике примирительного разбирательства и арбитража» **). Но примирительное разбирательство и арбитраж возможны лишь тогда, когда заранее дана общая почва для их осуществления. Таковая нашла себе вскоре яркое выражение в очень распространившейся системе скользящей наемной платы, которая, с своей стороны, базируется экономически на гармонии интересов предпринимателя и рабочего. Большое распространение коллективных договоров, примирительных камер, третейских разбирательств, какое мы наблюдаем вплоть до восьмидесятых годов, было возможно лишь потому, что класс предпринимателей и рабочий класс стояли на этой общей почве. Но, тем самым, столкновения и трения между трудом и капиталом

---

*) Там же, стр. 38.
**) Там же, стр. 61.

превращались в препирательства между покупателями и продавцами, как при всякой товарной сделке. Если предпринимательский класс, с одной стороны, приходит к убеждению о «неизбежности стачек при коммерческих сделках о купле-продаже труда», то, с другой стороны, и труд начинает себя рассматривать, как простой об'ект «коммерческих сделок».

За основу всей профессиональной борьбы тред-юнионы приняли учение буржуазной политической экономии о спросе и предложении, как единственном регуляторе заработной платы, и им «казалось совершенно очевидным выводом отсюда, что единственное имевшееся средство оградить или улучшить свое положение, заключается в уменьшении предложения труда» *).

В соответствии с этим, боевыми средствами профессиональной борьбы того времени являются: отмена сверхурочного времени, ограничение числа учеников и эмиграции (в некоторых отраслях вплоть до восьмидесятых годов), то-есть, за исключением первого требования, чисто цеховые методы.

Подобный же характер приняло профессиональное движение и с политической стороны. Здесь особенно показательны два обстоятельства. Прежде всего, собственная политическая физиономия английских тред-юнионистов: до средины восьмидесятых годов они были сплошь,—да и поныне в большинстве остаются,—чистые буржуа, либералы или консерваторы. Во-вторых, методы и средства, применявшиеся ими в борьбе за законодательство об охране труда: тут применялась не массовая агитация, как в Германии и других континентальных странах, а своеобразная сложная система воздействия на буржуазных парламентариев, обработка их мнения, независимо от их партийной принадлежности, торговля голосами, политика ухаживания и забегания с заднего крыльца, беспринципная и лишенная всякого истинно политического характера; полного развития такая практика достигла у текстильщиков **). Именно этими средствами профессиональные союзы добились наибольших своих успехов в области законодательства. И, наоборот, насколько практические успехи тормозились более сознательным в классовом смысле поведением, показывают те трудности, с которыми приходилось бороться федерации горнорабочих ***).

В связи с таким направлением деятельности, во второй половине текущего столетия меняется построение и весь характер английских профессиональных союзов. Из рук «случайных энтузиастов и безответственных агитаторов» руко-

---

*) Вебб.—Там же, стр. 69.

**) С. и Б. Вебб.—Теория и практика английских тред-юнионов. Вып. I, стр. 201 и сл.

***) Там же. Вып. I, стр. 208.

водство движением переходит к «группе находящихся на жаловании чиновников», которые иногда даже подвергаются установленному экзамену *). Из школы классовой солидарности и социалистической этики профессиональное движение превращается в business, в промысел; профессиональный союз становится чрезвычайно сложным искусственным аппаратом, комфортабельной гостиницей, рассчитанной на долговременное пребывание; во всем рабочем мире той эпохи царит «дух осторожной, хотя, может быть, и ограниченной государственности».

II

Как мы видели выше, рабочие и буржуазия в Англии стояли на общей почве, экономически, политически и морально. «Они (вожди тред-юнионов) вполне искренно восприняли учение об экономическом индивидуализме, проповедывавшемся их буржуазными противниками, и требовали только той свободы в деле коалиции, которую готовы были им предоставить наиболее просвещенные представители буржуазии... Понимание буржуазной точки зрения и сознание всех практических трудностей создавшегося положения спасло их от превращения в пустозвонных демагогов... Хорошие манеры—как ни ничтожна эта мелочь—были также одним из немаловажных их преимуществ. С чувством собственного достоинства и беспорочностью они соединяли корректность обращения, знание приличий и полное отсутствие всего того, что пахнет кабаком» **).

Логическим последствием такой индивидуалистической государственной политики было то, что как чисто экономическая борьба тред-юнионов, так и борьба их за рабочее законодательство не велась согласованно всеми профессиональными союзами в совокупности и в интересах всего рабочего класса, как в Германии, во Франции и пр., а разрозненными группами, каждым профессиональным союзом на собственный страх и риск, иногда даже в непосредственном противоречии друг с другом (вспомним выступление дургэмских и нортумберландских представителей в парламенте против стремлений федерации углекопов ***). И поэтому совместное выступление, совместные конгрессы и парламент, комитет профсоюзов были осуждены на бесплодие и распад вследствие недостатка общей экономической и политической почвы, недостатка классовой точки зрения и противо-

---

*) Вебб.—История британского тред-юнионизма. Вып. II, стр. 71.

**) Там же. Вып. III, стр. 8.

***) С. и Б. Вебб.—Теория и практика английских тред-юнионов. Вып. I, стр. 208.

речий между большими и малыми, квалифицированными и неквалифицированными, старыми и новыми профсоюзами *). «Конгресс, обнимающий многие различные, даже противоположные интересы, никогда не может быть чем-нибудь бо́льшим, чем слабо связанной федерацией»... **).

В логической связи с указанными двумя моментами—непрерывным под'емом промышленности и буржуазной почвой рабочего движения—выступает третья особенность английских условий: благосклонное отношение к рабочим со стороны общественного мнения. Однако, не врожденное чувство милосердия и не приложение преобладающей доли английского капитала за границей являются, как это часто утверждают, источником благосклонности и действенной поддержки, оказываемой английским обществом профессиональному движению.

Те, кто так думает, видят только одну сторону воздействия общественного мнения на рабочий мир: оказываемую им материальную п о д д е р ж к у. Но они проглядели другую сторону: производимое им на рабочих моральное д а в л е н и е. Английское общественное мнение благорасположено не к рабочему движению вообще, а к определенному, данному рабочему движению, как оно сложилось в Англии, стоящему экономически и политически на почве буржуазного общества. Классовой борьбы оно не поддерживает, наоборот, оно ее предупреждает. Во время волнений, конфликтов из-за заработной платы общественное мнение, как известно, призывает повелительно к третейскому суду, к компромиссу, оно не допускает, чтобы борьба стала пробою сил, хотя бы это даже было выгодно для рабочего класса, и горе рабочим, если бы они не склонились перед голосом общественного мнения. Английский рабочий в борьбе со своим предпринимателем встречает поддержку со стороны английского буржуазного общества, как член буржуазного общества, как буржуазный политик, буржуазный и з б и р а т е л ь, и эта поддержка делает его и впредь верным членом этого общества.

Рассудительный предприниматель и столь же рассудительный тред-юнионист, корректный капиталист и корректный рабочий, великодушный, благорасположенный к раобчим буржуа и эгоистичный, буржуазно ограниченный рабочий обусловливают друг друга, являются лишь коррелятами (взаимно себя дополняющими проявлениями) одного и того же условия,

---

*) В новейшее время подтверждением служит введенный па Кардифском конгрессе профессиональных союзов способ голосования, совершенно явно рассчитанный на то, чтобы всю власть отдать в руки бюрократии и, нужно заметить, бюрократии немногочисленных старых и крупных профессиональных союзов. С. и Б. Вебб.—Теория и практика британского тред-юнионизма. Вып. I, стр. 220. Прим.

**) Там же. Стр. 222. Прим.

в основе которого лежало хозяйственное положение, установившееся в Англии с середины века: устойчивость и нераздельное господство английской промышленности на мировом рынке.

Изображенные выше условия продолжались в Англии вплоть до восьмидесятых годов. Но с тех пор происходит во всех отношениях значительный сдвиг, коснувшийся, прежде всего, того базиса, на котором развивалось раньше профессиональное движение. Положение Англии на мировом рынке было сильно поколеблено капиталистическим развитием России, Германии и Соединенных Штатов. Быстрый регресс Англии выражается не только в потере одного за другим рынков сбыта, но и в одном всегда очень характерном и важном для капиталистического развития симптоме: в упадке ее производственных и торговых методов. Эти методы всегда раньше и вернее знаменуют под'ем или упадок капиталистической промышленности, чем статистика ввоза и вывоза. В прогрессирующей стране класс капиталистов отличается прежде всего подвижностью и гибкостью производственной и торговой техники (сопоставим Англию до шестидесятых и семидесятых годов и современную Германию), и точно так же в индустриально регрессирующей стране первым безошибочным симптомом служит отсталость и неподвижность методов в производстве и торговле. Такое явление наблюдается сейчас в Англии, и за последние годы жалобы на апатию и рутинность английского купечества не сходят со столбцов отчетов британских консулов. В области производства иностранная конкуренция и защита собственного внутреннего рынка—что еще недавно было неслыханным явлением—вынуждают в настоящее время Англию вводить новейшую производственную технику. В качестве примера укажем на переворот в жестяной промышленности Англии под давлением северо-американской конкуренции *).

Колеблющаяся почва, неустойчивость коммерческого положения и частые банкротства ведут за собой, в свою очередь, перемену фронта в линии поведения как английских буржуа, так и английских рабочих. Общая депрессия в английской промышленности уравновешивается и покрывается пока вызываемым милитаризмом и торговлей-спросом на кораблестроение, которое, в свою очередь, поддерживает ряд важных отраслей промышленности, как, например, металлическую промышленность. Но и здесь Англия стоит под угрозой немецкой конкуренции.

Если во времена расцвета уступки рабочим были для капитала неощутимы, то теперь они становятся все чув-

---

*) Deutsche Industrie-Zeitung, ноябрь 1898 г.

ствительнее и раздражительнее. Примирительная практика становится для него неудобной, и он пользуется третейскими решениями примирительных камер для того, «чтобы отвергать более значительные требования рабочих»; в другие моменты, напротив, он «пользуется своей стратегической позицией, чтобы заставить рабочих соглашаться на худшие условия, чем установленные посредством камер» *).

С другой стороны, система скользящих шкал заработной платы, которая раньше обеспечивала рабочим участие в высокой промышленной кон'юнктуре, теперь, при упадке дел, все чаще лишь бьет их по карману. Профессиональные союзы решительно отказываются от этой системы наемной платы. Но с отказом рабочих от скользящей системы платы и систематическим нарушением третейских решений со стороны предпринимателей исчезает и почва для всей практики соглашений и компромиссов, которая сопровождала время расцвета английского тред-юнионизма, а с нею вместе и «социальный мир». Эта перемена была не так давно официально признана отменой законов 1867 и 1872 годов, по которым все конфликты между капиталом и трудом должны были обязательно разрешаться путем примирительной процедуры. В то же время, вместе с постоянным промышленным под'емом и устойчивым положением рабочих, исчезла и возможность так искусственно строить профессиональные союзы и давать их сложному механизму такое гладкое течение, как раньше. Но, с устранением системы скользящих плат и постоянной примирительной практики, это искусственное строение и специфический бюрократизм профессиональных союзов становятся большей частью совершенно бесцельны. Все профессиональные союзы, основанные за последние пятнадцать лет, отличаются от старых союзов большой простотой организации и функционирования, они в этом отношении приближаются к профсоюзам континента. Но одновременно с тем, как примирительная практика все больше теряет свое влияние, конфликты между капиталом и трудом становятся все больше вопросом силы, как мы это видели в стачках машиностроительных рабочих и уэльских углекопов. «Социальный мир» и в Англии уступает место социальной войне — классовой борьбе, профессиональные союзы из организаций, имеющих целью обеспечить промышленности мир, превращаются постепенно в боевые организации по образцу немецких, австрийских, французских профессиональных союзов.

За самое последнее время имеется два важных симптома, указывающих на то, что промышленный поворот вошел в сознание как английской буржуазии, так и английского пролетариата, и что в их среде идет подготовка к серьезной

*) С. и Б. Вебб. — Теория и практика. Вып. I, стр. 162. Прим.

классовой борьбе. В лагере буржуазии возник союз борьбы с парламентской деятельностью профессиональных союзов, а среди рабочих возродилась идея всеобщего рабочего союза, одинаково ненавистная капиталистам и тред-юнионистам старой школы, приверженцам «социального мира», но ясно знаменующая, что в массе английского пролетариата пробудилось классовое сознание, в истинном смысле этого слова, потребность об'единения.

Из сделанного нами сжатого обзора истории английского тред-юнионизма можно сделать троякого рода заключения в связи с дискуссией с Бернштейном и его приверженцами.

Прежде всего, идея о непосредственном значении профсоюзов для социализма оказывается в корне неверной. Как раз наоборот, именно английское профдвижение, на которое при этом ссылаются, обязано своими прошлыми успехами, главным образом, чисто буржуазному своему характеру, своему враждебному отношению к социалистическому «утопизму». Историографы тред-юнионизма, С. и Б. Вебб, сами категорически утверждают, что, когда и поскольку профдвижение в Англии проникалось социалистическими идеями, оно каждый раз терпело неудачи, и, наоборот, оно могло похвалиться успехами в те периоды, когда суживалось, мельчало и теряло социалистический характер *).

Английский тред-юнионизм, классическим представителем которого является сытый, корректный, ограниченный, трезвый, буржуазно-мыслящий и чувствующий рабочий-джентльмен, именно и доказывает, что профдвижение само по себе еще не заключает в себе ничего социалистического, что при известных обстоятельствах оно может даже служить препятствием к распространению социалистического сознания, как и обратно—социалистическое сознание может при известных обстоятельствах явиться тормозом для чисто профессиональных успехов.

В Германии, как и на всем континенте, профсоюзы возникли с самого начала на почве классовой борьбы, зачастую как непосредственное порождение, как детище социал-демократии (например, в Бельгии и Австрии). Здесь они, по существу дела, подчинены социалистическому движению и—в полную противоположность Англии—могут рассчитывать на успех лишь в той мере, в какой опираются на социалистическую классовую борьбу и находятся под ее охраной (вспомним текущую социал-демократическую кампанию в защиту права коалиций в Германии). С этой точки зрения, с точки зрения освободительных стремлений пролетариата, немецкие профсоюзы (как и континентальные профсоюзы

---

*) С. и Б. Вебб.—История британского тред-юнионизма. Вып. II, стр. 34 и 54.

вообще), несмотря на свою слабость, а отчасти и в связи с нею, прогрессивнее английских. Ссылка на английский пример равносильна призыву, чтобы германские профсоюзы покинули почву социалистической классовой борьбы и стали на буржуазную почву. Но, чтобы служить делу социализма, не германские профсоюзы должны пойти по стопам английских, а, наоборот, английские—по стопам германских. «Английские очки» для Германии не годятся и не потому, что английские условия прогрессивнее германских, а потому, что они, с точки зрения классовой борьбы, являются отсталыми по сравнению с германскими.

Далее, если от суб'ективного значения профсоюзов для социализма, от их влияния на классовое сознание мы обратимся к их об'ективному значению, к той «хозяйственной мощи», которую они согласно оппортунистической теории дают рабочему классу, и при помощи которой он должен сломить мощь капитала, то и последнее окажется мифом, и притом очень старым. В самой Англии несокрушимая хозяйственная мощь профсоюзов, совершенно независимо от того, какой ценой она была куплена, принадлежит, большей частью, прошлому. Она связана, как мы видели, с совершенно определенным периодом в истории английского капитализма—с его нераздельным господством на мировом рынке. Тогда, в цветущую пору тред-юнионизма, в его основе лежали, действительно, устойчивость и непрерывный под'ем английской капиталистической промышленности; но этот период в истории капитализма был исключительный и больше не повторится ни в Англии, ни в какой-либо другой стране.

Если бы даже было возможно, об'ективно и суб'ективно, чтобы германское рабочее движение, следуя оппортунистическим рецептам, стряхнуло с себя, во имя «хозяйственной мощи», «легенду о пожирании буржуазии», т.-е. свой социалистический характер, и пошло по стопам английского тред-юнионизма, оно никогда не могло бы достигнуть его былой хозяйственной мощи. И по очень простой причине: ибо никакому оппортунизму не дано искусственно воскресить хозяйственный базис старого тред-юнионизма.

Из всего вышеизложенного явствует, что «английские очки» Бернштейна представляют не что иное, как кривое зеркало его способа понимания, в котором все явления отражаются в обратном виде. То, что он принимает за самое могущественное средство социалистической борьбы, было на самом деле прямым тормозом для социализма, а то, что представляется ему, как будущность германской социал-демократии, есть все более исчезающее прошлое английского движения в его эволюции на пути к социал-демократии.

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИЗМА И ДЕБАТЫ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Первые крупные дебаты по поводу теории реформизма начались на партийных с'ездах в Штутгарте в 1898 г., в Ганновере—в 1899 г. и в Майнце—в 1900 г. Ниже мы приводим важнейшие статьи и речи Розы Люксембург на темы, составлявшие предмет споров. В них, кроме общих вопросов реформизма, речь шла, главным образом, о милиции и таможенной политике.

* * *

На партийном с'езде в Гамбурге в 1897 г. обсуждался вопрос о сообщении Freisinnige Zeitung относительно тайного заседания бюджетной комиссии рейхстага, на котором социал-демократическая фракция якобы молча, согласилась на утверждение кредита в 170.000.000 марок (в действительности, речь шла о 44.000.000) на новые пушки. Бебель утверждал, что это ложь и что требование кредита было отклонено фракцией.

Шиппель «дополнил» ответ следующими замечательными рассуждениями:

«Мы должны ясно дать себе отчет в том, что мы здесь находимся в ловушке. Мы не давали согласия на содержание солдат, однако, они все же существуют. Предложение организовать милицию и упразднить все постоянные армии не имеет за собой большинства, и в ближайшее время этого большинства создать не удастся. Это факт, который нам, несомненно неприятен, с которым, однако, мы должны считаться. Но разве только потому, что буржуазные партии не считаются в этом отношении с нашим желанием, мы должны подвергнуть немецких рабочих, как будто в наказание, опасности собственною кровью заплатить за безрассудство противников? Это значило бы действовать нелепо и вопреки интересам рабочего класса. При других обстоятельствах мы будем лучше вести борьбу против милитаризма. Мы ведем ее при всех удобных случаях, но здесь это значило бы выбрать самый неудобный момент».

Это заявление вызвало общее изумление; против него резко высказался даже Пэус. Шиппель счел себя вынужденным дать новое об'яснение, в котором он указывал:

«Конечно, Пэус, быть может, и прав, современное правительство держится войной. Нам всегда приходится считаться с возможностью войны. Но поскольку мы поставлены в такое положение и не можем воспрепятствовать войне, постольку нельзя же давать нашим солдатам плохие ружья, плохие пушки (смех и одобрение). По моему личному мнению, фракцию упрекать нельзя. Если милитаристическая система поведет к войне, которой мы не можем воспрепятствовать, если мы потерпим поражение, и если

вдвойне прольется кровь нашего немецкого рабочего класса, то, я думаю, мы все будем упрекать правительство в том, что оно в нужное время не предприняло соответствующих мер (смех и одобрение). Я прошу строго различать: фракция голосовала против... Я только старался указать, что было правильно не подымать по этому поводу шума в прессе».

На помощь Шиппелю поспешил А у э р.

Если нападать на Шиппеля, то точно так же следует нападать и на целый ряд товарищей, как Бебеля и Либкнехта, да и на самого Ауэра. Цитируемые им слова Бебеля и Либкнехта не являлись прямой защитой Шиппеля, но он все же продолжал ее, и на это и ссылается Роза Люксембург в своей речи на партийном с‘езде в Ганновере:

«...в таком случае, вы можете послать солдат на войну, вооружив их палками»...

«Да, товарищи, мы тоже требуем вооружения. И при введении системы милиции тоже нужно оружие. Поэтому посмотрим на вещи спокойно, не будем изменять точку зрения и не будем приписывать Шиппелю того, чего он вовсе не говорил».

В цитированной речи Шиппель еще выставлял систему милиции, как само собою подразумевающееся требование партии, даже и в том случае если бы выводы из его слов должны были повести к утверждению военных требований. Годом позже, в Sozialistische Monatshefte (ноябрь 1898 г.) он напечатал статью под псевдонимом И з е г р и м и под заглавием «Верил ли Фридрих Энгельс в милицию?» На основании статей Фридриха Энгельса о прусской реформе армии, повлекшей за собою конституционные конфликты шестидесятых годов, Шиппель пытался доказать, что Энгельс был противником милиции. На то, что социал-демократия должна стоять за милитаризм, он с двусмысленностью, которая была ему всегда присуща, лишь кое-где намекал. Когда Каутский накинулся на статью Изегрима, Шиппель поднял забрало и ответил статьей «Фридрих Энгельс и система милиции». В этой дискуссии приняла участие также и Роза Люксембург статьями: «Милиция и милитаризм». Они были опубликованы между 20 и 25 февраля 1899 г. Leipziger Volkszeitung.

На выборах 1898 г. в рейхстаг В о л ь ф г а н г Г е й н е был выставлен кандидатом по одному избирательному округу Берлина и выбран. За несколько лет до того Гейне из антисемитов перешел в социал-демократы. Когда ему было предложено выставить свою кандидатуру, то он выразил некоторое сомнение, ссылаясь на то, что его очень смущают нападки на Шиппеля и Ауэра на Гамбургском партийном с‘езде по вопросу о милитаризме. В своей предвыборной речи он утверждал, что придерживается „старой" практики партии против нового радикализма и считает себя революционнее „представителей революционных фраз". На вопрос об его отношении к милитаризму он дал ответ, из которого можно было заключить, что он готов предоставить правительству пушки, если оно, взамен этого, даст народные права. Против этой «п о л и т и к и к о м п е н с а ц и й» немедленно ополчился П а р в у с на столбцах Sächsische Arbeiter-zeitung, и Гейне был вынужден дать следующие об‘яснения в Vorwärts:

«С чем мы принципиально должны бороться, как с милитаризмом,— это современная система армии и дух армии. Поэтому, само собой разумеется, что этому правительству я никогда не предоставил бы ни одного солдата, ни одного гроша, ни даже того, что было бы безусловно необходимо для армии.

...Тот, кто a priori заявляет, что на требования противника он всегда и при всех обстоятельствах скажет «нет», тот тем самым точно так же отказывается от об‘екта компенсации, связанного с его согласием, как и тот, кто сразу говорит «да»... Существуют расходы на армию, которые сами по себе для защиты нации необходимы, а для наших идеалов и принципов безразличны. К ним, например, относятся новые пушки... За удовлетворение таких военных нужд, по моему мнению, мог бы голосовать и социал-демократ, если за это он может получить достаточную компенсацию, если за это будут предоставлены ценные народные свободы».

Совершенно ясно, что не только оппортунистическое заключение этого заявления убивало его принципиальное начало, но что и все заявление явно подчеркивало те выводы, против которых защищался Гейне. После открытия рейхстага, фракция тоже занялась гейневской политикой компенсаций. По своему обыкновению, она старалась не выяснить дело, а как-нибудь его схоронить. 23 февраля 1898 г. она приняла следующее решение:

«После того как на основании об'яснений товарища Гейне, фракция убедилась, что он далек был от мысли вести с господствующей системой политику компенсаций и что он безусловно стоит на почве предшествующей тактики фракции и партии, фракция заявляет, что считает вопрос исчерпанным".

В этом отношении перемудрили, и таким образом принятая резолюция не могла выяснить вопроса, а наоборот, делала еще более необходимым его обсуждение. На партийном с'езде в Штутгарте в 1898 г. произошли резкие дебаты, открытые Розою Люксембург и Кларою Цеткин. Они дали повод Гейне совершенно отчетливо формулировать свое понимание пролетарской борьбы за власть. Мы приводим выдержку из его защитительной речи:

«Известно, что́ я сказал, и я ни от чего не отказываюсь. Я знаю, что существует лишь два пути основать власть пролетариата. Надо приставить к груди господствующего класса либо дуло права утверждения бюджета в парламенте, либо дуло настоящего револьвера. Уже старик Энгельс, незадолго до своей смерти, раз'яснил необходимость отказаться от последнего пути. Я с ним согласен. Остается, следовательно, первый путь. Называйте его политикой сделок или как вам угодно, но не требуйте, чтобы я от него отказался прежде, чем вы укажете мне третий путь. Пока направление Sächsische Arbeiterzeitung не может назвать другого пути, но в то же время протестует против рекомендуемого мною, до тех пор ей приходится мириться с тем, что Фольмар упрекает ее в бланкизме. Правда, госпожа Люксембург не проповедывала насилия, но логически из ее слов нельзя сделать другого вывода».

Это значило поставить точку над «*i*» оппортунизма, и положение ничуть не улучшилось от того, что Граднауэр видел в Гейне безобидного юношу, а Фроме с его высокопарным пафосом отрезал Розе Люксембург, что никакого оппортунизма вовсе и не было, что никто не высказывался за политические сделки; пусть, мол, Парвус и Роза Люксембург за зеленым сукном раз'ясняют научные принципы, «и пусть нам, ведущим борьбу и несущим ответственность перед современниками и потомками, предоставят они установление тактики!» Фроме еще жив и состоит депутатом рейхстага, но уже современники успели его позабыть.

Нельзя отрицать, что Гейне был прав, указывая в своих заключительных словах, что последним выводом Розы Люксембург является насилие. Она не говорила о насилии, и не подлежит сомнению, что она обходила этот вопрос, считаясь с тогдашним общим настроением партии. Даже позже, например, при дебатах по поводу массовых забастовок, всяким намеком на роль насилия в истории пользовались для возбуждения партийных с'ездов против Розы Люксембург. Но, правда, что, уклоняясь от обсуждения этого вопроса, она, по нашему мнению, и при продолжении споров с Гейне, лишила свои доводы той убедительности и кристаллической ясности, которыми в общем отличаются ее рассуждения. (См. ст. «После Штутгартского партийного с'езда», III).

В этих дебатах особую роль играет бланкизм. Приходится очень пожалеть, что в этом вопросе Роза Люксембург последовала общепринятому пониманию и не сочла нужным подвергнуть его проверке. Например, Роза Люксембург неправильно думает, что бланкисты ставили себе задачей, в качестве незначительного меньшинства, сделать революцию для пролетарского класса. Скорее они усматривали свою цель в том, чтобы, в качестве инициативной группы, своими действиями увлечь за собою массы и таким образом обеспечить успех своему

выступлению; сильным преувеличением представляется также и утверждение, будто бланкисты думали, что революционные выступления можно предпринимать совершенно внезапно и неожиданно. Это верно разве только в отношении молодого Бланки. Ошибка бланкистов заключалась в том, что они небрежно относились к массовому движению и надеялись вызвать его путем революционных выступлений вместо того, чтобы в нем самом усматривать предпосылку этих выступлений. Великая заслуга Бланки в том, что он оценил значение вооруженного восстания, понял необходимость его подготовки и необычайно ясно постиг сущность и формы революционной диктатуры.

Как раз в борьбе против реформизма исследование бланкистских идей дало бы веское оружие и предотвратило бы в социал-демократии опасные заблуждения радикализма. Неправильное истолкование бланкизма создалось тогда, когда, после Коммуны 1871 года, Маркс и Энгельс должны были вести борьбу против путчистских наклонностей бланкистов. Вскрытые ими ошибки были обобщены и об'явлены сущностью всего бланкизма. Потому бланкизм и мог стать тем пугалом, которым реформисты действовали устрашающе на революционные инстинкты рабочего класса.

Спор о милиции и о милитаризме был закончен на партийном с'езде в Ганновере, поскольку вопрос этот был представлен только сознательным реформизмом. Приблизительно через десять лет дебаты были возобновлены, но на этот раз место Шиппеля заступает Каутский, который в Ганновере самым недвусмысленным образом стоял на стороне Розы Люксембург.

* * *

Как в вопросе о милитаризме к Шиппелю присоединился Гейне, так в **вопросе о пошлинах** к нему присоединился Кальвер. На Штутгартском партийном с'езде Шиппель докладывал о таможенной и торговой политике. В то время вопрос о пошлинах стоял во главе угла германской политики. Срок торговых договоров истекал в 1903 году Юнкера и крупные промышленники об'единились для проведения высоких охранительных пошлин. Предстояло приготовиться к борьбе, которая должна была стать крупнейшим и славнейшим политическим выступлением немецкой социал-демократии. В Штутгарте предполагалось наметить тактическую линию этого выступления. Это означало прежде всего дискуссию по вопросу о пошлинах и свободной торговле. По этому вопросу уже ранее существовали резкие разногласия. В трудах Маркса и Энгельса нельзя было, как будто, найти руководящей нити. В разное время оба они потешались над праздными обещаниями поборников свободной торговли и манчестерской школы. Они стояли за пошлины там, где эти пошлины могли защитить молодую промышленность отсталой страны от подавляющей конкуренции более передовых промышленных государств. Но в 1898 г. вопрос стоял совсем не так. Покровительственные пошлины служили явно выраженным ростовщическим целям. В промышленности и сельском хозяйстве пошлины эти должны были служить к созданию и эксплоатации монополий. Это было одно из средств империалистической политики.

Реферат **Шиппеля** представлял по существу резкий выпад против идей свободной торговли. Правда, он заявлял, что против аграрных пошлин надо безусловно бороться, но относительно промышленных пошлин нельзя решать вопрос сплеча.

«Рабочие—не чистые потребители, они, до некоторой степени, соучастники всякого, хотя бы и искусственно поддерживаемого, расширения крупного производства. Конечная цель, высшее развитие нашей промышленности—для нас все. Некоторое колебание или повышение цен не может иметь для нас значения. Следовательно, о нем рабочие должны судить не как потребители, а как соучастники в современном

производственном организме. Подумайте, то, что здесь создается, это наша доля наследства, которая когда-нибудь достанется нам, и ее мы хотим поддержать на высоте. Не наше дело вести для нашей промышленности борьбу за свободную торговлю, она должна сама вырасти из нашей промышленности».

И на этот раз Шиппель не сделал ясных выводов из своей точки зрения. Он решительно протестовал против признания его защитником пошлин. Каутский выступил против него в качестве содокладчика. Он требовал принципиального отказа от всех пошлин. Под конец сошлись на том компромиссе, который Роза Люксембург разбивает вдребезги во второй части своей статьи «После партийного с'езда».

Шаг дальше по сравнению с Шиппелем сделал Рихард Кальвер, в то время редактор хозяйственного отдела Leipziger Volkszeitung, позже референт по хозяйственным вопросам профессиональной прессы, где он годами работал даже тогда, когда начал рассматривать все хозяйственные вопросы с предпринимательской точки зрения. На партийном с'езде в Майнце в 1900 г. Кальвер выступал референтом по вопросам торговой и транспортной политики. Он превзошел Шиппеля 1898 г. Он боролся за расторжение договора с Северо-Американскими Соединенными Штатами о наибольшем благоприятствовании и тем самым открыто выступал за промышленные пошлины и за таможенную войну с Америкой. Он еще резче, чем Шиппель, подчеркивал, что до сих пор социал-демократия в вопросе о пошлинах всегда рассматривала рабочего только в качестве потребителя, но что нужно прежде всего считаться с интересами рабочего как производителя. В интересах собственного заработка рабочие должны поддерживать промышленного предпринимателя в международной конкурентной борьбе. В лоне германской социал-демократии это была первая отчетливая формулировка гармонии интересов капитала и труда.

Роза Люксембург на партийном с'езде выступила против этой пропаганды пошлин. Ее предложения, требовавшие борьбы против всякой таможенной политики были приняты. В вопросах торговой политики, Бернштейн присоединился к большинству.

В 1904 году Шиппель снова вернулся к прежним вопросам. Тем временем он успел стать сторонником и аграрных пошлин. По поводу одной его речи на берлинском партийном собрании фракция рейхстага потребовала у него ясной формулировки его точки зрения, и тогда началась одна из самых бестолковых дискуссий, какие когда-либо происходили в истории германской социал-демократии. Шиппель утверждал, что на том собрании он лишь развивал аргументы противников. Затем в бесконечном ряде статей он осыпал поборников «свободной торговли» в партии насмешками и издевательствами. Он цитировал себя самого и других с непревзойденной никем лживостью. Из-за каждой строки его статей выглядывал аграрий. После того как на 47 газетных столбцах он ратовал за охранительные пошлины, после того, как его ученик Эндрес, главный редактор Chemnitzer Zeitung, открыто высказался за покровительственные пошлины, он в конце совершенно неожиданно заявляет: «Мне и во сне не снилось бороться за аграрные пошлины или стараться склонить партию в пользу аграрных пошлин». На Бременском партийном с'езде в 1904 г. старались прижать Шиппеля. Пусть он раз'яснит, как согласовать его аграрные аргументы с его выводами. Делать было нечего. Он с таким упрямством повторил и аргументы и выводы, что даже буржуазные политики из-за неустойчивости взглядов называли его флюгером. Многим приходилось за него краснеть, но лукавый и двуязычный суб'ект остался в рядах социал-демократии и по настоящее время.

В гейновской политике компенсаций и в шиппелевской любви к пошлинам уже сказывался грядущий социал-империализм. В нем кроются моменты поддержки собственного крупного капитала в международной конкурентной борьбе, полнейшего непонимания харак-

гера государства и надежды, что рабочим достанутся крошки со стола богача. В колониальной политике почти все реформисты были заодно.

Статьи Розы Люксембург, непосредственно посвященные партийному с'езду в Штутгарте, печатались в Sächsische Arbeiterzeitung в Дрездене. 26 сентября 1898 г. оба редактора этой газеты, Парвус и Карский, были высланы из Саксонии. После этого обязанности главного редактора были переданы Розе Люксембург. Это место она занимала всего один месяц. Она не могла примириться с редакционной рутиной, а остальных редакторов стесняла ее кипучая деятельность. Конфликт возник по поводу дебатов с Георгом Граднауэром, дрезденским депутатом. Розу Люксембург обвиняли в чрезмерной резкости. По нашему мнению, Роза Люксембург поразительно терпеливо относилась к пустым полемическим излияниям Граднауэра. В кратких и метких возражениях она умела среди груды бессодержательных мест найти те точки, из которых еще можно было выбить искру. Но когда Граднауэр вновь осчастливил ее статьей на нескольких столбцах, тогда она потеряла терпение и предложила ему перенести дебаты на столбцы его же собственной газеты Vorwärts. В виду последовавшей жалобы, редакция и комитет по делам прессы вынесли ей порицание. Ее статьи с этого времени подвергались цензуре. В одном заявлении она говорит по этому поводу: «Вывод из этого получился бы тот, что мне пришлось бы нести ответственность за руководство газетой и не быть ни в какой степени в состоянии действительно ею руководить; и я, в качестве редактора Sächsische Arbeiterzeitung, служить своей идее могла бы гораздо меньше, чем в качестве сотрудника любого партийного органа.

Поэтому она бросила эту работу. По ее рекомендации, главным редактором был назначен Георг Ледебур. С этого времени она снова работала, главным образом, для Leipziger Volkszeitung.

Полемика с Vorwärts продолжалась дальше. На ее статью «Наш руководящий партийный орган» Vorwärts ответил статьей, по существу совершенно бессодержательной и не опровергавшей утверждений Розы Люксембург, но с насмешливым заключительным советом—не забывать, как ее собственная попытка руководить партийным органом быстро закончилась бегством с поля брани. На это Роза Люксембург ответила: высказывать свои мнения Vorwärts не может, потому что у него нет своего мнения. И, конечно, никогда редактор Vorwärts не покинет по собственной воле редакцию. «Существует два рода органических живых существ: существа со спинным хребтом, которые поэтому ходят, а подчас и бегают; и другие, которые спинного хребта не имеют, и потому только ползают и липнут». В силу перегруженности Вильгельма Либкнехта другими обязанностями, редакция Vorwärts попала «в руки анонимного общества людей без таланта, без мнения и без прошлого, про лучшего из которых (имеется в виду Курт Эйснер.—*Ред.*) можно сказать, что мир узнал об его социал-демократическом образе мыслей как раз в тот час, когда в Vorwärts'е стало вакантным место редактора». Роза Люксембург этим, во всяком случае, вскрыла те причины личного характера, по которым в то время Vorwärts совершенно утратил свою руководящую роль в партии.

К ПАРТИЙНОМУ С'ЕЗДУ В ШТУТГАРТЕ[1])

На этот раз партийный с'езд немецкой социал-демократии собирается под градом ударов повсеместной реакции, среди ожесточеннейших боев с врагами рабочего класса за его насущнейшие права. На сей раз это не мирное совещание

---

[1]) Sächsische Arbeiterzeitung, 2 октября 1898 г.

при ясной, безветренной погоде,—это военный совет, заседающий в наскоро разбитой палатке, среди поля брани, под вражеским огнем с горячим трепетом, но все же и с железным спокойствием, хладнокровно обсуждающий положение дела.

Действительно, со времени закона о социалистах, за все последние десятилетия, мы не переживали момента, когда политические противоречия и наша борьба с темными силами капиталистического общества были бы так обострены, как теперь.

С одной стороны, безумное, попирающее ногами интересы народа, издевающееся над его законными требованиями соревнование милитаризма и маринизма, в которое, очертя голову, бросилась Германия, подвергая величайшей опасности мирное культурное развитие. С другой стороны, грабительский набег феодального юнкерства, его заговор в целях удорожания хлеба, направленный против трудящегося народа. С третьей стороны, покушение всех об'единенных реакционных сил на основное политическое право рабочего класса, на право выборов в рейхстаг. С четвертой стороны, новая атака, которая направлена на самое чувствительное место пролетариата—поход против права коалиций. Наконец, предполагаемое возрождение призрака Священного Союза всех европейских государств против интернационального рабочего движения под предлогом борьбы с анархизмом...[1]). Мы отнюдь не принадлежим к числу тех горячих голов, которые в каждом событии чуют дыхание грядущей революции, но, обозревая всю картину современной политической жизни Германии, нельзя не почувствовать, что воздух уже наполнен горячим дыханием отчаянной борьбы, обычно предвещающим начало конца. Противник слепо расточает удары, и его руку направляет только страх. Мы живем в серьезное время и идем навстречу еще более серьезным временам. Рабочий класс Германии имеет полное основание с величайшим вниманием следить за работами социал-демократического партийного с'езда.

Со своей стороны социал-демократия вполне сознает важность момента и величие своих задач, и об этом свидетельствует порядок дня партийного с'езда и, в особенности, поступающие от членов партии со всех сторон предложения. Мы с величайшим удовлетворением констатируем, что на этот раз почти отсутствуют пустые, мелочные или почти ничего не имеющие общего с задачами партии предложения,

[1]) В связи с покушением на императрицу Елизавету австрийскую, 10 сентября 1898 года. Замечательно то, что Rheinisch-Westfälische Arbeiterzeitung в Дортмунде требовала для анархистов телесного наказания. Правда, ЦК партии не поддерживал этого требования, но выступил против анархистов с мелкобуржуазными аргументами.

какие до сих пор время от времени ставились на партийных с'ездах,—например, о принудительной прививке оспы, о выходе из церкви и т. д. Внесенные до сих пор предложения относятся исключительно к выборам в ландтаг, к милитаризму, к таможенной и колониальной политике, к общей тактике, к праву коалиций, к аграрному вопросу, к охране труда, к 1 мая. Выражая свои пожелания, партия обратилась к партийному с'езду только по вопросам первостепенной важности и руководствовалась только принципиальными соображениями. Но, с другой стороны, перечень предметов, которых касаются эти предложения, не оставляет ничего желать в смысле полноты,—нет вопроса, имеющего значение для судьбы рабочего класса, который бы не был поставлен на обсуждение партийного с'езда.

Среди дискуссионных тем первое место занимают, несомненно, три вопроса: участие социалдемократии в выборах в прусский ландтаг, борьба за право коалиций и общая тактика социал-демократии, в связи с ее отношением к милитаризму и к таможенной и колониальной политике. Что касается первого вопроса, то обсуждению его на партийном с'езде вряд ли может быть уделено много места. Со времени Гамбургского партийного с'езда вопрос этот так усиленно обсуждался в прессе, и по поводу него было высказано столько доводов за и против, что дебаты в Штутгарте вряд ли могли бы открыть новые точки зрения; речь могла итти только об установлении ясной и определенной позиции партийного с'езда, которая бы положила конец недоразумениям и колебаниям.

Дебаты по вопросу об опасности, угрожающей праву коалиций, должны обратиться в разработку плана кампании в защиту этой политической «зеницы ока» рабочего класса. Мы думаем, что если желать, не ограничиваясь одним или несколькими протестами против замыслов реакции, выработать практический план последовательных выступлений за сохранение права коалиций, то этот вопрос порядка дня должен обсуждаться в связи с другими двумя вопросами: с законодательством об охране труда вообще и с празднованием 1 мая. Заранее ясно, что попытка отразить угрожающее покушение на право коалиций должна прежде всего происходить в сфере социального законодательства, она должна обратить острие меча и перейти от обороны к энергичному наступлению за улучшение охраны труда. С другой стороны, опасность, угрожающая важнейшему орудию завоевания 8-часового рабочего дня, праву коалиций, должна дать новый сильный импульс к празднованию 1 мая. Так как ближайший год принесет нам горячие бои за охрану труда и за право коалиций, то уже теперь ответом на барабан-

ный бой реакции должно явиться соответствующее постановление относительно устройства майских торжеств.

По всем данным, самыми оживленными будут дебаты по третьему и важнейшему вопросу,—по вопросу о нашей тактике вообще и, в частности, в отношении к милитаризму и к таможенной и колониальной политике. Конечно, найдутся товарищи, которые сочтут прения на партийном с'езде об общих основах нашей тактики недопустимыми, неосуществимыми и, быть может, даже вредными. Мы же, наоборот, полагаем, что дебаты о тактических принципах нашей партии необходимы, возможны и полезны, и что доводы, приводимые против дискуссии, только кажущиеся доводы.

Если прежде всего сошлются на то, что партийный с'езд не есть собор отцов церкви, которому бы пристало обсуждать абстрактные вопросы, а совещание по практическим вопросам борьбы, то мы должны напомнить, что мы уже не раз отходили от этого узкого понимания задач партийного с'езда и вели чисто принципиальные дебаты. Ведь нашел же социал-демократический партийный с'езд время для продолжительных дебатов даже по вопросам искусства. Было бы удивительно, если бы он не нашел времени для обсуждения основных вопросов тактики. Мы считаем такое обсуждение прямо-таки необходимым, и не потому, чтобы мы находили, будто нашим испытанным принципам угрожает серьезная опасность, не потому, чтобы мы питали какие-либо опасения за судьбы нашего движения. Движение в целом будет итти своим прежним путем, «несмотря на бурю, вихри и людские толки». Но нельзя отрицать того, что за последнее время выступления некоторых выдающихся товарищей внесли известную смуту. В данном случае дискуссии в печати недостаточно, так как она всякий раз выражает лишь индивидуальное мнение пишущего. А между тем, по вопросам, стоящим теперь на очереди, имеющим столь фундаментальное значение, вся партия в целом должна определить свою позицию и санкционировать правильное их понимание; партийный с'езд представляет единственную возможность это сделать. Мы отнюдь не закрываем глаза на технические трудности таких дебатов. Но до сих пор технические трудности никогда не удерживали нас от исследования важного для партии вопроса. Они не должны удержать нас и на этот раз.

С другой стороны, мы надеемся на то, что открытые и серьезные дебаты по основным вопросам нашей тактики будут иметь ценные последствия для предстоящего периода борьбы. Всегда только прочная основа нашего общего революционного мировоззрения дает нам, среди непрерывной и порою суживающей наш кругозор повседневной борьбы,

живительные соки, проясняет наш взор, возвышает наш дух. Пересмотр основ нашей программы и на этот раз поможет освежить и ободрить партию, внеся в нее уверенность в своих целях, веру в победу, радость борьбы. После обсуждения общих принципов нашей тактики снова можно будет сказать:

И, сырой земли коснувшись,
Силы новые обрел.

Какое бы решение ни принял партийный с'езд относительно порядка дня, во всяком случае, его работы послужат на пользу рабочему классу. С'езд ожидает немалый труд, но он окажется на высоте задачи. Он откроет новый этап в великом шествии рабочих масс к конечному освобождению, он покажет им путь и даст лозунг для новой борьбы, для новых побед.

РЕЧИ ПО ВОПРОСАМ ТАКТИКИ НА ПАРТИЙНОМ С'ЕЗДЕ 1898 Г. В ШТУТГАРТЕ

I

Речи Гейне и других доказали, что в нашей партии затемненным оказался вопрос чрезвычайной важности—понимание отношения между нашей конечной целью и повседневной борьбой. Говорят так: конечная цель— это очень эффектный момент нашей программы, о котором, конечно, не следует забывать, но он не стоит ни в какой непосредственной связи с нашей практической борьбой. Быть может, ряд товарищей мыслит так: спекуляции по поводу конечной цели, в сущности, вопрос академический. Я, напротив, утверждаю, что для нас, как партии революционной и пролетарской, не существует более практического вопроса, чем вопрос о конечной цели. Подумайте сами: в чем, в сущности, состоит социалистический характер нашего движения? Подлинная практическая борьба распадается на три момента: профессиональная борьба рабочих, борьба за социальные реформы и борьба за демократизацию капиталистического государства. Представляют ли, в сущности, эти три формы нашей борьбы социализм? Отнюдь нет. Прежде всего, профдвижение! Обратитесь к Англии, где это движение не только не социалистично, но является отчасти препятствием к социализму. Социальную реформу провозглашают катедер-социалисты, националисты-социалисты и тому подобный люд. Но демократизация—это нечто специфически буржуазное. Буржуазия раньше нашего выставила на своем знамени лозунг демократизма. Что же в нашей

повседневной борьбе делает нас социалистической партией? Только отношение этих трех форм практической борьбы к конечной цели. Только конечная цель составляет смысл и содержание нашей социалистической борьбы и делает ее классовой борьбой. Но под конечной целью мы не должны мыслить, как это говорил Гейне, то или иное представление о государстве будущего, а то, что должно предшествовать обществу будущего,—завоевание политической власти (крики: «значит, мы согласны!»).

Это понимание нашей задачи стоит в теснейшей связи с нашим пониманием капиталистического общества и с нашим непоколебимым убеждением в том, что капиталистическое общество запуталось в неразрешимых противоречиях, которые в конечном счете сделают неизбежным взрыв, крушение, при котором мы будем играть роль стряпчего, ликвидирующего дела обанкротившегося общества. Но если мы считаем, что мы в состоянии вполне осуществить интересы пролетариата [только путем революции] [1]), тогда должны быть невозможны такие предположения, какие за последнее время высказывал Гейне, будто мы можем итти на уступки в вопросе милитаризма. Затем заявления Конрада Шмидта в центральном органе о социалистическом большинстве в буржуазном парламенте, а в частности, утверждения, подобные бернштейновскому, что, и встав у кормила, мы все же не в состоянии будем обойтись без капитализма.

Когда я это прочла, я сказала себе: какое счастье, что в 1871 г. социалистические рабочие во Франции не были столь умудрены, потому что иначе они бы сказали: «ребята, ложитесь спать, наш час еще не пробил; производство еще не достигло той степени концентрации, при которой мы бы могли удержаться у кормила». Но тогда, вместо великолепного зрелища героической борьбы, мы увидели бы другое зрелище, и рабочие показали бы себя не героями, а просто бабами. Я думаю, что исследование того, сможем ли мы, овладев властью, сделать производство общественным, созрело ли оно для этого,—это вопрос академический. Для нас никогда не должно быть сомнения в том, что нам следует стремиться к завоеванию политической власти. Социалистическая партия всегда должна быть на высоте положения, она никогда не должна в страхе отступать перед собственными задачами. Поэтому мы должны до конца выяснить свои взгляды на конечную цель. Мы осуществим ее, несмотря на вихри, бурю и непогоду! (Одобрение).

---

[1]) Дополнено издателем в виду очевидной неполноты протокола.

На эту речь Г е о р г ф о н - Ф о л ь м а р ответил следующее:

«Госпожа Люксембург вооружилась доспехами марксизма и потому создает впечатление научности. Но, вглядевшись внимательнее, всякий вскоре убеждается, что ее выводы по большей части ложны. Например, она утверждает, что охрана труда дается рабочим лишь потому, что в ней заинтересован сам капитализм. Однако, я вспоминаю, что не совсем безызвестный Маркс однажды указал, что возрождение английского рабочего класса ведет свое начало от момента издания фабричных законов. (Оживленное одобрение!) Затем, нам говорят, будто тред-юнионы реакционны и враждебны социализму. И опять таки не кто иной, как Маркс, называл английские профсоюзы чемпионами европейского пролетариата. (Одобрение!) И еще вопрос, где практически больше достигнуто для улучшения судьбы рабочих, и где больше сделано в направлении демократизации и социализации,—в Англии или у нас? Под конец госпожа Люксембург апеллировала к революционной совести, говоря: «Если бы французские рабочие 1871 г. были бы так же умны и просвещены, как мы в наше время, то они, наверное, не взялись бы за борьбу, а просто пошли бы спать». Однако, все эти мудрствования задним числом о том, что было бы лучше сделать, не имеют цены, так как исторические события обычно происходят со стихийной силой. Н о ф р а н ц у з с к и е р а б о ч и е н е х у ж е б ы п о с л у ж и л и с в о е м у д е л у, е с л и б ы «п р о с п а л и» т о в р е м я (Горячее одобрение!) В о в с я к о м с л у ч а е н е с о м н е н н о, ч т о п р и з н а н и е К о м м у н ы к е м - т о с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к и м к а к н е л ь з я б о л е е н е и с т о р и ч н о. Правда, это тесно связано со всеми остальными взглядами госпожи Люксембург, так как она, повидимому, считает, что насильственные действия всегда носят социалистический характер. (Возражения со стороны Люксембург). Но ведь иначе совсем нельзя понять утверждения, что мы живем в такое время, когда в каждый момент может случиться что-нибудь неожиданное, и когда социал-демократия может оказаться внезапно у кормила власти и, следовательно, должна быть подготовлена к пользованию властью. Однако, это не теория немецкой социал-демократии, а б л а н к и з м (энергичное одобрение), который считает возможным в любой момент, не считаясь с экономическим и политическим развитием, а через голову народа, насильственным переворотом завоевать власть. Если среди немецкой социал-демократии кое-кто и стоял на этой точке зрения, то, к счастью, время это давно миновало. И нам следует итти в своем развитии не назад, а вперед. В противоположность госпоже Люксембург, я говорю: для немецкой социал-демократии было бы величайшим несчастьем, если бы ей случилось преждевременно овладеть политической властью, потому что мы не были бы в состоянии ни плодотворно ею пользоваться, ни ее удержать. Мы хотим завоевать власть не искусственными средствами, а в силу внутренней необходимости, которая может обеспечить несокрушимый и верный успех только тогда, когда имеются налицо экономические предпосылки...».

II

Фольмар меня горько упрекает в том, что я, юный рекрут движения, пытаюсь поучать старых ветеранов. Но это не так. Это было бы совершенно излишне, так как я твердо убеждена, что ветераны стоят на той же точке зрения, что и я. Вообще, дело не в том, чтобы кого-либо поучать, а в том, чтобы дать ясное и недвусмысленное выражение

определенной тактике. Я отлично знаю, что должна еще заслужить офицерские нашивки в немецком движении. Но я желаю заслужить их в левом крыле, где хотят бороться с врагом, а не в правом крыле, где хотят вступать с ним в соглашение (возражения!). Однако, когда против моих указаний по существу Фольмар приводит аргумент: «желторотый птенец, ведь я гожусь тебе в дедушки!», то для меня это только служит доказательством, что по части логических доводов дело у него обстоит неблагополучно (смех!). Действительно, в своих речах он высказал ряд положений, которые в устах ветерана звучат, по меньшей мере, странно. Против сокрушительной выдержки из Маркса об охране труда, я могу привести другие слова Маркса, что введение охраны труда явилось в Англии прямо-таки спасением для буржуазного общества. Далее, Фольмар утверждал, будто неправильно считать профессиональное движение не социалистическим, и ссылался на тред-юнионы. Но разве Фольмар ничего не слышал о различии между старыми и новыми тред-юнионами? Разве он не знает, что старые тред-юнионисты всецело стоят на закоснелой буржуазной точке зрения? Разве он не знает, что не кто иной как Энгельс выразил надежду, что теперь социалистическое движение в Англии будет прогрессировать, потому что Англия потеряла преобладание на мировом рынке, и в связи с этим движению тред-юнионов придется вступить на новый путь?

Фольмар в виде пугала выставил б л а н к и з м. Разве он не знает различия между бланкизмом и социал-демократией? Разве он не знает, что у бланкистов завоевать политическую власть должна горсть эмиссаров именем рабочего класса, а у социалистов—сам рабочий класс? Это такое различие, какого не должен забывать ветеран социал-демократического движения.

Затем Фольмар меня попрекнул тем, что я мечтаю о насильственных мерах. Для этого я не дала ни малейшего повода ни моими речами, ни моими статьями против Бернштейна в Leipziger Volkszeitung. Я стою как раз на противоположной точке зрения и утверждаю, что единственная насильственная мера, которая поведет нас к победе,—это социалистическое воспитание рабочих в повседневной борьбе (!—Р е д.).

Самое лестное, что можно сказать про мои утверждения, это то, что они сами собою понятны. Конечно, для социал-демократа это должно быть само собою понятно, но не для всех присутствующих на партийном с'езде это само собою понятно (ого!), например, это непонятно товарищу Гейне с его п о л и т и к о й к о м п е н с а ц и й. Как примирить эту политику с завоеванием политической власти? В чем

может состоять политика компенсаций? Мы требуем усиления народных прав, демократических свобод. Капиталистическое государство нуждается в укреплении своих сил и в пушках. Допустим, что в лучшем случае сделка с обеих сторон честно заключена и честно выполнена; все же то, что мы получаем, существует лишь на бумаге. Уже Берне сказал: «Никому не посоветую брать ипотеку на немецкую конституцию, так как все немецкие конституции принадлежат к разряду движимостей». Конституционные свободы имеют ценность лишь тогда, когда они добыты борьбой, а не соглашением. А то, что капиталистическое государство получило бы от нас в обмен, то имеет самое реальное, самое ощутимое существование. Пушки, солдаты, которых мы вотируем, изменяют к нашей невыгоде об'ективное материальное соотношение сил. Не кто иной как Лассаль, сказал: «Истинная конституция страны заключается не в писаных основных законах, а в фактическом соотношении сил». Результат политики компенсации всегда тот, что мы изменяем условия к нашей выгоде только на бумаге, а об'ективно к выгоде противника, что мы нашу позицию, в сущности, ослабляем, а позицию противника укрепляем. Я спрашиваю, можно ли утверждать о человеке, который это предлагает, что он серьезно стремится к завоеванию политической власти? Я полагаю, что негодование, с каким товарищ Фендрих подчеркивал, что это стремление само собою понятно, было лишь по ошибке адресовано мне. По существу, оно было направлено против Гейне. Оно было лишь выражением того резкого противоречия, в какое встал Гейне по отношению к пролетарской совести нашей партии, осмелившись говорить о политике уступок капиталистическому государству.

Затем утверждение Конрада Шмидта, что анархия капиталистического господства может быть устранена борьбой профсоюзов и т. п. Пункт нашей программы о необходимости завоевания политической власти вытекает как раз из убеждения, что в капиталистическом обществе нельзя найти средства для устранения капиталистической анархии. С каждым днем растут анархия, ужасные страдания рабочего класса, неуверенность в завтрашнем дне, эксплоатация, пропасть между богатым и бедным. Можно ли про того, кто хочет разрешить эти противоречия капиталистическими средствами, утверждать, что он считает необходимым завоевание политической власти рабочим классом? Так что и в этом смысле негодование Фендриха и Фольмара направлено не против меня, а против Конрада Шмидта. А, наконец, известное заявление в Neue Zeit: «Конечная цель, какова бы она ни была, для меня ничто, а само движение—все!» Тот, кто так говорит, не стоит на точке зрения необходимости завоевания политической власти.

Вы видите, что некоторые товарищи не стоят на точке зрения конечной цели нашего движения. И потому важно дать этому ясное и недвусмысленное выражение; и если это было когда-либо необходимо, то именно теперь. Удары реакции сыплются на нас градом. Надо ответить на последнюю речь императора. Ясно и четко, подобно древнему Катону, должны мы сказать: «Во всяком случае, я полагаю, что это государство должно быть разрушено!». Завоевание политической власти остается конечной целью, а конечная цель—душою борьбы. Рабочий класс не должен становиться на декадентскую точку зрения философа: «Конечная цель для меня—ничто; само движение для меня—все!» Нет, наоборот: движение, как таковое, безотносительно к конечной цели, движение, как самоцель, для меня ничто; конечная цель для нас—все! (Одобрение).

МИЛИЦИЯ И МИЛИТАРИЗМ*)

I

Не в первый и, надеюсь, не в последний раз раздаются из рядов нашей партии голоса критики по поводу отдельных требований нашей программы и по поводу нашей тактики. Нельзя достаточно горячо это приветствовать по существу. Но в критике имеет прежде всего значение как, при чем под словом как мы понимаем не «тон», по поводу которого, к сожалению, в партии вошло в моду поднимать шум при всяком случае, а нечто гораздо более важное—общие основы критики, определенное мировоззрение, выражаемое критикой.

В основе крестового похода Изегрим-Шиппель против требования милиции и за милитаризм, действительно, лежит вполне последовательное социал-политическое мировоззрение.

Самая общая точка зрения, из которой исходит Шиппель в своей защите милитаризма, сводится к признанию необходимости этой милитаристической системы. Он доказывает всеми возможными доводами, военно-техническими, социальными и хозяйственными, необходимость постоянной армии. И надо сказать, что с известной точки зрения он прав.

---

*) Печатаемые ниже статьи появились на столбцах Leipziger Volkszeitung от 20—26 февраля 1899 г. в виде возражения на статьи Макса Шиппеля: одну за подписью Изегрим—«Верил ли Фридрих Энгельс в милицию?» в Sozialistische Monatshefte за ноябрь 1898 г. и другую—«Фридрих Энгельс и милиционная система» в Neue Zeit №№ 19 и 20, 1898/99 г., подписанную уже собственным именем Шиппеля и служащую ответом на реплику Каутского в Neue Zeit по поводу статьи Изегрима.

Постоянная армия, милитаризм действительно необходимы,— но для кого? Для господствующих в данное время классов, для теперешнего правительства. Но что же из этого следует, кроме того, что для теперешнего правительства и для господствующих классов, с их классовой точки зрения, упразднение постоянной армии и введение милиции, т.-е. всенародного вооружения, представляется невозможным каким-то абсурдом. И если Шиппель, со своей стороны, считает милицию точно так же невозможной и абсурдной, то этим он только доказывает, что и сам он стоит в вопросе милитаризма на буржуазной точке зрения и смотрит на него глазами капиталистического правительства или буржуазных классов. Об этом же явно свидетельствуют и все его отдельные аргументы. Он утверждает, что поголовное вооружение всех граждан—краеугольный камень всей милиционной системы—невозможно, так как на это нет денег, «и без того достаточно страдают культурные задачи». Таким образом, он просто исходит из современного прусско-немецкого финансового хозяйства и не может себе и представить, даже при системе милиции, иных форм хозяйства, например, прогрессивного обложения класса капиталистов налогом на содержание милиции.

Шиппель считает военное воспитание молодежи, второй столп системы милиции, нежелательным, потому что, по его мнению, унтер-офицеры в качестве военных воспитателей оказывали бы на молодежь самое пагубное влияние. Он, конечно, имеет в виду современного прусского казарменного офицера и просто переносит его в воображаемую систему милиции в качестве воспитателя юношества. Таким способом мышления он живейшим образом напоминает профессора Юлиуса Вольфа, который усматривал веский довод против социалистического общественного порядка в том, что при господстве социализма, по его расчетам, должно бы было произойти общее повышение процентной ставки...

Шиппель считает современный милитаризм необходимым в хозяйственном смысле, так как он «разгружает» общество от экономического давления. Каутский употребляет все усилия на то, чтобы угадать, как мог социал-демократ Шиппель представлять себе эту «разгрузку» путем милитаризма, и сопровождает каждое из возможных толкований меткими возражениями. Но Шиппель, очевидно, рассматривает этот вопрос вовсе не как социал-демократ, вовсе не с точки зрения трудящегося народа. Ясно, что, говоря о «разгрузке», он думал о капитале. И в этом он, действительно, прав: для капитала милитаризм является одной из важнейших форм инвестиции, и с точки зрения капитала милитаризм, действительно, представляет разгрузку. И одно то, что в этом пункте Шиппель нашел именитого сподвижника,

доказывает, что он говорит, как истинный представитель интересов капитала.

В рейхстаге, в заседании 12 января 1899 г., говорилось: «Я утверждаю, господа, что совершенно неверно, когда говорят, будто два миллиарда долга империи относятся исключительно к непроизводительным расходам, и им ни в какой мере не соответствуют производительные доходы. Я утверждаю, что не существует более производительных затрат, чем расходы на армию». Стенограмма, правда, отмечает «смех слева»... Оратором был фон-Штумм.

Для всех утверждений Шиппеля не так характерно то, что они сами по себе ложны, как то, что в основе их лежит точка зрения буржуазного общества, и поэтому с социал-демократической точки зрения, все утверждения Шиппеля кажутся поставленными вверх ногами: постоянная армия—необходима; милитаризм—хозяйственно полезен; милиция—непрактична, и т. д.

Поразительно, как шиппелевская точка зрения в вопросе о милитаризме во всех основных пунктах совпадает с его точкой зрения по другому важнейшему вопросу политической борьбы, по вопросу о таможенной политике.

Прежде всего, здесь, как и там, мы встречаем определенное нежелание связать ту или иную позицию в этом вопросе с демократией или с реакцией. В своем докладе на Штутгартском партийном с'езде Шиппель указывал, что утверждение, будто свободная торговля тожественна с прогрессом, а система охранительных пошлин—с реакцией,—неверно.

Бесчисленные исторические факты должны, мол, доказать, что прекрасно можно быть поборником свободной торговли и одновременно—реакционером, и, наоборот, протекционистом и одновременно—горячим поклонником демократии. Почти те же слова слышим мы теперь: «Существуют поклонники милиционной системы, которые вносят в современную экономическую жизнь бесконечные замешательства и нарушения и хотят внедрить унтер-офицерский дух вплоть до самых низших классов наших школ,—что куда хуже современного милитаризма. И существуют противники милиции, которые смертельно ненавидят всякое, а тем более такое нелепое засилие милитаристических тенденций и требований *).

Из того факта, что буржуазные политики в этом вопросе, как и во всех прочих, не занимают принципиальной позиции и ведут случайную политику, социал-демократ Шиппель выводит также и для себя право и необходимость закрывать глаза на внутреннее реакционное

*) Neue Zeit 1898/99 г., № 19, стр. 580—581.

ядро покровительственной системы и милитаризма или, что то же, закрывать глаза на прогрессивное значение свободной торговли и милиционной системы, т.-е. право точно так же не занимать в обоих этих вопросах принципиальной позиции.

Во-вторых, здесь, как и там, одновременно с критикою отдельных зол политики покровительственных пошлин или же милитаризма, мы видим решительное нежелание бороться против обоих этих явлений в целом. В Штутгарте Шиппель в своем реферате говорил о необходимости бороться против отдельных чрезмерных пошлин, но тут же рекомендовал «не решать поспешно», «не связывать себе руки», т.-е. не всегда и не везде бороться против пошлин. Теперь мы слышим, что Шиппель, хотя и признает «парламентарную и агитационную борьбу против конкретных милитаристических требований» *), но одновременно подчеркивает, что не следует принимать за существо милитаризма «чисто внешние, случайные и второстепенные, хотя и очень заметные последствия его в других областях общественной жизни» **).

Наконец, в-третьих,—и на этом основаны обе предшествующие точки зрения,—мы встречаем здесь, как и там, оценку явлений исключительно с точки зрения предшествовавшего буржуазного развития, т.-е. с исторически обусловленной прогрессивной их стороны, и полное невнимание к дальнейшему, предстоящему развитию и, в связи с этим, также и к реакционной стороне исследуемых явлений. Для Шиппеля покровительственная система попрежнему имеет такое же значение, какое она имела для блаженной памяти Фридриха Листа более полувека тому назад: значение крупного прогресса по сравнению со средневековой феодальной хозяйственной раздробленностью Германии. От внимания Шиппеля совершенно ускользает то, что в настоящее время всеобщая свободная торговля является таким же необходимым дальнейшим шагом за пределы внутренних хозяйственных перегородок об'единившегося мирового хозяйства, и что поэтому национальные таможенные границы в настоящее время являются реакционной мерой.

То же самое в вопросе о милитаризме. Он все еще оценивает его с точки зрения того великого прогресса, какой представляли постоянные армии на основе всеобщей воинской повинности по сравнению с прежними наемными и феодальными армиями. Но на этом для Шиппеля развитие останавливается: для него история не выходит за пределы

---

*) Sozialistische Monatshefte. 1898 г. ноябрь, стр. 459.
**) Neue Zeit. 1898/99 г. № 19, стр. 581.

постоянной армии, с дальнейшим проведением всеобщей воинской повинности.

Но что же означают эти характерные точки зрения Шиппеля как в вопросе о таможенной политике, так и о милитаризме? Они означают, во-первых, политику от случая к случаю, вместо принципиальной позиции, и, во-вторых, в связи с этим, борьбу с уродливостями таможенной или милитаристической системы, вместо борьбы с самой системой. Но чем же эта политика отличается от хорошо нам знакомого из истории партии последнего времени оппортунизма?

Это опять та «практическая политика», самое блестящее достижение которой выразилось в открытом отказе Изегрим-Шиппеля от требования милиции, одного из основных пунктов всей нашей политической программы; и в этом, с точки зрения политики партии, и заключается смысл выступления Шиппеля. Только в связи со всем этим течением и с точки зрения общих основ и следствий оппортунизма можно правильно понять и оценить новейшие социал-демократические выступления в пользу милитаризма.

II

Существеннейший признак оппортунистической политики заключается в том, что она всегда последовательно ведет к тому, что конечные цели движения, интересы освобождения рабочего класса приносятся в жертву ближайшим и, в сущности, мнимым интересам. На одном из главных положений Шиппеля в вопросе милитаризма можно наглядно показать, что наш общий постулат в совершенстве подходит также и к политике Шиппеля. По мнению Шиппеля, важнейшим экономическим доводом в пользу системы милитаризма является «разгрузка» общества посредством этой системы. Оставим без внимания то, что это странное утверждение игнорирует простейшие факты хозяйственной жизни. Наоборот, для лучшего выяснения этой точки зрения мы предположим на один момент, что это ложное утверждение правильно, и что милитаризм действительно «разгружает» «общество» от избытка производительных сил.

Какой смысл может иметь это явление для рабочего класса? Очевидно, тот, что, благодаря содержанию постоянной армии, он «разгружается» от части своей резервной армии, понижающей заработную плату, и тем улучшает условия труда. Что это означает? Только одно: чтобы уменьшить предложение на рынке труда, чтобы ограничить конкуренцию, рабочий отдает, во-первых, часть своего заработка в виде косвенных налогов на содержание армии, превращая

своего конкурента в солдата; во-вторых, он обращает этого конкурента в орудие, при помощи которого капиталистическое общество может подавить, в случае необходимости, потопить в крови, всякое усилие пролетариата к улучшению своего положения (стачки, коалиции и т. д.). И таким образом сводится на-нет то самое улучшение положения рабочего, ради которого, по мнению Шиппеля, необходим милитаризм. В-третьих, рабочий обращает этого конкурента в самое верное орудие политической реакции в государстве, следовательно, в орудие собственного социального порабощения.

Другими словами, посредством милитаризма рабочий предотвращает непосредственное понижение заработной платы на известную долю, но вместе с тем теряет возможность непрерывно бороться за увеличение заработной платы и за улучшение своего положения. Он выигрывает, как продавец рабочей силы, но вместе с тем, как гражданин, теряет политическую свободу действия, чтобы в конечном счете потерять также и в качестве продавца рабочей силы. Он устраняет с рынка труда конкурента, чтобы обратить его в стража собственного рабства заработной платы; он предотвращает понижение заработной платы, чтобы вместе с тем уменьшить и возможность непрерывного улучшения своего положения и надежду на конечное хозяйственное, политическое и общественное освобождение. Вот каково действительное значение хозяйственной «разгрузки» рабочего класса путем милитаризма. Здесь, как и при всех спекуляциях оппортунистической политики, великие цели социалистического классового освобождения оказываются принесенными в жертву мелким практическим интересам, которые, кроме того, при ближайшем рассмотрении оказываются вымышленными.

Но возникает вопрос: как мог Шиппель дойти до нелепой мысли об'явить милитаризм «разгрузкой» и с точки зрения рабочего класса?

Вспомним, как обстоит этот же вопрос с точки зрения капитала. Мы установили, что для капитала милитаризм представляет самое доходное и необходимое помещение капитала. Правда, ясно, что те же средства, которые, попадая путем налогов в руки правительства, служат для поддержания милитаризма, оставшись в руках населения, вызвали бы увеличенный спрос на предметы первой необходимости, или же, примененные государством для культурных целей в большом масштабе, точно так же создали бы соответственный спрос на общественный труд. Совершенно ясно, что, таким образом, для общества в целом милитаризм абсолютно не создает «разгрузки». Но иначе обстоит дело с точки зрения капиталистической прибыли, с точки зрения предпринимателя. Для капиталиста вовсе не одно и то же, встречает ли он определенный спрос на продукты со сто-

роны раздробленных частных покупателей или со стороны государства. Спрос государства отличается устойчивостью, массовым характером и благоприятным, почти монопольным установлением цен, которые делают государство наиболее выгодным потребителем, а поставку на него—самым блестящим гешефтом для капитала.

Но в военных поставках важнейшим преимуществом, хотя бы, например, перед государственными расходами на культурные цели (школы, дороги и т. д.), являются непрерывные технические перевороты, непрерывный рост расходов, благодаря чему милитаризм оказывается неисчерпаемым, все развивающимся источником капиталистической прибыли, возвышающей капитал до значения социальной силы, примером чего могут служить предприятия Круппа и Штумма.

Милитаризм, представляющий для общества в целом экономически совершенно нелепое расточение огромных производственных сил, означающий для рабочего класса понижение уровня его благосостояния в целях социального порабощения, составляет для класса капиталистов в экономическом смысле самое блестящее, незаменимое поле применения, а в социальном и политическом—лучшую опору его классового господства. Поэтому Шиппель, без оговорок об'являя милитаризм необходимой экономической «разгрузкой», очевидно, не только путает точку зрения общественных интересов с точкою зрения интересов капитала и тем самым—как мы указывали вначале—становится на буржуазную точку зрения, но сверх того, полагая, что всякая экономическая выгода предпринимателя оказывается по необходимости также выгодой для рабочего класса, исходит из принципа гармонии интересов капитала и труда.

Это опять-таки та же точка зрения, с которой у Шиппеля мы уже встречались в вопросе о пошлинах. Желая защитить рабочего, как производителя, от гибельной конкуренции иностранной промышленности, он в принципе высказывался за охранительные пошлины. Здесь совершенно так же, как и в вопросе о милитаризме, он видит непосредственные хозяйственные интересы рабочих и закрывает глаза на его более широкие общественные интересы, которые связаны с общим прогрессом общества в сторону свободной торговли и уничтожения постоянной армии. Здесь, как и там, он безоговорочно считает непосредственным хозяйственным интересом рабочих то, что составляет интерес капитала, и полагает, что все, что выгодно для предпринимателя, тем самым выгодно и для рабочего. Принесение конечной цели движения в жертву практическим успехам момента и оценка практических интересов с точки зрения гармонии интересов капитала и труда,—оба эти принципа гармонично между

собою связаны и вместе с тем составляют существенный признак всякой оппортунистической политики.

На первый взгляд может показаться очень странным, что поборник этой политики находит возможным ссылаться на творцов социал-демократической программы и, борясь за милитаризм плечом к плечу с рыцарем фон-Штуммом, всерьез считает своим единомышленником в этом вопросе Фридриха Энгельса. Шиппель полагает, что его связывает с Энгельсом понимание исторической необходимости и исторического развития милитаризма. Но это опять-таки только доказывает, что как некогда плохо переваренная гегелевская диалектика, так теперь плохо переваренное марксистское понимание истории вызывает неизлечимую путаницу понятий. Далее, обнаруживается лишний раз, что как диалектический образ мышления вообще, так, в частности, материалистическая философия истории, как ни революционны они в правильном их истолковании, при неправильном понимании ведут к опасным реакционным выводам. При чтении шиппелевских цитат из Энгельса, в частности из Анти-Дюринга, о развитии системы милитаризма до самоупразднения и до превращения ее в народную армию, на первый взгляд неясно, в чем, в сущности, состоит отличие между шиппелевским пониманием этого вопроса и пониманием, принятым в партии. Мы рассматриваем милитаризм в его наглядных проявлениях, как естественное и неизбежное последствие общественного развития,—так же и Шиппель. Мы утверждаем, что милитаризм в дальнейшем своем развитии ведет к народной армии,—то же говорит и Шиппель. В чем же различие, которое могло повести Шиппеля к его реакционному выступлению против требования милиции? Это очень просто: между тем как мы, вместе с Энгельсом, во внутренней эволюции от милитаризма к милиции видим лишь условия для его упразднения, Шиппель полагает, что народная армия будущего тоже вырастет сама собою «изнутри», из современной военной системы. Между тем как мы, опираясь на эти материальные условия, выдвинутые об'ективным развитием—расширение всеобщей воинской повинности и сокращение срока отбывания службы—хотим добиться осуществления системы милиции путем политической борьбы, Шиппель полагается на собственное развитие милитаризма с сопутствующими ему явлениями, и клеймит, как фантастику и как политику пивных, всякое сознательное усилие в пользу милиции.

То, что мы, таким образом, получаем,—это не энгельсовское понимание истории, а бернштейновское. Как у Бернштейна капиталистическое хозяйство само собою, без всякого прыжка, постепенно «врастает» в социалистическое,

так у Шиппеля из современного милитаризма сама собою вырастает народная армия. Как Бернштейн в отношении капитализма в целом, так Шиппель в отношении милитаризма не понимает, что об'ективное развитие даст нам только условия достижения высшей ступени развития, но что без нашего сознательного планомерного вмешательства, без политической борьбы рабочего класса за социалистический переворот или за милицию ни то, ни другое никогда не может быть осуществлено.

Но так как удобное «врастание» не более чем химера, оппортунистическая лазейка, позволяющая уклониться от сознательной революционной борьбы, то и социальный и политический переворот, достигаемый на этом пути, обращается в жалкий буржуазный тришкин кафтан. Как в бернштейновской теории «постепенной социализации» в конце концов из самого понятия социализма улетучивается все, что мы понимаем под этим словом, и социализм обращается в «общественный контроль», т.-е. в безобидную буржуазную социальную реформу, так и в шиппелевском понимании «народная армия» из свободного, самостоятельно решающего вопросы войны и мира вооруженного народа, составляющего нашу цель, превращается в распространяемую на всех пригодных граждан всеобщую воинскую повинность по современной системе постоянной армии с коротким сроком службы. В применении ко всем целям нашей политической борьбы взгляды Шиппеля повели бы прямым путем к отказу от всей социал-демократической программы.

Шиппелевское заступничество за милитаризм является наглядной иллюстрацией всего ревизионистского течения в нашей партии, и, вместе с тем, важным шагом в его развитии. Мы уже раньше слышали из уст социал-демократического депутата рейхстага Гейне, что иногда можно вотировать за военные требования капиталистического правительства. Но здесь имелась в виду лишь уступка ради высших целей демократии. У Гейне, по крайней мере, пушки должны были служить предметом обмена на народные права; но теперь Шиппель об'являет, что пушки необходимы ради пушек. Если вывод у обоих один и тот же, а именно—поддержка милитаризма, то у Гейне она, по крайней мере, еще основана на неправильном понимании социал-демократического метода борьбы, между тем как у Шиппеля она вытекает из простой подмены самого об'екта борьбы. Там предлагалась вместо социал-демократической буржуазная тактика, здесь же вместо социал-демократической программы смело выставляется программа буржуазная.

Шиппелевское «неверие в милицию» представляет собою последние выводы «практической политики». Итти дальше в направлении реакции она не может, ей остается только

распространиться на другие пункты программы, чтобы скинуть с себя окончательно социал-демократическую мантию, в лоскутья которой она еще драпируется, и предстать в своей классической наготе—в виде пастора Наумана.

III [1])

Если бы социал-демократия была клубом для дискуссий по социал-политическим вопросам, то она после теоретической дискуссии с Шиппелем могла бы считать вопрос исчерпанным. Но так как она является политической партией борьбы, то для нее теоретическим доказательством превратности точки зрения Шиппеля вопрос не решен, а, наоборот, лишь поставлен. Печатное выступление Шиппеля по вопросу о милиции есть не только выявление определенных взглядов, но оно есть в то же время и политическое действие. И потому партия должна ответить на него не только опровержением взглядов, но точно так же политическим выступлением. Выступление это должно соответствовать значению шиппелевских утверждений.

За последние годы почти все постулаты социал-демократии, имевшие до того значение краеугольных камней, были поколеблены в своей неоспоримой значимости нападками из наших же собственных рядов. Эдуард Бернштейн заявил, что конечная цель нашего движения для него ничто. Вольфганг Гейне показал своими предложениями компенсаций, что традиционная социал-демократическая тактика для него, действительно, ничто. Теперь Шиппель доказывает, что и он стоит выше политической программы партии. Почти ни один принцип пролетарской борьбы не избег этого обращения в ничто со стороны отдельных представителей партии. Это само по себе представляет далеко не радостную картину. Однако, с точки зрения партийных интересов следует делать некоторые различия между этими крайне важными выступлениями. Бернштейновская критика нашего теоретического багажа, несомненно, явление в высшей степени зловещее. Но практический оппортунизм для движения несравненно опаснее. Скептицизм в отношении конечной цели всегда еще может быть просто сметен самим движением, поскольку оно в своей практической борьбе здорово и сильно. Но как только под знак вопроса ставятся ближайшие цели, следовательно, сама практическая борьба,—тогда в ничто обращается вся партия, вместе с конечной целью и с движением, и не только в суб'ективном представлении того или иного партийного философа, но и в мире об'ективных явлений.

---

[1]) Во 2-м издании этот раздел опущен.

Нападки Шиппеля направлены только на один пункт нашей политической программы. Но в виду решающего значения милитаризма для современного государства этот один пункт является практическим отрицанием всей политической борьбы социал-демократии.

В милитаризме кристаллизуется сила и господство как капиталистического государства, так и буржуазного класса; и так как социал-демократия является единственной партией, принципиально с ним борющейся, то и принципиальная борьба против милитаризма входит в сущность социал-демократии. Отказ от борьбы с милитаристической системой сводится практически к отрицанию борьбы с современным общественным порядком вообще. В конце предыдущей главы мы указали, что для полного отречения от социал-демократии оппортунизму остается только распространить шиппелевскую позицию в вопросе милиции на другие пункты программы. При этом мы имели в виду только суб'ективное, сознательное развитие сторонников этой политики. Об'ективно, по существу, это развитие уже совершилось в том, что высказал Шиппель.

Еще одна сторона оппортунистических заявлений последнего времени, особенно выступления Шиппеля, заслуживает внимания, по крайней мере, со стороны своего симптоматического значения. Это—несравненная легкость, непоколебимое спокойствие, даже, как в последнем случае, резвая грация, с какою подрываются принципы, которые бы должны были войти в плоть и кровь всякого товарища, не совсем поверхностно-относящегося к делам партии, и подрыв которых должен бы был вызвать,—по крайней мере, у каждого искреннего социал-демократа,—серьезный душевный кризис. Это помимо всего прочего, несомненные признаки низкого революционного уровня, притупления революционного инстинкта,—все явления, сами по себе, может быть, неуловимые и несущественные, но безусловно существенные для партии, которая, как социал-демократия, пока что должна довольствоваться, главным образом, не практическими, а идеологическими успехами, и неизбежно ставить высокие требования к индивидуальному уровню своих членов. Гармоничным дополнением к буржуазному образу мышления оппортунизма является его буржуазный способ чувствования.

Всестороннее значение шиппелевского выступления делает необходимым соответствующее контр-выступление со стороны партии. В чем может и должно состоять это контр-выступление? Во-первых, в ясной и недвусмысленной позиции всей партийной прессы в этом вопросе и вместе с тем в обсуждении инцидента на партийных собраниях. Если партия в целом не стоит на точке зрения Шиппеля, по

мнению которого народные собрания являются лишь удобным случаем бросить толпе кость «лозунгов», чтобы она в нужное время выбрала политического «барина» в рейхстаг, то и обсуждение важнейших партийно-политических принципов она может не считать «дворянской едой», предназначенной только для избранных, а не для широких масс товарищей. Наоборот, только дискуссия в самых широких партийных кругах может с успехом предотвратить возможное распространение шиппелевских взглядов.

Во-вторых, что еще важнее, в позиции социал-демократической ф р а к ц и и в этом вопросе,—она прежде всего была призвана сказать решающее слово по делу Шиппеля, с одной стороны, потому, что Шиппель—депутат рейхстага и член фракции, с другой же стороны, потому, что рассматриваемый им вопрос принадлежит к числу важнейших об'ектов парламентской борьбы. Мы не знаем, сделала ли фракция что-либо в этом направлении или нет. Так как вскоре после появления статьи Изегрима действительное имя автора стало секретом полишинеля, то, по всей вероятности, фракция не стала, сложа руки, смотреть, как один из ее же членов издевался над ее деятельностью.

И если она не сделала этого раньше, то она имела случай наверстать упущенное время после того как Каутский разоблачил истинную физиономию Шиппеля. Но реагировала фракция на дело Шиппеля или нет,—это не имеет особого значения, поскольку она не поставила об этом в известность всю партию. Социал-демократия, вынужденная действовать на почве чуждого ей по существу буржуазного парламента, повидимому, невольно переняла также кое-какие обычаи этого парламентаризма, которые, однако, плохо согласуются с ее демократическим характером. Сюда, по нашему мнению, относится противопоставление фракции, как замкнутой корпорации, не только буржуазным партиям, что безусловно необходимо, но и собственной партии,—что может повести к нежелательным последствиям. Фракции буржуазных партий, у которых парламентарная борьба обычно носит неприглядный характер торгашества и коррупции, имеют полное основание избегать гласности. Напротив, социал-демократическая фракция не имеет ни нужды, ни основания считать результаты своих работ внутренним делом, поскольку речь идет о партийных принципах или важных тактических вопросах. Решения такого вопроса в тайном заседании фракции было бы достаточно, если бы для нас, как для буржуазных партий, вся суть была в определенных результатах г о л о с о в а н и я фракции в рейхстаге. Для социал-демократии же, для которой парламентская борьба ее фракции имеет гораздо большее значение с чисто агитационной, чем с практической точки зрения, суть в данном случае не в фор-

мальном постановлении большинства фракции, а в самой дискуссии, в выяснении положения. Для партии узнать, как ее представители мыслят по парламентарным вопросам, по крайней мере, так же важно, как знать, как они по ним голосуют в рейхстаге. В партии, в основе своей демократической, отношение между избирателями и депутатами ни в каком случае не может исчерпываться актом выборов и внешне формальным суммарным отчетом на партийных с'ездах. Фракция должна поддерживать возможно более живой и непрерывный контакт с партийными массами, и это становится прямо-таки требованием самосохранения, в виду оппортунистических течений, которые за последнее время обнаруживаются как раз среди партийных депутатов. Фракция должна публично выявить свое отношение к взглядам Шиппеля, хотя бы уже потому, что партия во всей своей массе, как бы она того ни желала, просто не имеет физической возможности выступить по этому вопросу, как ц е л о е. Фракция—признанное политическое представительство всей партии, и ей следовало бы собственным публичным выступлением косвенно помочь партии занять необходимую позицию.

Наконец, и партия должна непосредственно, как таковая, высказаться по поводу дела Шиппеля н а б л и ж а й ш е м п а р т и й н о м с'е з д е.

В Штутгартской дискуссии по поводу статьи Бернштейна говорилось, что партийный с'езд не может голосовать по теоретическим вопросам. Но здесь мы имеем чисто практический вопрос. Там говорилось, что гейневские предложения компенсаций—всего только неуместная музыка будущего, с которой партии не приходится считаться. Но у Шиппеля музыка современная. И в позиции, занятой Шиппелем по вопросу о милиции, оппортунистическая политика, как мы говорили, развилась до последних своих выводов, созрела для окончательного приговора. Мы считаем насущной задачей партии—ясной и недвусмысленной позицией—сделать надлежащие выводы из оппортунистических положений.

Партия имеет полное основание так поступить. Речь идет о доверенном лице, о политическом представителе партии, который на своем посту должен был служить ей мечом в борьбе, деятельность которого (представителя) должна была служить оплотом против наступления буржуазного государства. Но если оплот каждую минуту обращается в кашеобразное вещество, и если клинок меча ломается в сражении, как картонный, не должна ли партия, со своей стороны, крикнуть э т о й политике:

«К чорту кашу, из теста не выкуешь меча!..».

IV

Leipziger Volkszeitung 24 февраля 1899 г. получила от Шиппеля следующее обращение, написанное по прочтении первых двух статей, с просьбой его напечатать:

«Дорогой друг Шенланк!

Я всегда с большим интересом читаю статьи Р. Л. в Leipziger Volkszeitung не потому, чтобы я всегда был согласен с ними по всем пунктам, а потому, что я высоко ценю в них живую боевую натуру, честное убеждение и увлекательную диалектику.

И на этот раз я не без изумления слежу за громоздящимися все выше и все быстрее выводами, которые исходят из единой предпосылки:

«Экономическое основание, принуждающее нас, по мнению Шиппеля, держаться системы милитаризма, заключается в экономической разгрузке общества, осуществляемой этой системой... Шиппель об'являет милитаризм разгрузкой также и с точки зрения рабочего класса... исходя из принципа гармонии интересов капитала и труда.»

При полном уважении к выводам, надо признать, что предпосылка абсолютно ложна и несостоятельна! В Neue Zeit я только обя'снял, что чудовищные непроизводительные расходы—будь то со стороны частных лиц на безумную роскошь и дикие прихоти, будь то со стороны государства на войско, на пенсии и на всякого рода затеи,—ослабляют лихорадку кризисов, которая бы непрерывно трясла общество, болеющее «перепроизводством», если бы непроизводительная расточительность не занимала все большее место рядом с накоплением для производительных целей. Этим я, конечно, нисколько не приветствовал расточительность и непроизводительные расходы, и тем менее я их требовал в интересах рабочего класса. Я только пытался вскрыть другую, вопреки обычным утверждениям, сторону фактического их воздействия «на современное общество».

Вначале я считал несомненным, что никто не сочтет меня поборником этого «современного общества». Однако, у меня есть кое-какой опыт по части социал-демократических дебатов; и потому, во избежание каких-либо лжетолкований, я втиснул в рассуждения о сверхпроизводстве маленькую фразу: «Конечно, это делает для меня милитаризм не более приятным, а тем более неприятным».

По смыслу это, ведь, значит: тем более достойным осуждения. Но и этот избыток предусмотрительности с моей стороны, повидимому, оказался бесполезен: «А все же я стою

на своем»,—совсем, как если бы дискуссия велась с буржуазными женщинами.

Вместе с тем я верю в искренность сотрудника Leipziger Volkszeitung P. Л. и надеюсь, что он убедится в том, что старт им выбран совершенно неправильно, и что потому нам придется начать сызнова наш «бег» на приз пролетарски-революционного образа мышления.

Ваш Макс Шиппель».

V

Если товарищ Шиппель с изумлением следит «за громоздящимися все выше и все быстрее выводами», исходящими из единого высказанного им взгляда, то это лишний раз доказывает, что взгляды имеют свою логику и там, где не имеют ее люди.

Предыдущая заметка Шиппеля является достойным внимания дополнением к формулированной им в Neue Zeit мысли об экономической «разгрузке» капиталистического общества при помощи милитаризма: рядом с милитаризмом появляются, в качестве экономических средств разгрузки и предупреждения кризисов, «пенсии и всякого рода затеи», как и «безумная роскошь и дикие прихоти» частных лиц. Особый взгляд на хозяйственные функции милитаризма развивается, таким образом, в общую теорию, согласно которой расточительность является коррективом капиталистического хозяйства, и доказывает, что мы были несправедливы к фон-Штумму, как экономисту, назвав его в первой нашей статье сподвижником Шиппеля. Считая расходы на армию самыми продуктивными, Штумм, по крайней мере, имел в виду значение милитаризма в борьбе за рынки сбыта и в защите «отечественной промышленности». Но, как оказывается, Шиппель совсем не считается со специфической функцией милитаризма в капиталистическом обществе, а видит в нем только остроумный способ ежегодного истребления определенного количества общественного труда; и если, например, герцогиня д'Юзес, содержащая для своего развлечения шестнадцать собачек, «разгружает» этим капиталистическое хозяйство на целое помещение, соответствующий штат прислуги и целый собачий гардероб, то такую же экономическую роль милитаризм играет для Шиппеля.

Жаль, что в калейдоскопической смене своих политико-экономических симпатий товарищ Шиппель каждый раз так основательно порывает со своими склонностями предшествовавшего дня, что не сохраняет о них ни малейшего воспоминания. Иначе, в качестве бывшего родбертузианца, он бы вспомнил о классических страницах «Четвертого со-

циального письма фон-Кирхману» (стр. 34 и сл.), на которых его учитель прежних времен опровергает теперешнюю его теорию роскоши. Но эта теория гораздо старше Родбертуса.

Если мысль об экономической разгрузке специально при помощи милитаризма — по крайней мере, в рядах социал-демократии — и может претендовать на прелесть новизны, то общая теория о спасительной функции расточительности для капиталистического общества так же стара, как сама буржуазная вульгарная экономия.

Хотя на ложном пути своего развития вульгарная экономия породила целый ряд теорий кризисов, однако, та теория, какую теперь усвоил наш Шиппель, относится к наиболее вульгарным; она, что касается понимания внутреннего механизма капиталистического хозяйства, стоит даже ниже, чем теория отвратительнейшего скомороха вульгарной экономии Ж. Б. Сэя, согласно которой перепроизводство есть, в сущности, недопроизводство (недостаточное производство).

В чем состоит самая общая предпосылка шиппелевской теории? Кризисы происходят от того, что, по сравнению с массою производимых товаров, слишком мало потребляется, и потому кризисы могут быть приостановлены путем увеличения потребления. Здесь, таким образом, капиталистические кризисы выводятся не из внутренней тенденции производства выходить за пределы рынка сбыта и не из анархии производства, а из абсолютной диспропорции между производством и потреблением. Масса товаров капиталистического общества представляется как бы в виде рисовой горы определенной величины, которую общество должно, по возможности, поглотить. Чем больше потребляется, тем меньше остается на экономической совести общества в виде непереваренного остатка, и тем значительнее «разгрузка». Это абсолютная теория кризисов, которая относится к релятивной теории Маркса совершенно так же, как мальтузианская теория населения относится к марксовскому закону относительного перенаселения.

Но по этой остроумной теории для общества вовсе не безразлично, кто потребляет. Если потребление служит лишь для того, чтобы вновь привести в движение производство, тогда рисовая гора вновь нарастает, и «общество» нисколько не выигрывает, лихорадка кризисов мучает его попрежнему. Только в том случае общество может облегченно вздохнуть, и кризисы приостанавливаются, если продукты исчезают окончательно и потребляются людьми, которые сами ничего не производят.

Предприниматель Гинц, не знает, куда ему деваться с произведенными им (т.-е. его рабочими) товарами. К счастью, предприниматель Кунц предается безумной роскоши и

скупает у стесненного в делах товарища по классу тяготящие его товары. Но у него, у Кунца, тоже имеется «обременяющий» его излишек произведенных товаров; к счастью, вышеупомянутый Гинц тоже много тратит на «роскошь и причуды» и со своей стороны является для озабоченного Кунца желанным покупателем. Но теперь, после благополучно заключенной сделки, оба наши предпринимателя растерянно глядят друг на друга и готовы воскликнуть:—Кто из нас обоих сошел с ума?—И тот и другой. Ведь, чего они достигли этой рекомендованной Шиппелем операцией? Правда, они друг другу честно помогли окончательно уничтожить определенное количество товаров. Но, увы! Цель предприятия заключается не в уничтожении материальных товаров, а в реализации в чистом золоте прибавочной стоимости. А в этом отношении остроумный гешефт достигает только той цели, какой достигли бы оба предпринимателя, если бы сами без остатка поглотили, потребили свой излишек прибавочной стоимости. Таково шиппелевское средство борьбы с кризисами. Вестфальские угольные бароны страдают от перепроизводства угля? Глупцы! Пусть они усиленнее топят в своих за́мках, и угольный рынок будет «разгружен». Владельцы мраморных каменоломен в Карраре жалуются на затор в торговле? Пусть они возведут для своих лошадей мраморные конюшни, и в мраморном деле сразу же исчезнет лихорадка кризисов. А если надвигается грозная туча всеобщего торгового кризиса, то Шиппель взывает к капитализму: «Побольше устриц, побольше шампанского, больше лакеев в ливреях, больше танцовщиц,—и вы будете спасены!». Мы боимся только, как бы старые, прожженные дельцы не ответили ему: «Сударь, вы считаете нас глупее, чем мы есть!»

Но эта остроумная экономическая теория ведет еще и к другим интересным социальным и полическим выводам. Если хозяйственной разгрузкой и средством ослабления кризисов является только непроизводительное потребление, т.-е. потребление государства и буржуазных классов, тогда в интересах общества и спокойного хода промышленного цикла нужно, чтобы непроизводительное потребление было возможно шире, производительное—возможно ограниченнее; чтобы часть общественного богатства, присвоенная капиталистами и государством, была возможно больше, а часть, остающаяся на долю трудящегося населения,—возможно меньше; чтобы прибыли и налоги были, по возможности, высокие, а заработная плата, по возможности, низкая. Рабочие — хозяйственное «бремя» для общества, а собачки герцогини д'Юзес—хозяйственный якорь спасения,—вот к чему ведет шиппелевская теория «разгрузки».

Мы сказали, что она наиболее вульгарна, даже среди теорий вульгарной экономии. Что может служить мерилом ее вульгарности? Сущность вульгарной экономии состоит в том, что она рассматривает явления капиталистического хозяйства не в их глубоких связях и не в их внутренней сущности, а в их поверхностном преломлении через законы конкуренции, видит их не через подзорную трубу науки, а через очки частных интересов буржуазного общества. Но, в зависимости от точки зрения заинтересованного лица, изменяется картина общества и более или менее криво отражается в сознании экономиста. Чем точка зрения ближе к самому процессу производства, тем понимание ближе к истине. И чем больше исследователь подвигается к рынку обмена, к сфере полного господства конкуренции, тем более перевернутой вверх ногами оказывается видимая им картина общества.

Шиппелевская теория кризисов, как мы показали, совершенно несостоятельна с точки зрения капиталистов, как класса; она сводится к совету: пусть капиталисты сами потребляют свой излишек продуктов. Но даже отдельный капиталистический промышленник пожмет плечами на такую теорию. Крупп или фон-Хейль слишком умны, чтобы предаваться абсурдной мысли, будто их роскошь и роскошь других капиталистов может хоть сколько-нибудь предотвратить кризисы. Такая идея может притти в голову только капиталистическому купцу, или, скорее, капиталистическому мелкому лавочнику, которому его непосредственные покупатели, «важные господа» с их роскошью, кажутся столпами всего хозяйства. Шиппелевская теория—даже не отражение понимания капиталистического предпринимателя, а непосредственное теоретическое выражение точки зрения капиталистического лавочника.

Мысль Шиппеля о «разгрузке» общества путем милитаризма обнаруживает, как в свое время рассуждения Бернштейна, что ревизионизм, ведущий к буржуазной точке зрения в политике, в своих экономических предпосылках также является преемником буржуазной вульгарной экономии.

Однако, Шиппель оспаривает наши политические выводы из его теории «разгрузки». Ведь он говорил, будто только о «разгрузке» общества, а не рабочего класса, он во избежание недоразумений специально вставил заверение, что «это не делает для него милитаризм более приятным, а, наоборот, более неприятным». Можно было бы подумать, что таким образом Шиппель с точки зрения рабочего класса считает милитаризм экономически пагубным.

Зачем же он в таком случае указывал на экономическую разгрузку? Какие выводы он из нее делает для позиции рабочего класса по вопросу о милитаризме? Послушаем: «Конечно, это не делает для меня милитаризм более приятным, а делает его более неприятным. Но только с этой точки зрения я не могу присоединиться к мелкобуржуазно-свободомыслящим воплям о хозяйственном разорении из-за непроизводительных военных расходов...» *). Шиппель считает, таким образом, мелкобуржуазным и ложным признание экономически разрушительного действия милитаризма. Следовательно, для него милитаризм не есть разорение, и он считает неправильным поддерживать «мелкобуржуазно-свободомыслящие вопли» против милитаризма, т.-е. он не признает борьбу против милитаризма. Да ведь и вся его статья клонится к тому, чтобы доказать рабочему классу необходимость милитаризма. Но какой смысл имеет в таком случае вставленная им оговорка, что милитаризм ему от этого не более приятен, а тем более неприятен? Это лишь чисто психологическое заверение, что Шиппель не с наслаждением, а с отвращением защищает милитаризм, что он не находит удовольствия в своей оппортунистической политике, и что его сердце лучше, чем его голова.

Уже в виду этого факта я не могла бы последовать приглашению Шиппеля «состязаться с ним на приз пролетарски-революционного образа мышления». Лойяльность запрещает мне состязаться с кем-либо, кто вступает на беговую дорожку в столь невыгодном положении, спиною к старту.

ПОСЛЕ ПАРТИЙНОГО С'ЕЗДА [1])

I

Не подлежит никакому сомнению, что центральным пунктом прений в Штутгарте, привлекшим наибольшее внимание всех делегатов, были дебаты о тактике. И это совершенно естественно. Вопрос о соотношении между повседневной практической борьбой и конечной целью является жизненным вопросом партии с начала ее существования и остается таковым до конца. Он не может быть решен окончательно, навсегда, пока партия живет и развивается; постоянно и неизбежно он возникает все в новых формах, и то обстоятельство, что и партийный с'езд в Штутгарте должен был опять посвятить этому вопросу так много вни-

*) Neue Zeit. 1898/99. № 20. стр. 617.

[1]) Напечатано в Sächsische Arbeiterzeitung 12—14 октября 1898 г.

мания, служит, по нашему мнению, несомненным признаком здорового роста движения.

Красной нитью проходит общий вопрос о тактике через все партийные с'езды социал-демократии, при чем, однако, в полном соответствии с различными историческими условиями движения, можно отметить две различные эпохи. Начиная с 1868 года, еще до фактического конституирования партии в Эйзенахе, и вплоть до 1891 года борьба мнений о тактике в среде социал-демократии сосредоточивалась на вопросе о парламентаризме. Тогда задачей партии была борьба против склонявшихся к анархизму антипарламентской крайней левой. И спор этот должен был длиться до тех пор, пока партия не добилась элементарнейших законов, необходимых ей для плодотворной повседневной борьбы,—прежде всего, избирательного права,—пока закон о социалистах лишал ее легальных основ существования. Окончательно же он мог быть разрешен не дебатами, а фактами. И потому-то мы видим, что вопрос об участии социал-демократии в политических выборах не сходит с очереди: он ставится в 1871 г. на партийном с'езде в Дрездене, в 1873 г.—в Эйзенахе, в 1874 г.—в Кобурге, в 1877 г.—в Готе, затем в замке Виден, в Копенгагене, в С. Галлене. После отмены исключительного закона против социалистов борьба свелась к дискуссии с независимыми, в 1890 году в Галле и в 1891 г. в Эрфурте, где она пришла к естественному своему завершению. После отвоевания легальной почвы, после блестящей победы социал-демократии на выборах 1890 года *внутри* социал-демократии должны были исчезнуть всякие сомнения относительно важного значения парламентской борьбы, и те элементы, которые продолжали держаться точки зрения чисто отрицательной агитации, должны были быстро пройти свой естественный путь к анархизму, т.-е. к политическому банкротству. Так закончилась *одна* сторона внутрипартийной борьбы.

Вскоре вслед затем началась борьба в противоположном направлении; внезапный и могучий расцвет социал-демократии в рамках легальности принес с собой новые опасности. Если раньше одно крыло партии склонялось постоянно к недооценке повседневной положительной борьбы, к отрицанию, то бурный рост движения в ширину, начиная с 1890 г., должен был с естественной необходимостью привести к другой крайности—к переоценке положительной реформистской работы, к оппортунистическим тенденциям. Партийный с'езд в Эрфурте образует характерный переходный момент, когда партии пришлось бороться на два фронта—с одной стороны, против остатков движения независимых, против Вернера и К°—с другой стороны, и против

первых признаков оппортунизма, в лице Фольмара, которому тогда же Зингер должен был поставить на вид, что конечную цель социализма «он положил, как своего рода семейную святыню, в серебряный ларец, который открывается только в особо торжественных случаях». В той же своей речи, верно оценивая значение каждого из обоих этих крайних уклонов, Зингер констатировал, что «рассуждения Фольмара и вытекающие из них выводы, если бы партийный с'езд с ними согласился, он считает гораздо более опасными для партии, чем взгляды оппозиции и ее вожаков». В самом деле, анархистские теории изо дня в день разбиваются в прах практическими успехами социал-демократии, т.-е. непреложными фактами, так что нужно быть совсем безголовыми, чтобы еще в настоящее время держаться за анархистские химеры. Между тем, оппортунистические взгляды, наоборот, находят ежедневно мнимое подтверждение со стороны этих самых фактов, в виду чего партии необходимо ясное понимание, чтобы их опровергнуть. Борьба с оппортунистическим течением пред'являет к партии, в смысле теоретической и тактической подготовки, несравненно более высокие требования, чем этого требовала борьба с анархизмом. И мы видим, как, начиная с 1891 года, оппортунистическое крыло партии постоянно подымает голову. В 1892 году на Берлинском партийном с'езде оно выплывает и терпит поражение в форме государственного социализма; в 1894 году во Франкфурте баварское голосование за бюджет дает повод к бурным дебатам, в которых оппортунистическое направление опять получает основательную отповедь. В 1895 году в Бреславле погоня за практическими успехами находит себе выражение в форме аграрного социализма, чтобы опять разбиться о принципиальную стойкость партии в практической работе. Наконец, мы имели в Штутгарте, после ряда специальных партийных вопросов, общую принципиальную дискуссию с оппортунизмом, благодаря той самоновейшей законченной отделке, которую он получил в области теории—у Бернштейна и на практике—у Гейне.

Результаты дискуссии ясны для всех,—оппортунизм и на этот раз был разбит на-голову. Партия единодушно заявила, что остается верна своей конечной цели, заключающейся в завоевании власти для уничтожения капиталистического строя; что не делает себе ни малейших иллюзий относительно социальных реформ и о возможности незаметного, постепенного перехода в социалистический рай, а наоборот, предвидит социальные и политические катастрофы и исполнена решимости быть всегда наготове и принимать на себя руководящую роль; что, наконец, не только не будет вести политики уступок современному государству, но будет про-

должать борьбу с ним на-смерть. Настроение партийного с'езда после дискуссии было самое подавляющее для немногих представителей оппортунизма, которым сначала казалось, что они могут констатировать «хорошее настроение» (см. первую речь Фольмара), а к концу они были вынуждены отказаться от всякой защиты своих взглядов в общих дебатах.

Таким образом, мы имеем полное основание быть довольными результатами дискуссии. Однако, мы хотели бы прибавить несколько критических замечаний по поводу линии поведения наших «стариков» в этой дискуссии. Нам было бы гораздо приятнее, если бы ветераны партии с самого начала дебатов приняли участие в сражении, тогда как на самом деле они пытались, наоборот, устранить самую возможность дебатов, отклонив внесенное единственно разумное предложение об особом пункте порядка дня, имевшее целью открыть и облегчить ведение дискуссии о тактике. Если, тем не менее, дискуссия была открыта, то произошло это вопреки поведению руководителей партии, а не благодаря им. Такой образ действий можно об'яснить опасениями относительно исхода дебатов, но это дает лишь повод к новому упреку по адресу наших стариков, что они неправильно оценили настроение партии и проявили столь мало решимости любою ценой и со всей энергией выступить против вредного уклона. Сперва они предоставили дебаты своему течению и целых два дня спокойно приглядывались к «настроению», а вмешались только тогда, когда вожаки оппортунизма вынуждены были заговорить ясным языком, и то еще неодобрительно отозвались о «слишком остром тоне» тех, точку зрения которых затем полностью поддержали. Подобная тактика не годится для партийных вождей в столь важном вопросе. Точно также и заявление Каутского, что он до сих пор не высказал своего мнения о теории Бернштейна, так как предполагал взять себе заключительное слово в ожидавшихся дебатах, представляет, на наш взгляд, слабое оправдание. В феврале он публикует в Neue Zeit статьи Бернштейна без всякого редакционного примечания и затем четыре месяца хранит молчание. В июне он открывает дискуссию несколькими комплиментами Бернштейну по поводу его «новых» точек зрения, этой новой песни на старый мотив катедер-социализма, затем опять умолкает на целых четыре месяца, тянет до партийного с'езда и, наконец, во время прений заявляет, что собирался произнести «заключительное слово». Мы желали бы, чтобы наш, так сказать, официальный теоретик высказывал всегда по важным вопросам собственное «свое» слово и не прятался за «заключительное слово», создавая ложное и тягостное впечатление, будто он сам долго не

знал, что хочет сказать. Наполеоновская гвардия появлялась всегда на поле брани к концу сражения, но нашу старую гвардию мы привыкли постоянно видеть в первой линии огня. Мы сейчас убедимся при рассмотрении одного пункта порядка дня, что ее нерешительность имела и практически отрицательные последствия.

II

Таможенная и торговая политика была единственным вопросом, по которому принципиальным результатам общих дебатов о тактике суждено было получить практическое выражение. В резолюции Каутского и резолюции Шиппеля столкнулись две кардинально противоположные точки зрения. Первая из них требовала от социал-демократии принципиальной постановки таможенного вопроса, между тем как вторая, уклоняясь от всяких принципиальных толкований, стремилась тактику социал-демократии по таможенному вопросу поставить в зависимость от того или другого положения промышленности в каждый данный момент, т.-е. перенести эту тактику на почву оппортунизма. Исходя из этого, следует прежде всего заметить, что формулировка резолюции Каутского отнюдь не соответствовала важности проблемы. В самом деле: какие мотивы нашего отрицательного отношения к охранительным пошлинам приводит эта резолюция? Во-первых, вредную роль пошлин на предметы первой необходимости; во-вторых, вред связанного с охранительными пошлинами картелирования промышленности; в-третьих, финансовую поддержку милитаризма при помощи таможенных доходов; в-четвертых, наконец, препятствия, которые ставят международные таможенные войны осуществлению братства рабочих различных наций. Однако, все эти обстоятельства могут лишь подтверждать целесообразность нашей оппозиции охранительным пошлинам, но они совершенно не могут дать принципиального обоснования нашей тактики по таможенному вопросу; более того, резолюция обосновывает нашу принципиальную позицию, собственно говоря, лишь сопровождающими охранительные пошлины явлениями, каковы: вздорожание предметов первой необходимости, картелирование, усиление милитаризма, отрицательное влияние на интернационализм. Между тем, принципиальная основа нашей тактики в этом вопросе может лежать лишь в самом существе охранительных пошлин и только из него может быть выведена. Эта сторона вопроса коренится в одном свойстве охранительных пошлин, которое в мотивировке резолюции Каутского выдвинуто не было, а именно: в их

реакционном характере с точки зрения общего капиталистического развития. В современной стадии международного капитализма таможенная система не способствует уже более развитию промышленности, а охраняет лишь на известной высоте предпринимательскую прибыль против иностранной конкуренции, поддерживает лишь известную норму прибыли. Но тем самым пошлины тормозят промышленность, искусственно поддерживая вместе с высокими прибылями также и отсталые методы производства, и таким путем замедляют весь ход капиталистического развития, а следовательно, отодвигают момент крушения современного экономического строя и нашу победу. Только этот общий реакционный характер и должен служить принципиальной основой отрицательного отношения социал-демократии ко всякой охранительной пошлине. Эта сторона вопроса не была выдвинута в резолюции Каутского, которая в обосновании нашей таможенной политики ограничивается повседневными интересами рабочих, тогда как принципиальная политика по всякому данному вопросу может быть обоснована лишь в связи с нашими конечными целями.

Правда, 3-й пункт резолюции Каутского гласит, что «германская промышленность подвинулась вперед достаточно далеко, чтобы не нуждаться в таможенной охране», чем уже в некоторой мере констатируется тот факт, что развитие промышленности опередило таможенную охрану; но это, во-первых, только одна половина истины; другой, несравненно более важный факт заключается в том, что таможенная система стала в настоящее время тормозом для промышленного развития. Во-вторых, этот пункт средактирован так, что не выражает всеобщий характер современного промышленного развития с точки зрения наших интересов, а, наоборот, выражает нашу готовность при установлении нашей таможенной политики считаться с интересами промышленности. По своему смыслу 3-й пункт резолюции Каутского отрицает таможенную охрану не потому, что она превзойдена развитием капитализма, а на том основании, что она в настоящее время для промышленности уже не нужна. То-есть опять-таки аргументация не принципиальная, а по соображениям целесообразности.

Во всяком случае, даже в своей первоначальной ослабленной редакции, 3-й пункт был единственным в резолюции, формулировавшим хотя бы в некоторой степени принципиальную точку зрения социал-демократии по таможенному вопросу, и потому он тотчас же вызвал величайшее сопротивление со стороны приверженцев оппортунизма в таможенной политике. Как Ш и п п е л ь, так и Ф о л ь м а р и некоторые другие товарищи заявили категорически, что подпишут резолюцию Каутского, если 3-й пункт отпадет или

будет изменен. Не нужно было лучшего доказательства того, что приверженцам принципиальной таможенной политики следовало настаивать на сохранении этой части резолюции или, вернее говоря, внести в ее редакцию еще большую ясность и последовательность. Однако, Каутский, Бебель с товарищами, напротив, ухватились за это обстоятельство, чтобы возможно скорее восстановить гармонию между обеими противоположными точками зрения и сейчас же согласиться на маленькое изменение в редакции 3-го пункта, при чем он окончательно формулирован так, что в настоящее время германская промышленность может «в общем» обойтись без таможенной охраны.

Сам по себе термин «в общем» представляет очень невинную добавку, он выражает общеизвестный факт, так как было бы нелепо утверждать, что все отрасли германской промышленности одинаково легко способны выдержать конкуренцию. Но при данных обстоятельствах, в той связи, которая дана была дебатами, этот невинный термин обозначал не что иное как отказ от той крупицы принципиальной мотивировки, какая заключалась в резолюции Каутского, и компромисс с точкой зрения Шиппеля. Ибо вставка выражения «в общем» должна была послужить не для того, чтобы только констатировать общеизвестный и в данном случае не имеющий значения факт различной степени развития отдельных отраслей германской промышленности, а чтобы нашу практическую таможенную политику поставить в зависимость от этого факта.

В самом деле, для Шиппеля важнее всего было, чтобы мы не связывали себя общим принципом, а считались в нашей таможенной политике с интересами и положением каждой отдельной отрасли промышленности. На это, главным образом, и была направлена вся его аргументация. Вставкой выражения «в общем» в 3-м пункте резолюции Каутского его цель была достигнута. Но что же иное означает это различение отдельных отраслей промышленности в таможенном вопросе, как не то, что мы в этом вопросе становимся на точку зрения предпринимательской прибыли? Даже буржуазные наши протекционисты не требуют одинаковой таможенной охраны для всех отраслей промышленности. И они считаются с различной конкурентоспособностью отдельных отраслей промышленности. Напротив, наша позиция, принципиальная позиция, может и должна характеризоваться единственно лишь выдвиганием общей тенденции промышленного развития и интересов наиболее передовых отраслей промышленности, в противовес разрозненным промышленным интересам и ступеням развития. Как подлинный характер рабочей партии, имеющей принципиальное миросозерцание, в том и заключается, что

разрозненным и временным интересам различных рабочих групп мы противопоставляем общие и постоянные интересы класса в целом, точно так же наша принципиальная позиция во всех жизненных вопросах буржуазного общества состоит в том, что мы против их разрозненных групповых интересов выдвигаем интересы капиталистического развития в целом. Так мы поступаем, например, в вопросе о восьмичасовом рабочем дне, к введению которого очень многие отрасли промышленности в настоящее время, несомненно, далеко еще не созрели. В таможенном вопросе основной пункт разногласия между принципиальной и оппортунистической точкой зрения как раз и заключался в том, следует ли стать на почву развития в целом и утверждать, что таможенная охрана представляется, по существу реакционной, или стать на почву единичных промышленных интересов, и признавать ее, от случая к случаю, то прогрессивной, то реакционной. Резолюция Каутского выражала, хотя и в неясной форме, принципиальную точку зрения. Благодаря вставке выражения «в общем», в виду того значения и мотивировки, которые эта вставка получила в дебатах, в виду того факта, что именно эта вставка помирила уклон Шиппеля с резолюцией Каутского,—резолюция потеряла свой принципиальный характер. Это явствует и из другой стороны дела. Вставка «в общем» мотивировалась тем, что мы не должны связывать нашу парламентскую фракцию в таможенном вопросе жесткой общей директивой, а предоставить ей свободу действия в зависимости от меняющихся условий. Но что означает в данном случае «свобода действия»? Ведь ясно, как день, что принципиальной резолюцией против таможенной охраны мы не препятствуем нашим представителям в рейхстаге голосовать за сокращение пошлины точно так же, как в нашем стремлении в 8-часовому рабочему дню мы голосовали бы и за закон об 11-10,-и 9-часовом рабочем дне. Поэтому в данном случае «свобода действий» может означать лишь обратное, свободу наших представителей голосовать при известных обстоятельствах в интересах отдельных отраслей промышленности за повышение пошлин или же, по крайней мере, не голосовать против него. Но это и есть шиппелевская точка зрения, которую резолюция Каутского хотела устранить, это и есть то, что нужно было предотвратить.

Поэтому в окончательной своей редакции резолюция Каутского не дает партии в таможенном вопросе, по нашему мнению, ни принципиального, ни практического руководящего начала. И та готовность, с которой Каутский, Бебель и другие редакторы резолюции пошли на компромисс с Шиппелем в форме маленькой вставки, доказывает нам, что они в ходе дебатов сами себе не уяснили, в чем в данном

случае заключался центр тяжести позиции, которую они должны были занять против оппортунистов. По той же причине мы считаем, что формально шиппелевская точка зрения по таможенному вопросу осталась неопровергнутой, несмотря на то, что Каутский выдвинул против нее в своей речи столько веских аргументов. Мы не имеем возможности заняться здесь подробным разбором постановки вопроса у Шиппеля. Мы сделаем это в другом месте.

III

Если в вопросе о таможенной и торговой политике партийный с'езд, по нашему мнению, оставил фракцию без всякой руководящей нити относительно ее дальнейшей тактики, то по двум другим важным вопросам—о колониальной политике и о милитаризме, после дебатов в Штутгарте не может уже больше оставаться ни малейшего сомнения относительно воли и точки зрения партии. Отчет о парламентской деятельности нашей фракции и связанные с ним дебаты были вообще, на наш взгляд—рядом с общими дебатами о тактике и дебатами о таможенном вопросе—самым важным и в то же время самым светлым моментом в работах Штутгартского с'езда.

Не один раз уже было высказано, что по мере того как мы становимся большой партией, изо-дня в день растут также трудности, связанные с нашей деятельностью. Нигде, может быть, это утверждение не оправдывается в такой мере, как в области парламентской деятельности наших представителей в рейхстаге. Роль социал-демократии в буржуазном законодательном органе заранее уже чревата внутренними противоречиями. Принимать участие в положительной законодательной работе, по возможности с практическими результатами, и в то же время осуществлять на каждом шагу точку зрения принципиальной оппозиции капиталистическому государству,—такова в общих чертах трудная задача наших парламентских представителей. Выполнение этой задачи тем легче, чем незначительнее число этих представителей. Маленькая фракция, не идущая в счет при голосовании проектов, силою вещей осуждена на отрицательную преимущественно тактику. В таком положении социал-демократическая фракция имеет главную задачу—говорить через голову парламента. Но с каждыми новыми выборами в рейхстаг фракция растет, и в настоящее время она выросла уже в такой мере, что может играть, при известных обстоятельствах, значительную роль в рейхстаге. В связи с этим ее отношение к законодательной работе тоже неизбежно должно измениться. И здесь количество

должно неминуемо перейти в качество. Во время дебатов в Штутгарте Зингер заявил, в совершенно иной связи: «Вообще, я полагаю, что мы теперь стали слишком большой и слишком сильной партией, чтобы выдвигать проекты, в абсолютной бесполезности которых мы заранее убеждены». Это характерное признание доказывает, что наша фракция в полной мере понимает свое изменившееся положение, оно указывает также, в каком направлении должна произойти перемена: исключительно демонстративно агитаторский элемент в практической деятельности еще более отходит на задний план, чем до сих пор, положительная работа выступает на первое место. Но основная позиция нашей фракции не должна при этом измениться ни в малейшей степени, в этом и заключается вся трудность положения. Основная позиция во всех случаях должна оставаться совершенно той же, какою она была дана нашей программой и нашей традицией. Изменению подлежит лишь метод, способ выражения этой позиции. Раньше программа при всяком удобном случае излагалась с трибуны в своей голой и абстрактной форме; теперь ее приходится все больше переносить в плоскость нашего отношения к законодательству по самым мелким практическим вопросам повседневной жизни. Найти средний путь между сектантским отрицанием и буржуазным парламентаризмом,—вот, по существу, та трудная проблема, которая стоит перед сильным социал-демократическим меньшинством.

Но одновременно с тем, как рост социал-демократической фракции ставит ее лицом к лицу с все более трудными задачами, справиться с ними становится еще труднее потому, что этот рост влечет за собой, с другой стороны, новые трудности, связанные с изменением состава фракции. С каждыми новыми парламентскими выборами в фракцию притекают все более свежие и молодые элементы, лишенные того большого опыта и закала, которые даются многолетней борьбой. И что здесь, по нашему мнению, особенно важно, так это не наша позиция по важнейшим вопросам законодательства, которая может быть установлена прямыми решениями партии, либо определяется традициями фракции, а весь наш подход к пониманию общей роли парламентаризма в социал-демократическом движении, выяснение того особого, совершенно своеобразного характера, какой должно иметь социал-демократическое представительство в парламенте, в отличие от всякого буржуазного представительства. Этот специфический способ понимания пролетарского парламентаризма не может быть привит резолюциями партийного с'езда. Но ему мы должны придавать особенное значение, и его-то мы и не находим, как показали дебаты в Штутгарте, по крайней мере, у некоторых из наших представителей.

Как нам ни неприятно, в качестве примера мы опять должны привести тов. Гейне. В своем докладе тов. Вурм упомянул, что Гейне был призван фракцией к ответу по поводу известного своего выражения о политике компенсаций, но тотчас же был реабилитирован, после того как заявил, что не имел в виду классового государства. Мы оставляем в стороне, что нелепо говорить о вотировании пушек социалистическому «государству», что, следовательно, выраженный тов. Гейне взгляд мог относиться только к классовому государству [1]). Для нас важнее то обстоятельство, что фракция поспешила свести инцидент с Гейне к простому формальному недоразумению, вызванному якобы неточным газетным сообщением, а не усмотрела в мысли, выраженной тов. Гейне, коренное отличие от обычного партийного понимания всей политической борьбы и не выступила против такого взгляда, как это следовало сделать в интересах партии. Но дело здесь заключается именно в различном способе понимания, а не в простом недоразумении с нашей стороны, и это доказывается неопровержимо поразительной мыслью, высказанной Гейне в одной из своих речей на Штутгартском с'езде. По его мнению, народ располагает лишь двумя орудиями борьбы: револьвером и правом вотума в парламенте. Если мы не бланкисты и не держим курс на уличную революцию, полагает Гейне, то всю энергию мы должны направить на второе боевое оружие—на право вотума наших парламентских представителей. Вурм, Шенланк, Зингер блестяще доказали, что такое понимание ошибочно, неверно, нелепо. Но,—чего не было сказано по адресу Гейне,—оно хуже, чем неверно, оно абсолютно не социал-демократично. Это не ошибочная мысль социал-демократа. Это верная мысль буржуазного демократа, ошибочно считающего себя социал-демократом.

В самом деле, Гейне знает только два завещанных нам буржуазным либерализмом политических средства борьбы: баррикады и парламентаризм. Он не знает и не замечает, однако, единственное третье боевое средство, специфический продукт социал-демократической работы, новую силу, которой мы обязаны прежними нашими успехами и на которую мы должны рассчитывать прежде всего в грядущих боях,—силу классового сознания пролетариата. Для Гейне эти слова представляют пустую фразу. «Классовое сознание пролетариата», как прямое средство борьбы,—это

---

[1]) Несомненно, что Роза Люксембург обнаруживает здесь господствовавшую в то время неясность о сущности пролетарской диктатуры. Но это не исключает того факта, что Вольфганг Гейне употребил лишь дешевенькую фразу, чтобы оправдать свой поступок. При пролетарской диктатуре политика компенсаций: пушки в обмен на народные права—явно бессмысленна.

для него нечто безжизненное, неуловимое, воображаемое. И все-таки только эта невидимая сила привела в прусском ландтаге, где мы не имеем представителей, к провалу реакционного законопроекта Рекке [1]). И все-таки только под давлением народной воли, воздействовавшей непосредственно с улицы на венское правительство, министерство Бадени было свергнуто без единого выстрела. И все-таки не ружейная пальба, не отказ от вотирования бюджета, а просто выраженная при помощи вотума народная воля отбросила в 1890 г. железного канцлера, как старый хлам. И все-таки не что иное как невидимое давление сознательного пролетариата вынуждало до сих пор у имперского правительства и у германского рейхстага те убогие школьные реформы, которыми мы теперь обладаем, так как наше «право вотирования», при незначительном числе наших представителей, является лишь призрачным. Кому недоступно понимание этой силы, понимание того, что именно и отличает социалдемократическое движение от всякой буржуазной партийной борьбы, кто разделяет веру во всемогущество права парламентского голосования, тот никак не может представлять в парламенте правильную пролетарскую точку зрения при настоящей усложнившейся ситуации. И, как уже сказано, мы ставим в укор нашей старой фракции, что она в свое время так легко оправдала точку зрения тов. Гейне и не взвесила вопрос гораздо глубже и серьезнее.

При таком серьезном положении, создающемся для нашей возросшей фракции в рейхстаге, тем более бодрящее впечатление производит отчет представителя фракции тов. Вурма. Он удовлетворяет не только в смысле мотивировки точки зрения фракции по вопросам колониальной политики и милитаризма; как нельзя более кстати пришлись к моменту полная ясность, внесенная тов. Вурмом в свою речь, проникавшая ее свежая и бодрая струя, отчетливое понимание особого положения пролетарского представительства в рейхстаге. Новая фракция во всем своем составе должна принять, как обязательную директиву, то живое одобрение, с которым партийный с'езд встретил отчет наших представителей истекшей сессии рейхстага. Но из прений в Штутгарте мы делаем еще один вывод. Как уже было сказано, мы считаем невозможным, чтобы в одних только резолюциях партийного с'езда парламентская фракция могла найти достаточную руководящую нить для своей деятельности при тех трудных условиях, которые создаются в двоякого рода смысле ростом нашего представительства в рейхстаге. Единственное средство облегчить фракции стоящую перед нею трудную задачу мы видим в том, чтобы фракция в еще большей степени,

[1]) Lex Recke—попытка ухудшить право коалиций.

чем до сих пор, сохраняла постоянный контакт со всей партией в целом. Для этого необходимо, с одной стороны, чтобы партийная пресса еще больше использовала отчетный материал, больше поддерживала деятельность фракции помощью оценки того, что уже сделано, и выражением пожеланий относительно того, что еще предстоит сделать. С другой стороны, необходимо также, чтобы сама фракция искала по всякому поводу возможно теснейшего контакта со всей партией и с надлежащей серьезностью относилась к мнениям отдельных ее членов и, что еще важнее, к общему их способу мышления.

О ТАКТИКЕ[1])

Во вчерашнем номере мы воспроизвели в существенных частях рассуждения тов. «гр» [2]) из «Форвертс'а». Здесь мы остановимся лишь на двух пунктах.

1. Когда он говорит об «усвоенных известными партийными кругами и вряд ли полезных для партии способах борьбы и тоне, которые могут считаться подходящими для партийной оппозиции, но безусловно не подобают центральному органу партии», то прежде всего он имеет в виду, несомненно, нашу газету.

Товарищ из «Форвертс'а» понимает, очевидно, «оппозицию» не в общепринятом смысле, как направление, выступающее против общего течения, против всего целого, а как направление, которое высказывается громче всех; он различает направления не по их политическому содержанию, а по тому, заявляют ли они о себе громко или тихо. Такой глубокий способ понимания напоминает нам ту нежную даму, которая заметила в шекспировских трагедиях только непристойность выражений.

Но если редакторам «Форвертс'а» нехватает собственного понимания, то хотя бы прения Штутгартского партийного с'езда должны были их научить лучшему пониманию традиционной тактики партии, ибо партийный с'езд раз'яснил в форме, достаточно вразумительной и для менее дальновидных политиков, что в партии не существует левой оппозиции, а имеется только правая оппозиция. Партия в целом стоит, как стояла всегда, на нашей точке зрения; в оппозиции к партии находятся лишь те товарищи, которые тяготеют к оппортунизму, приверженцы исключительно «практической политики». И если те, которые защищали старую точку зрения партии против оппортунистических уклонов отдельных товарищей, должны были заговорить во весь голос, то про-

[1]) Напечатана в Sächsische Arbeiterzeitung 13 октября 1898 г.
[2]) Георг Граднауэр—редактор Vorwärts'a

изошло это как раз по вине редакции «Форвертс'а», которая считала совершенно неслышное пианиссимо подобающим языком для центрального органа.

2. Тов. «гр» формулирует об'ект спора между революционным и оппортунистическим направлением партии такими словами: здесь—«обнищание и крах», там—«под'ем и развитие», и этим доказывает, что имеет самое смутное представление не только о взаимной позиции спорящих сторон во всей партии, но и о содержании всего спора. Противопоставление «обнищания» и «под'ема», которым, по его мнению, характеризуется традиционно-партийное и оппортунистическое направления, формулирует, на самом деле, нечто совсем иное, а именно, противоположность между анархизмом и социализмом. Только анархисты спекулируют на обнищании масс, почему они и должны вполне последовательно рассматриваться как политические и теоретические представители люмпен-пролетариата. Совершенно обратно, для социал-демократии базисом служит всегда под'ем рабочего класса, улучшение его положения. Тов. «гр» слышал уже, вероятно, о «проклятом отсутствии потребностей» у рабочих, против которого в свое время гремел Лассаль. Исходной точкой агитации является для социал-демократии не абсолютное обнищание рабочего класса, а относительное сокращение его доли в созданном им общественном богатстве, при чем это сокращение может итти и фактически идет рука об руку с абсолютным повышением жизненного уровня. Таким образом, тенденция капиталистического развития, способствующая под'ему пролетариата, служит общим базисом для социал-демократии в целом, а не для особого направления внутри социал-демократии.

Соответственно этому внутри социал-демократии не может быть речи о том, достижимо ли что-нибудь для пролетариата путем практической работы на почве существующего общественного строя, или же следует «все ожидания возлагать на катастрофу». Повседневная практическая деятельность с целью улучшения положения рабочего класса является, по существу, единственным способом всякой вообще социал-демократической деятельности и работы, направленной к сокрушению капитализма. Основной вопрос всего спора совсем иной, а именно: имеет ли эта повседневная практическая борьба, профессиональные союзы, социальные реформы, демократизация государства, имеют ли они непосредственное социализирующее влияние, превращающее капиталистическое общество в социалистическое незаметно, при помощи простого социального перерождения тканей, т.-е. осуществляют ли они постепенно социализм,—такова точка зрения оппортунизма,—или же практическая борьба служит лишь для того, чтобы материально укреплять рабочий класс, по-

литически организовать и просвещать его, подготовлять его к устранению капиталистического общества и водворению социализма путем политического и социального переворота. Под вопросом стоит опять-таки не повседневная положительная борьба сама по себе, которая именно и служит политическим признаком социал-демократии в целом, в отличие от анархизма, а понимание значения и социальных последствий этой борьбы в связи с тем или другим ходом об'ективного капиталистического развития.

Столь же ошибочно другое противопоставление тов. «гр»— «катастроф» и «развития». Если тов. «гр» забыл своего Гегеля, то мы ему советуем перелистать хотя бы великолепную главу о количестве и качестве в энгельсовском «Анти-Дюринге», чтобы убедиться в том, что катастрофы представляют собою не противоположность развитию, а отдельный момент, фазу развития, что тот, кто на линии развития не замечает «узлов», так же мало улавливает сущность развития, как тот, кто, наоборот, представляет себе ход вещей, как ряд непосредственных катаклизмов (переворотов). Представление о развитии, как незаметном, исключительно мирном процессе взаимного перехода различных фаз и ступеней развития, характерно как раз для мещанского, пошлого способа понимания, в противоположность диалектическому пониманию научного социализма, который мыслит себе движение общества в форме противоречий и поэтому считает катастрофы в известные моменты неизбежными. Итак, именно мы, в согласии с традиционным пониманием партии считающие неизбежной социальную катастрофу как форму перехода капитализма в социалистическое общество и устремляющие внимание рабочего класса на эту предстоящую ему конечную цель, именно мы, и только мы стоим на почве развития, как его понимает научный социализм, а не мелкобуржуазные «паникеры».

В заключении тов. «гр», имеющий, как было показано, самое фантастическое представление о содержании и взаимоотношении борющихся направлений, дает еще удивительное, нарочито сфабрикованное «материалистическое» истолкование существующих разногласий, как они отражаются в его уме. Оба направления стоят, по его мнению, на чисто пролетарской почве; оба направления партии являются лишь теоретическим отражением противоречия, существующего внутри промышленного рабочего класса. А именно, существуют, по мнению «гр», пролетарские слои, которые улучшают свое положение, подымаются и потому больше ценят практическую деятельность. и другие слои, как например, рабочие домашней промышленности[1]), которые все более и более нищают и по-

[1]) Т.-е. работающие на дому.

тому отчаиваются в улучшении своей доли при капитализме. Представителями первых являются Фольмар, Гейне, Пэус, Фендрих, представителями вторых—Либкнехт, Цеткин, Каутский, Зингер, Бебель и вся партия в целом. С этой «материалистической» теорией его постигло несчастие: по недосмотру он изобразил оппортунистическое направление партии представителем подымающегося, наиболее прогрессивного, основного ядра промышленного пролетариата, а революционное направление—представителем рабочих домашней промышленности, самого отсталого слоя рабочего класса, коснеющего в болоте мелкобуржуазных взглядов...

Тов. «гр» в своем «материалистическом» построении забыл опять-таки основной тезис социал-демократической концепции, а именно, что сущность социал-демократии, как таковой, в том как раз и состоит, что она, в противоположность различным разрозненным группам и слоям пролетариата, представляет его развитие и интересы в целом. И если бы в социал-демократии когда-нибудь действительно одержали верх отдельные слои рабочего класса, с их различными интересами и стремлениями, то это повело бы не к тактическим противоречиям, а к разложению, к краху социал-демократии, как таковой. Фактически же такая опасность не грозит социал-демократии, пока она вообще стоит на пролетарской почве, так как она совершенно не в состоянии представлять интересы опускающихся, обнищавших слоев рабочего класса; эти слои, опустившись ниже уровня своего класса, выпадают из него и переходят в ряды люмпен-пролетариата, а вместе с тем исчезают с поля непосредственной деятельности социал-демократии. Пока она существует, как таковая, она представляет только промышленный пролетариат в целом, и если, подобно «гр», искать «более глубокой материальной основы» для различных течений в партии, то искать ее следует не внутри пролетариата, а на пограничной линии между пролетариатом и его социальным соседом—мелкой буржуазией. Все искусственное построение «гр» с двумя слоями пролетариата имело целью устранить из дебатов мелкую буржуазию; предпосылкой его служит разложение социал-демократии, а в результате получилась та нелепость, будто оппортунистическое направление представляет революционный элемент рабочего класса, а революционное направление—его реакционный элемент. Достаточно перевернуть эту нелепую форму, чтобы прийти к единственно правильному толкованию, которое «гр» как раз хотел во что бы то ни стало опровергнуть: что партия в лице своего революционного ядра представляет промышленный пролетариат, а оппортунистическое крыло—проникшие в партию мелкобуржуазные элементы.

Тут напрашивается сам собой еще один вопрос. Если одно из борющихся направлений в партии представляет подымающиеся, а другое—опускающиеся слои рабочего класса, то какому же слою пролетариата дает выражение редакция «Форвертс'а», занимающая среднее место между обоими направлениями? Занимая во всех спорных вопросах, по выражению тов. «гр», «промежуточную по существу позицию» между оппортунистическим и революционным направлениями, она должна, очевидно, представлять какой-нибудь слой пролетариата, который не подымается и не опускается, не движется ни вперед, ни назад. Не будет ли это слой оловянщиков (политических болтунов), которые, полагаем, представляют «совершенно несокрушимую фалангу», если не в германской промышленной статистике, то хотя бы в политике?..

К ПРЕДСТОЯЩЕМУ ПАРТИЙНОМУ С'ЕЗДУ [1])

Через несколько недель представители германской социал-демократии соберутся в Ганновере на свой ежегодный с'езд. По этому поводу буржуазная печать заранее уже изощряется в остроумных и глубокомысленных соображениях и пророчествах. Пусть сотрясают воздух, мы от всего сердца предоставляем им это дешевое удовольствие и идем, как всегда, спокойно своим путем. Партийный с'езд в Ганновере также выполнит свой долг, и мы считаем своевременным сделать в сжатых чертах общий обзор значения и задач с'езда и тех вопросов, которые подлежат его обсуждению.

1. К ПОРЯДКУ ДНЯ

(Здесь следует изложение порядка дня, затем указание на дебаты о Бернштейне и Шиппеле, как на важнейшие пункты. Требование доклада о международном социалистическом конгрессе в Париже в 1900 году. Отклонение содоклада оппортунистов, в виду незначительной их численности. Ссылка на Эрфуртский с'езд 1891 года: независимые были тогда безусловно более приемлемы для социал-демократии, чем реформисты).

2. НЕДОРАЗУМЕНИЯ

Центральным пунктом прений будет, конечно, как уже сказано, дискуссия с Бернштейном, Шиппелем и другими представителями оппортунистического направления. После многократных их выступлений становится на очередь,

[1]) Напечатана в Leipziger Volkszeitung 14 сентября 1899 г.

прежде всего, вопрос, существует ли вообще об'ект спора между партией и приверженцами оппортунизма, и в чем он заключается. Если послушать, например, что говорил в Штутгарте Фольмар по поводу дискуссии с Бернштейман, как Гейне и Граднауэр изображают эту тему в своих речах, как отозвался совсем недавно Фишер на собрании второго Берлинского выборного округа, если, наконец, прочесть то, что пишет сам Бернштейн в своей последней статье в «Форвертс'е», то можно было бы прийти к заключению, что весь спор с Бернштейном, поднявший столько пыли, следует, собственно говоря, приписать грубому недоразумению. Бернштейн, как и его приверженцы, не собираются, якобы, предлагать партии ничего нового, их превратно толкуют и вкладывают в их слова совершенно иной смысл.

Если бы это было так, если бы Бернштейн, Фольмар, Шиппель не желали, действительно, ничего нового, а только того, что партия делала до сих пор, тогда оставалось бы только спросить: «К чему весь шум? Что господам угодно?» Тогда следовало бы сказать Бернштейну то, что Бебель сказал в 1891 году Фольмару в Эрфурте, когда выступил против его мюнхенских речей: «Если дело сводилось к тому, чтобы сохранить старую тактику, тогда нечего было вообще произносить эти речи». Если Бернштейн не собирался посоветовать партии что-нибудь новое, то его статьи, письма и его книга были точно так же совершенно излишни.

Далее, особенно подозрительной делает эту гипотезу о недоразумении то обстоятельство, что до сих пор, где и когда ни появлялись перед нами оппортунистические уклоны и как только они встречали отпор со стороны партии, они моментально превращались в такие «недоразумения». В Эрфурте, когда партией было установлено первое проявление этого уклона, в форме упомянутых выше мюнхенских речей Фольмара, последний заявил: «Напрасно говорят о моей новой тактике, я вовсе не желаю совершенно новой тактики, я стою на почве старой тактики, и желал бы только, чтобы она проводилась более последовательно». Но на это целый ряд ораторов, в том числе и тов. Ауэр, ответили ему: «Фольмар как в своей речи, так и в своей брошюре выступил, безусловно, за необходимость изменения прежней тактики».

В таком же смысле высказался и Шенланк: «Мюнхенские речи господина Фольмара было бы гораздо естественнее слышать из уст представителя народной партии [1]), чем социал-демократа... По поводу случайного события, по по-

---

[1]) Здесь имеется в виду свободомыслящая народная партия, предшественница современных демократов.

воду падения Бисмарка он требует изменения тенденции всего нашего движения, не только тактики; на место революционной партии, полагающей, что только, изменив способ производства, можно устранить современное угнетение рабочего класса, он хочет подставить мирную буржуазную рабочую партию, он хочет насытить нас жалкими крохами!»

Наконец, и Бебель констатировал: «Если Фольмар в настоящий момент категорически заявляет, будто ему и в голову не приходило желать новой тактики, то это абсолютно неверно. Фактически Фольмар хочет... водворить в партии совершенно новую тактику».

И затем Бебель приводил еще следующие соображения: «В подтверждение того, что речи его не так поняты, Фольмар привел из них ряд цитат. Но вот что при всем том очень странно: Фольмар считает себя вынужденным опубликовать свою речь, произнесенную 1 июня, так как ее неверно передавали; затем он считает себя опять вынужденным произнести в дополнение еще одну речь, которая должна была послужить истолкованием для первой речи. Но после того как обе речи уже были опубликованы, он вынужден произнести здесь третью речь, которую следует опять рассматривать как истолкование первой и второй речи».

Здесь мы имеем в точности историю бернштейновских статей в Neue Zeit, которые ему пришлось истолковывать в письме к партийному с'езду, после чего он написал книгу, чтобы комментировать статьи и письмо, а затем опять последовали статьи в Neue Zeit и в «Форвертс'е», которые должны были защитить книгу от недоразумения, и после всего этого Бернштейн теперь точно так же считает себя совершенно неправильно понятым своими критиками, как Фольмар в 1891 году.

В промежутке между этими двумя конечными моментами в развитии оппортунизма, между первыми речами Фольмара и книгой Бернштейна, «недоразумение» повторялось неизменно при каждом его выступлении. Весь шум из-за гейневских предложений компенсаций (пушки в обмен на народные права) был ведь тоже чистым недоразумением, ибо тов. Гейне имел в виду лишь вотирование пушек социалистическому правительству, а не капиталистическому.

Защита Шиппелем милитаризма и осмеяние милиционной системы были простым плодом воображения людей, которые его совершенно неправильно поняли. Это «недоразумение» сопровождало Шиппеля во всех его выступлениях столь систематически, что когда он на Гамбургском с'езде опять как-то заявил: «Вчерашние мои слова были, повидимому, неправильно поняты», ему ответили шумом и смехом. В партии уже привыкли к тому, что всякий раз, когда оппорту-

низму грозит опасность быть притянутым к ответу, заходит речь о «недоразумениях».

Именно это обстоятельство и делает, как уже сказано, гипотезу о вечном недоразумении крайне подозрительной. Систематическое появление этой гипотезы можно об'яснить лишь двоякого рода причинами. Отчасти это просто желание уклониться от об'яснений каждый раз, когда какое-нибудь заявление или действие вызывает неблагоприятный отзыв или отпор. Этот мотив выступает очень ясно у товарищей Фольмара и Шиппеля. В Эрфурте Бебель откровенно и недвусмысленно констатировал, что Фольмар отказался от своих взглядов и прикрылся «недоразумениями», лишь бы избегнуть направленной против него резкой резолюции.

Другая причина, более общего характера, имеющая отношение главным образом к теории Бернштейна, заключается в своеобразии этих теорий. Самое опасное в них— окончательные выводы, те последствия, которые вытекают из них для движения. Все противники Бернштейна в нашей партии согласны в том, что общий окончательный вывод из его взглядов сводится к банкротству социалистической классовой борьбы. Но Бернштейн пугается этих выводов. Он уверяет, что не желает такого результата и к нему не стремится. И в известном смысле он прав, а именно—в суб'ективном смысле. Было бы нелепостью приписывать Бернштейну, будто он стремится уничтожить рабочее движение. Однако, дело не в том, что Бернштейн думает и хочет, а в том, к каким результатам приводит его теория об'ективно, независимо от его личности. Тот факт, что Бернштейн не хочет сделать всех выводов из своей концепции или не видит их и останавливается на полпути, стал источником многочисленных недоразумений. Но в недоразумении повинны не те, кто раскрывает истинное содержание его теорий и борется с ним, как отщепенцем, а те, напротив, кто считает его слова и уверения доказательными и не видит в его теориях «ничего нового» с точки зрения основных принципов партии. Это относится, главным образом, к некоторым товарищам из рабочих кругов, которые не имеют времени и возможности продумать дальнейшие выводы бернштейновской концепции или извлечь истинный смысл из всей суммы его рассуждений, хотя бы он и употреблял те же слова, что и партия. Таким образом, недоразумение играет действительно большую роль в дискуссии об оппортунистических теориях, но только не в принятом до сих пор смысле, а в обратном: не борьба против Бернштейна и его приверженцев вызвана недоразумением, а защищают их многие по недоразумению. В этом смысле задача партийного с'езда—вскрыть недоразумения, связанные с оппортунизмом.

3. ПРОТИВОРЕЧИЯ

Истинный смысл противоречий между бернштейновским уклоном и партией как нельзя лучше и яснее характеризуется следующей цитатой из речи Бебеля на Эрфуртском партийном с'езде, при чем только, где он называет Фольмара, следует иметь в виду Бернштейна:

«Фольмар усматривает существенное улучшение в современных политических условиях; он полагает, что взят «новый курс»... Нам рекомендуют вступить на путь соглашательства и стремиться достигнуть экономических и политических улучшений на основе современного государственного и общественного порядка. «Дорогу инициативе!» Незнание и предрассудки делали многих противниками наших стремлений, нам необходимо критическое отношение к самим себе и самоограничение...»

«Я должен заявить, что если бы партия последовала тактике Фольмара и сосредоточила всю свою агитацию ближайшим образом на завоевании этих пяти пунктов (злободневных требований), с предварительным устранением наших основных целей, то я глубоко убежден, что такая борьба оказала бы неизбежно разлагающее влияние на партию. Это означает полный отказ от основной нашей цели. Мы действовали бы как раз обратно тому, что должны бы делать и что до сих пор делали. Мы боролись доныне за все, чего можем добиться от современного государства, но при всех наших достижениях постоянно подчеркивалось, что это лишь мелкая уступка, абсолютно ничего не меняющая в истинном положении вещей. Мы не должны упускать из виду всю совокупность условий, и значение и смысл всякой новой уступки заключаются для нас лишь в том, чтобы лучше укрепить позиции, на которых мы сражаемся, чтобы увеличить нашу обороноспособность... Для нас дело заключается в том, чтобы показать массам, как противники там, где они господствуют, отказывают им в самых элементарных и справедливых требованиях. Главную задачу нашей парламентской деятельности составляет это раз'яснение массам роли наших противников, а не вопрос о том, достигнуто ли то или другое очередное требование или нет... Мы представляем интересы рабочего класса в противоположность интересам всех других классов и не можем ни при каких обстоятельствах пускаться на соглашательство, как это рекомендует Фольмар в своей первой и, еще больше, в своей второй мюнхенской речи... Следование его тактике привело бы с естественной необходимостью к тому, что мы, занявшись исключительно агитацией за ближайшие задачи, забыли бы, в конце концов, что представляем собой социал-демократическую партию, забыли бы, что совре-

менное государство и общество являются смертельными врагами социал-демократии, и что соглашательству с ними нет места... До сих пор мы всегда заявляли, что хотим осуществить социал-демократическое общество с устранением современного буржуазного общества и его политической надстройки—современного государства. Для этого мы стремимся завоевать все пути и средства, чтобы облегчить себе борьбу за эту цель. Цель во всей совокупности есть главное, а все остальное имеет лишь второстепенное значение... По обратному толкованию Фольмара, великая общая цель есть пока что лишь несущественная предпосылка, а центр тяжести заключается в ближайших практических требованиях, которых мы должны добиваться. Более острого принципиального противоречия нельзя себе и представить, и партийному с'езду необходимо внести ясность в этот вопрос».

Здесь мы имеем перед собой ясную и точную формулировку противоречий между традиционной партийной концепцией и оппортунистической.

Сущность их заключается во взаимоотношении конечной цели и практической борьбы. Политические свободы и социальные реформы, за которые мы боремся, служат для нас лишь предварительными ступенями для захвата власти в государстве и устранения современного общественного строя; в этой борьбе конечная цель является главным определяющим моментом, и вся борьба носит поэтому характер принципиальной оппозиции. И потому мы прибегаем в этой борьбе лишь к таким средствам, которые совместимы с нашим непримиримым отношением к современному обществу, и используем, далее, самую борьбу, прежде всего, для внесения социалистического сознания в рабочие массы.

С точки зрения оппортунизма получается обратная перспектива. Если всякую политическую и социальную реформу принимать уже за частичное осуществление социализма, т.-е. видеть в них уже цель борьбы, то все средства, ведущие к этой цели, представляются одинаково хорошими. В таком случае безразлично, достигается ли какое-нибудь народное право ценой отдачи голосов реакционной партии, или вотированием пушек, или любым иным средством. При этом, с одной стороны, представляется совершенно излишним социалистическое просвещение масс, ибо зачем же «говорить» о социализме, когда мы его ежедневно тут же осуществляем. «Неужели у нас нет лучшего дела, чем в каждой отдельной речи вечно опять отбарабанивать старый катехизис?»

С другой стороны, если возлагать все свои упования на буржуазные реформы, то позиция социал-демократии теряет

свою прежнюю непримиримость. Беспощадная война со всеми буржуазными партиями, которая имеет смысл лишь в связи с нашей конечной целью, с нашей классовой борьбой, превращается в политическое недомыслие, если всю цель видеть в том, чего можно добиться от буржуазных партий. Тогда путь соглашательства, переговоров, уступок, становится велением политической мудрости, и представляется целесообразным выдвигать, вообще, в борьбе не отделяющие нас от буржуазии, но общие с нею моменты, «соблюдать меру в боевых вылазках против либерализма».

Наконец, из того же источника выдвигания взаимной связанности, общей почвы рабочего класса и буржуазии, и соответственного затушевывания непримиримых классовых противоречий рождается уклон в сторону так называемых национальных интересов, защиты национальной промышленности (ср. речи Шиппеля в Гамбурге), «национальной обороны» (ср. того же Шиппеля и его отношение к вопросу о милиционной системе), тройственного союза (ср. мюнхенские речи Фольмара в 1891 г.), «разумной» колониальной политики (ср. Бернштейна в его «Предпосылках социализма»).

Таким путем оппортунистическая концепция, которая как будто не вносит «ничего нового» в партию, меняет постепенно, коренным образом, весь облик рабочего движения. Программа, тактика, отношение к государству, к внешней политике, к милитаризму,—все ставится вверх ногами, и из революционной международной партии социал-демократия превращается в национально-мелкобуржуазно-социал-реформистскую партию.

4. СВОБОДА КРИТИКИ И НАУКИ

Итак, в споре с оппортунизмом поставлено на карту самое существование социал-демократии. «Такая тактика,—говорил Бебель в Эрфурте,—была бы для партии тем же самым, как если бы у живого организма сломали спинной хребет и после этого от него ожидали прежней жизнедеятельности. Я ополчаюсь против того, чтобы у социал-демократии сломали спинной хребет, т.-е., чтобы ее принцип, классовая борьба против господствующих классов и государственной власти, был вытеснен на задворки путем расхлябанной тактики и борьбы исключительно за так называемые практические цели».

Этот отпор, это противодействие оппортунистическим тенденциям были, казалось бы, вполне понятны. Однако, в последнее время делаются всякого рода попытки оспорить право партии на самозащиту, опорочить даже дискуссию

с оппортунизмом, как нечто недопустимое. Делается это, прежде всего, во имя лозунга свободы критики. Нам говорят, что следует всем предоставить свободу критиковать программу и тактику; более того, мы должны быть благодарны тем, кто своей критикой вносит свежую струю в жизнь партии.

Старая песня: то, что теперь нам преподносят в защиту Бернштейна, мы слышали уже девять лет тому назад из уст Фольмара:

> «Куда же девалась свобода мнений, о которой так часто говорят?»—воскликнул он в Эрфурте, когда Бебель ополчился против его взглядов. «Самостоятельность мысли есть для нас задача первостепенной важности. Но она возможна лишь в том случае, когда, оставляя в стороне клевету, ложь и оскорбления, принимаются с благодарностью мысли любого направления, стремящиеся к благу партии, высказанные лицами, которые, хотя и могут ошибаться, одушевлены добрыми намерениями,—я имею здесь в виду не себя, а говорю вообще. Следовало бы радоваться появлению таких новых точек зрения, способных внести некоторое разнообразие в обычную старую агитационную шумиху».

Не существует, наверное, такой партии, для которой свободная и неустанная самокритика была бы в той же степени жизненным условием, как для социал-демократии. Так как с развитием общества мы должны двигаться вперед, то предпосылкой нашего роста является постоянный процесс изменения также и в наших способах борьбы, а это достижимо лишь путем неустанной критики нашего теоретического достояния. Но при этом само собой понятно, что самокритика в нашей партии лишь тогда выполняет свое назначение, т.-е. способствует развитию, когда движется по линии нашей борьбы, и лишь тогда нужно ее приветствовать. Всякая критика, которая усиливает нашу классовую борьбу за осуществление конечной цели, делает ее более четкой, более целесообразной, заслуживает величайшей благодарности. Но критика, стремящаяся к тому, чтобы повернуть наше развитие вспять и привести нас вообще к отказу от классовой борьбы и от нашей конечной цели, перестает быть фактором прогресса и развития, становится фактором разложения и гибели.

Что сказали бы мы, если бы в нашу «старую агитационную шумиху» кто-либо пожелал внести «разнообразие» при помощи антисемитской агитации? На такое «разнообразие» наши товарищи ответили бы, конечно, не благодарностью, а криком возмущения. Но защита милитаризма, какую вел, например, Шиппель, находится не в меньшем противоречии с нашей программой, чем антисемитизм.

Если бы мы одинаково «радостно» встречали «всякую критику», как ту, которая ведет нас вперед по направлению к цели, так и ту, которая отвлекает нас от цели и вообще зовет к совершенно иным задачам, то мы не были бы сознательно идущей к своей цели боевой партией, а компанией болтунов, которая с большим шумом выступила в поход, сама толком не зная, куда хочет итти, готовая по первому «совету» изменить весь свой маршрут или вообще вернуться домой и погрузиться в «сладкий сон».

Необходимо помнить об одной вещи. Как ни нужна нам свобода самокритики, которой мы предоставляем самые широкие пределы, все же должен существовать известный минимум основных положений, которые составляют нашу сущность, самую нашу квинт-эссенцию, и образуют почву нашей совместной деятельности как членов одной партии. К этим немногим, наиболее общим основоположениям мы не можем применять внутри наших рядов принцип «свободы критики», ибо они ведь являются предпосылками всякой деятельности в наших рядах, а стало быть, и критики этой деятельности. Мы можем прислушиваться к критике, распространяющейся и на эти основные положения, поскольку она приходит извне партии. Но мы должны крепко держаться за эти основные принципы, пока видим в них базис нашего существования, как партии, и не должны допускать, чтобы члены нашей партии их колебали. Здесь мы можем допустить лишь один вид свободы: свободу принадлежать или не принадлежать к нашей партии.

Мы не принуждаем никого итти в наших рядах, но если кто-нибудь добровольно примыкает к нам, то мы должны заранее предположить, что он разделяет эти принципы.

В противном случае, если бы мы согласились предоставить все наши принципы, всю нашу концепцию, программу и тактику изо дня в день все новой неограниченной «свободной критике», тогда во имя «свободной критики» мы могли бы принять в нашу партию и анархистов, и национальных социалистов, и этиков и пр., ибо в таком случае в нашем миросозерцании не было бы вообще ничего крепкого, ничего неприкосновенного, ничего ограничивающего. Но тогда мы бы перестали быть политической партией, отличающейся от других партий определенными принципами, тогда мы бы потеряли почву под ногами и растворились бы в сфере «свободной критики».

Таким образом, свобода критики находит в самом существе нашем, как политической партии, свои практические границы. То, что составляет наше существо,—классовая борьба,—не может в партии подлежать «свободной критике». Мы не можем совершить самоубийство во имя «свободы критики», а оппортунизм и ведет к тому, чтобы, как

выразился Бебель, сломить нам спинной хребет, т.-е. к нашей гибели, как партии классовой борьбы.

Наконец, последний маневр защитников Бернштейна заключается в том, чтобы представить дискуссионные вопросы настолько учеными, запутанными и трудными, что обсуждение, а тем более принятие решений по этим вопросам широкими массами товарищей должно казаться совершенно недопустимой претензией. Эта политика, с позволения сказать, «прикидывания дурачками» сыграет, вероятно, и в Ганновере некоторую роль. Но и неученому «профану» легко будет разглядеть, что она шита белыми нитками. Ведь на партийном с'езде подлежат обсуждению не научные, теоретические вопросы, а ряд чисто практических вопросов об основных тезисах и тактике партии. Так, например, прежде всего—отношение к милитаризму и вопросу о милиционной системе. Нужна большая непринужденность, чтобы пытаться убедить рабочих в том, будто по п. 6-му порядка дня дело касается «научных исследований о милитаризме» тов. Шиппеля. Если бы такое утверждение нашло себе наивную веру в партийных кругах, то оставалось бы только воскликнуть: Бедный Штегмюллер! [1]). Пришло бы ему только в голову написать статью в «Социалистических ежемесячниках» по поводу своих подвигов, и он до сих пор с почетом восседал бы в наших рядах. Ибо кто осмелился бы коснуться «научных исследований о постройке церквей?»

Фактически же шиппелевский поход против требований милиционной системы так же мало может быть оправдан с научной точки зрения, как и штегмюллеровские церковные постройки. Шиппель постарался просто доказать в своей статье, что милиция, народное войско, бывшие издавна одним из важнейших пунктов нашей политической программы, представляют собой нечто технически недостижимое, политически нежелательное, экономически обременительное, между тем как милитаризм, напротив, необходим и в хозяйственном смысле благодетелен. Этим был нанесен прямой удар всей нашей прежней парламентской деятельности и всей нашей агитации, основной осью которых является борьба против милитаризма. И если под предлогом свободы науки хотят оспорить право партии реагировать на такое нарушение ее основных принципов, то это было бы, без сомнения, наихудшим видом злоупотребления именем «науки», какой когда-либо применялся для того, чтобы водить за нос массы.

В равной мере практический, а не научный характер имеют те вопросы, которые относятся к п. 5-му [2]) порядка дня.

---

[1]) Штегмюллер в качестве социал-демократического депутата в Баденском ландтаге голосовал за постройку церквей. С тех пор оппортунистические уклоны обозначались словом: «штегмюллеровщина».

[2]) Тактика.

Тактика при выборах в Баварский ландтаг не представляет собой, нужно надеяться, ученого вопроса, недоступного суждению делегатов социал-демократии. Точно также в теории Бернштейна имеются две различные части; теоретическая, где Бернштейн излагает свои критические замечания по поводу теории стоимости, кризисов, материалистического понимания истории, и практическая, где он говорит о профессиональных союзах, потребительских обществах, колониальной политике и отношении к современному государству и буржуазным партиям.

Само собою разумеется, что вопросы, относящиеся к первой, теоретической части, не разбираются на партийном с'езде, ни один человек в партии и не думал о том, чтобы голосовать и выносить решения о теории стоимости или кризисах. Но в такой же мере вторая часть бернштейновских взглядов, та самая, которая нашла себе выражение в практике и в рассуждениях Фольмара, Шиппеля, Гейне и пр., должна стать предметом резолюции партийного с'езда. Об их тактике, об их отношении к государству и буржуазии масса партии может и должна вынести решение. И кто отказывает ей в праве на это, тот хочет принизить ее до уровня стада, не имеющего собственного мнения.

В нашей партии время от времени разного рода проступки безвестных рядовых товарищей, имеющие источником ограниченность или неведение, подвергаются строгому осуждению или даже караются исключением из партии. Неужели в таком случае партия не имеет права строго осудить гораздо более тяжкие проступки выдающихся товарищей только потому, что эти товарищи могли поднести свои взгляды под «теоретическим» соусом? Тогда и о нашей партии можно было бы сказать: «что ворам сходит с рук, зато воришек бьют».

На партийном с'езде необходимо противопоставить упомянутым лозунгам такой ответ: честь и место свободе критики, неприкосновенность—святыне «научных исследований»; но именно после того как «критика» бернштейновской группы раздавалась достаточно долго и невозбранно, чтобы выявить свой внутренний характер и свои тенденции, наступило время для партии, как политического целого, определить свое отношение к результатам этой критики и сказать: эта критика есть теория вырождения, для которой в наших рядах нет места.

5. В ЧЕМ ОПАСНОСТЬ?

За последние полтора года Бернштейн и его теории были центральным пунктом внутрипартийных дискуссий. На

партийном с'езде в Ганновере дебаты будут касаться точно так же, главным образом, взглядов Бернштейна.

Но необходимо помнить, в чем, собственно, заключается для партии опасность оппортунистического направления. Если бы мы имели дело только с Бернштейном, его статьями и его книгой, то едва ли было бы целесообразно посвятить этой теме особые прения на партийном с'езде социал-демократии. Тогда было бы вполне достаточно литературной дискуссии. Фактически же официальное обсуждение и решение партии необходимы потому, что Бернштейн выступает не как одинокая фигура, а как теоретический истолкователь целого направления внутри партии и как последнее звено в ее историческом развитии.

Уже в Эрфурте мы видели, как Бебель вскрывал и боролся со всеми опасными сторонами оппортунистических уклонов Фольмара. В зародыше вся книга Бернштейна заключена в общих мюнхенских речах Фольмара. Но как изменились в настоящее время условия по сравнению с 1891 годом! Тогда Фольмар стоял в полном одиночестве. Ни один голос в партии не поднялся в его защиту ни в печати, ни в каком-либо собрании, ни на партийном с'езде. Даже в самой Баварии, как и во всей южной Германии, он оставался со своими взглядами совершенно изолированным. Один за другим подымались на Эрфутском с'езде южно-германские делегаты, чтобы осудить Фольмара.

Тов. Левенштейн из Нюрнберга заявил:

> «Мои избиратели... целиком и полностью одобряют ту тактику, которая доныне проводилась руководящими партийными органами. Они высказались также категорически против фольмаровских взглядов».

Так же решительно выступили против Фольмара делегаты из Майнца и Карлсруэ.

Тов. Эртель из Нюрнберга внес следующую известную поправку к резолюции Бебеля:

> «Партийный с'езд заявляет категорически, что не разделяет точки зрения, выраженной Фольмаром в двух своих мюнхенских речах—1 июня и 6 июля с. г. по вопросу о ближайших задачах социал-демократии и необходимости проведения новой тактики, а считает таковую крайне опасной для дальнейшего развития партии».

От этой жестокой поправки Фольмара спасло лишь предложение другого южно-германского делегата, тов. Эрхардта из Людвигсгафена, заключавшее в себе точно также, хотя и в другой форме, осуждения Фольмара:

> «Принимая во внимание, что тов. Фольмар высказался безоговорочно за развитую тов. Бебелем и другими ораторами

точку зрения о необходимости сохранения прежней тактики (в защиту Фольмара не выступил ни один оратор.—*Р. Л.*), партийный с'езд об'являет предложение тов. Эртеля исчерпанным и переходит к порядку дня».

Тот же тов. Эртель констатировал, впрочем, полную изолированность Фольмара во всей Германии и в Баварии в следующих словах: «Доводы Фольмара не могут меня побудить к принятию его изолированной точки зрения».

Напротив, мы видим, как вся партия, сомкнутым строем, выступает против Фольмара: рядом с Бебелем, Зингером и Либкнехтом мы видим также и тов. Ауэра, который сказал следующее:

«Я не считаю нужным менять тактику при настоящих условиях, я считаю даже рискованным менять ее в том смысле, как предлагает Фольмар. Он говорит, что наша задача должна была заключаться в том, чтобы вступить на путь соглашательства, и вполне последовательно приходит к выводу, что нам необходимо соблюдать «самоограничение». Это «самоограничение» я считаю опасным. Таким путем, помимо собственного нашего сознания и воли, мы будем фактически приведены к тому, что у нас будет двоякого рода программа: одна—для повседневных надобностей и другая—для торжественных случаев. Строгая грань, отделявшая до сих пор нашу партию от всех других партий, исчезнет, таким образом, навсегда. Наша программа говорит: освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Этот принцип мы должны соблюдать и впредь. Эртель предложил высказать коротко и ясно, что партийный с'езд не разделяет взглядов Фольмара. Это—не упрек, не выражение недоверия, и всякий товарищ обязан принять, как должное, когда высшая инстанция, партийный с'езд, заявляет ему вполне дружественно и по-товарищески: мы твоей точки зрения не разделяем. Прошу вас, товарищи, принять резолюцию Бебеля, с добавочным предложением Эртеля».

Так выступал тов. Ауэр в 1891 году против одиноко стоящего Фольмара. С тех пор условия резко изменились. Посев Фольмара дал богатые всходы. С тех пор каждый год, на каждом партийном с'езде обнаруживались все новые успехи евангелия «практической политики», и ныне мы видим на его стороне в Баварии и Южной Германии тех самых товарищей, которые в Эрфурте вели с Фольмаром самую ожесточенную борьбу; рядом с ними—тов. Шиппеля, который тогда питал живые симпатии даже к независимым— по крайней мере до тех пор, пока их дела не пошли на убыль; затем как постоянного заступника тов. Шиппеля и всех, попавших в затруднительное положение «практиче-

ских политиков»,—того же тов. Ауэра, который в Эрфурте так убедительно выступал за принятие эртелевского предложения. Теперь Фольмар может насчитать немало имен в своем победном списке, в котором тов. Бернштейн занимает лишь последнее место среди рыцарей «сей славной стаи».

Но здесь важно не только количество. Нужно, прежде всего, заметить, что именно те товарищи, которые увлекаются так называемой «практической политикой», занимают целый ряд важнейших партийных постов, что обеспечивает им широкую возможность применения и распространения своих взглядов, а именно: они имеют в своем распоряжении ряд партийных газет, как редакторы, и ряд парламентских трибун, как депутаты рейхстага и ландтагов. Таким образом, именно там, где ведется подлинная партийная борьба на два фронта, против правительства и против господствующих классов, а также за под'ем сознания рабочих масс, т. е. в печати и в народном представительстве, приверженцы оппортунистической тактики представлены сильнее всего.

Это обстоятельство и доставляет им столь несоразмерное с их силой влияние и значение. Как депутаты и редакторы, они могут до известной степени «представлять» стоящие позади них пролетарские массы, хотя, как это большей частью бывает, совершенно противно убеждениям и чаяниям этих масс. Но они могут еще, сверх того, оказывать на массы серьезное и не поддающееся контролю влияние и прямо воспитывать их в духе своих взглядов, что в особенности относится к вновь вступающим в партию молодым и неискушенным элементам рабочей массы. При этом нужно еще иметь в виду, что именно теперь нам приходится все больше привлекать не только чисто пролетарские, но и мелкобуржуазные элементы, а последним взгляды оппортунистических редакторов и депутатов очень по сердцу, так что здесь благоприятная почва для посева заранее подготовлена.

Наконец, очень важно то обстоятельство, что «практические политики» в огромном большинстве принадлежат к молодежи, идущей на смену старым кадрам партии и призванной лет через десят—пятнадцать задавать тон движению в роли редакторов и парламентских деятелей.

Если сопоставить все эти факты, то представится в самом серьезном свете грозящая социал-демократическому движению опасность, что у него, по выражению Бебеля, рано или поздно «будет сломлен спинной хребет». И не следует думать, чтобы такое опасение об'яснялось только склонностью к беспричинному пессимизму и воплям Кассандры. Правда, в том самом десятилетии, когда постепенно выявились оппортунистические уклоны, наше движение не только не пошло на убыль, но, наоборот, получило мощное развитие и окрепло. Но, несомненно, меньше всего

оснований имел Фольмар торжествовать по этому поводу, когда он в Штутгарте в следующих словах характеризовал этот под'ем: «Совершенно бесполезно твердить об оппортунистической опасности, ибо партия, пройдя через болото оппортунизма, неуклонно двигаясь, достигла теперешнего своего расцвета и зрелости».

Наше движение выросло и окрепло не благодаря, а вопреки евангелию так называемой практической политики. То, что партия дала, она могла дать только потому, что всякий раз со всей силой ополчалась против оппортунистических уклонов, только потому, что последовательно отвергала фольмаровскую тактику «нового курса», его голосование за бюджет, его аграрную программу и т. д. Если бы она положила взгляды «практической политики» в основу всей деятельности до настоящего момента, то не собрала бы $2\frac{1}{4}$ миллионов голосов и вообще не достигла бы современного своего общепризнанного значения в политической жизни Германии.

Но отсюда логически вытекает, что и впредь рост и мощь движения будут зависеть от того, найдет ли партия нужную энергию в борьбе против оппортунизма.

6. ГДЕ ВЫХОД

Ясно, что партия должна определить свою позицию в соответствующей резолюции как по 5-му, так и по 6-му пункту [1]) порядка дня партийного с'езда. При этом было бы, однако, по нашему мнению, совершенно нецелесообразно ограничиться шаблонной формулой, что партия, дескать, не видит оснований отступать от прежней своей тактики. Такую резолюцию подписали бы преспокойно и Бернштейн, и Шиппель, и все их приверженцы, ибо ведь сами они утверждают, будто не собираются предлагать партии новую тактику. Но именно поэтому резолюция и не достигла бы совершенно своей цели, ибо партия должна была бы себе сказать то, что сказал Бебель в Эрфурте, когда Фольмар хотел принять его резолюцию: «Итак, крайняя правая и крайняя левая присоединяются к нашему тексту резолюции. Так вот я и полагаю, что здесь что-то неладно; очевидно, в резолюцию внесено нечто такое, чего в ней не должно быть». Если партийный с'езд хочет недвусмысленно выразить свое мнение, то он должен заявить без обиняков, что считает взгляды Бернштейна и Шиппеля несовместимыми со всей предыдущей деятельностью партии, с ее основными положениями и тактикой, и решительно их отклоняет. При этом мы считаем, в интересах ясности, без-

---

[1]) Тактика и вопрос о милиции.

условно необходимым как по п. 5-му, так и по п. 6-му поименное голосование.

Но было бы легкомыслием и самообманом ожидать, что простым принятием резолюции можно будет одолеть направление Бернштейна—Шиппеля. И в Эрфурте Бебель, с верной политической дальнозоркостью, хотел предотвратить появление в будущем новых людей, каких-нибудь «Шульце, Мюллеров или Конов», со старой фольмаровской концепцией. Опасения Бебеля осуществились: Шульце, Мюллер и Кон в придачу пришли, и их не одолеть чернильницей, как лютеровского дьявола.

Если хотя предотвратить грозящую движению опасность измельчать, погрязнуть в болоте, то следует прибегнуть к ряду практических мер, которые могли бы настичь зло там, где оно больше всего распространено, т.-е. в печати и в парламентской деятельности. В этом смысле мы считаем необходимым:

I. Чтобы партийный с'езд обязал всю партийную печать, в том числе, в первую очередь, центральный орган, по каждому тактическому вопросу, возникающему в партийной практике, не ограничиваться простыми отчетами, а занимать ясную и определенную позицию. В особенности, «Форвертс» должен был бы считать прямым своим долгом действовать в духе всей партии в целом, а не в духе оппортунистической оппозиции, как он действовал до сих пор по всякому поводу, хотя и в замаскированной форме.

II. Чтобы партийный с'езд обязал точно так же парламентскую фракцию рейхстага по всякому важному разногласию, возникшему в области парламентской деятельности, высказать, с своей стороны, определенный взгляд, и в публичной форме, доводя об этом до сведения всей партии.

III. Наконец, практически наиболее важным считаем мы, чтобы Ганноверский партийный с'езд поставил на порядок дня ближайшего партийного с'езда (в 1900 году) обсуждение тактики социал-демократии при выборах в ландтаги. Таким путем мы хотели бы подчинить общему руководству со стороны всей партии, опирающемуся на твердых принципах, ту в высшей степени важную область партийной деятельности, которая до сих пор была предоставлена собственному усмотрению товарищей в каждой отдельной части империи и проводилась то ощупью, то путем эмпирических экспериментов.

Само собой понятно, что здесь не может быть и речи о том, чтобы диктовать организации каждой отдельной страны специальные программы, опекать ее в ее классовой борьбе, предписывать ей в отдельности участие или неучастие в выборах. Дело заключается лишь в том, чтобы установить твердые общие правила, которые относятся, собственно го-

воря, лишь к одному главному вопросу, о взаимоотношении с буржуазными партиями на выборах, и определяют больше всего отрицательные моменты, то-есть то, от чего социал-демократия должна воздержаться, а не то, что она должна предпринимать. Вопрос о компромиссе (соглашении), который до сих пор дискутировался в тумане абстракции и общих рассуждений и потому безрезультатно, должен был бы здесь найти себе разрешение в наглядной, практической форме. Этим самым партия, как целое, подчинила бы, наконец, своему контролю одну из важнейших областей, где «практическая политика» втихомолку вершит свои подвиги.

Как ни сложатся решения Ганноверского партийного с'езда, он явится, несомненно, одной из важнейших вех в истории германского рабочего движения. Широкие рабочие круги имеют все основания следить с напряженным вниманием за его работами, ибо от него будет в высокой степени зависеть дальнейшее течение классовой борьбы в Германии. Ганноверский партийный с'езд будет последним в девятнадцатом столетии, в том столетии, которое было свидетелем начала и расцвета социализма. Пусть он способствует, с своей стороны, тому, чтобы грядущее столетие принесло нам не упадок социализма, хотя бы и временный, а полную его победу.

НАШ РУКОВОДЯЩИЙ ПАРТИЙНЫЙ ОРГАН [1])

Нами поставлено было требование, чтобы «Форвертс», как центральный орган, по всем вопросам, вызывающим разногласия, выступал в духе партии, как целого. На наше требование «Форвертс» отвечает, что «вполне признает свою обязанность занимать определенную позицию по всякому возникающему тактическому вопросу».

В течение последнего года в нашей партии возникли три главных вопроса, вызвавших оживленные разногласия, а именно:

1. Теории Бернштейна. Ими занималась вся партийная печать; вся враждебная печать подхватила эту тему, самые мелкие провинциальные партийные листки дали книге Бернштейна ту или другую оценку. Центральный орган и берлинская партийная газета «Форвертс» не проронил до сих пор ни одного словечка о своем отношении к этому вопросу.

Впрочем, нет! В номере от 28 марта, в статье, озаглавленной «Напрасные надежды», «Форвертс» характеризует всю победную шумиху, поднятую либеральной печатью по поводу «приближения Бернштейна к ее буржуазно-рефор-

---

[1]) Напечатана в Leipziger Volkszeitung 22 сентября 1899 г.

мистской точке зрения», как «невероятно смешное зрелище». Если бы «буржуазные господа», инсценировавшие «эту комедию», прочли хоть раз книгу Бернштейна, «они бы открыли, что Бернштейн вовсе не затрагивает основные положения и конечную цель социал-демократии». Как известно, это самое утверждают и Бернштейн, и его приверженцы. И, отрицая, с своей стороны, противоречие, в которое стал Бернштейн по отношению к партии, «Форвертс» становится здесь, хотя и в замаскированной форме, на сторону бернштейновской точки зрения.

2. Отношение Шиппеля к милитаризму. И в этом случае, где дебатировался важнейший вопрос тактики, где Neue Zeit и провинциальные партийные газеты обсуждали вопрос самым обстоятельным образом, центральный орган не дал ни одного комментария, из которого можно было бы усмотреть его точку зрения. Впрочем, он выразил ее косвенно тем, что, во-первых, при передаче аргументации Шиппеля совсем умолчал о самом существенном, самом решающем пункте, вызвавшем больше всего нападок, о шиппелевской «теории разгрузки»; во-вторых, при изложении полемики Каутского против Шиппеля по поводу взглядов Энгельса он старался лишить ее в глазах читателя всякого практически-политического значения, приписывая им лишь «преимущественно библиографический характер» («Форвертс» от 8 февраля); в-третьих, он совершенно обошел молчанием перед своими читателями обсуждение того же вопроса в остальной партийной печати, как-то: в «Лейпцигской Народной Газете», на статьи которой Шиппель дважды реагировал. Таким образом, и здесь мы видим не определенную, открыто выраженную точку зрения, а замаскированную поддержку грубейшего нарушения программы партии.

3. Выборы в Баварский ландтаг. И этот вопрос вызвал в печати оживленную дискуссию, частью даже в «Форвертсе». Тов. Либкнехт клеймил здесь, но только от своего лица, поведение баварских товарищей. Центральный орган, как таковой, до сих пор не определил своего отношения к этому вопросу. Впрочем, косвенно он это сделал, скрыв совершенно от своих читателей отрицательные отзывы, появившиеся в немецкой партийной печати, как-то: в «Саксонской Рабочей Газете», в «Лейпцигской Народной Газете», редакции которых еще в середине июля подвергли торговлю голосами суровой критике, но зато пересказал обстоятельнейшим образом статью Фольмара из «Весов», австрийского не социал-демократического журнала, без всяких комментариев со своей стороны.

Таким образом, мы находим и здесь отсутствие определенной точки зрения и поддержку оппортунизма в скрытой форме.

«Форвертс» говорит хорошие слова о том, что партия поставила ему задачей отстаивать то, что об'единяет партию. Но всякий понимает под тем, что об'единяет партию, именно официально принятую партией программу и ее официально признанную и испытанную тактику. Как мы показали на фактах, «Форвертс» их не отстаивает. Центральный орган понимает, очевидно, под тем, что «об'единяет партию», балансирование между взаимно противоречащими точками зрения, в основе которого лежит, в лучшем случае, полное отсутствие собственного мнения. И соответственно этому, самое блестящее доказательство успешного своего служения этой задаче он с гордостью усматривает в том факте... что никому в партии не угодил, ни тем, кто требует от него проведения партийной программы и тактики, ни тем, кто хочет программу и тактику свести на-нет.

Это является, действительно, блестящим достижением со стороны «Форвертс'а», в котором ему мог бы позавидовать даже сам г. Либер. Но «Форвертс» забывает, что если вызывать «неудовольствия» у тех, кто нападает на партийную программу и тактику,—это его прямой долг, то, с другой стороны, не удовлетворяя противоположного требования о проведении основных принципов всей партии, он совершает тяжкое нарушение своего долга.

Таким образом, не умея отличить основных принципов партии от совершенно им противоположных, центральный орган не в состоянии, конечно, дать верную оценку различным возникающим в жизни партии спорным вопросам. Это привело его к тому, что аграрный вопрос, в котором нашли себе выражение три различных точки зрения, и ставилась на обсуждение совершенно новая область партийной деятельности, не испытанная еще ни теоретически, ни практически, затем, вопрос об участии в выборах в прусский ландтаг, являющийся, по многократным раз'яснениям всех заинтересованных в нем лиц, вопросом простой целесообразности, а не принципиальным,—оба эти вопроса он поставил на одну доску с шиппелевским издевательством над милиционной системой, с бернштейновским отказом от конечной цели, с баварским голосованием за центр.

Дело в том, что во всякой возникающей в партии борьбе мнений «Форвертс» интересуется не мнениями, а самым фактом борьбы. Партийная жизнь за последние годы представляется ему лишь безразличным рядом «разногласий», при чем он, как «руководящий центральный орган», видит свое призвание в усерднейших потугах к соглашению и примирению. И лучше всего достичь этого он думает тем, что по поводу всех этих споров хранит упорнейшее молчание.

Но надежда на то, что неприятное явление исчезнет, если его замалчивать, есть лишь самообман, которым себя тешит всякое бессилие. Фактически соглашательская политика «Форвертс'а» превращается в свою противоположность, в заострение существующих противоречий, и это обстоятельство не позволяет нам брать миротворческую роль нашего центрального органа только с комической стороны.

Затушевыванием противоречий, искусственным «согласованием» несогласимых взглядов достигается лишь полное созревание противоречий, пока они рано или поздно пробьют себе выход при помощи раскола. Не мы требуем, как деликатно выражается «Форвертс», «отталкивания» (понимай: выталкивания) оппортунистических элементов, мы ясно изложили в «Лейпцигской Народной Газете» необходимые, по нашему мнению, мероприятия. Наоборот, именно примирительнаья политика «Форвертс'а» черевота опасностями раскола. Кто предотвращает и борется с расхождением в мнениях, тот работает за единство партии. Кто их затушевывает, тот работает за раскол партии.

Не занимая никогда ясной и определенной позиции по спорным вопросам, «Форвертс» плавает, однако, в оппортунистическом фарватере, что доказывается его собственными рассуждениями. Ибо, обвиняя нас в стремлении низвести партию до уровня «секты» и в увлечении «мнимо радикальными жестами», он повторяет слово в слово те же упреки, которые делает нашей партии Бернштейн.

Примирение всех разногласий отсутствием собственных мнений и защиту партийных принципов замазыванием нарушения принципов,—эту свою деятельность центральный орган считает возможным формулировать в следующих словах: «По всем вопросам «Форвертс» верно стоял за партийную программу!»

Может быть, «Форвертс» хотел сказать, что верно «лежал» за программу... Но партии не нужен ни стоячий, ни лежачий, а такой центральный орган, который бы шагал вперед, и нужно надеяться, что партийный с'езд в Ганновере поставит его на ноги.

РЕЧИ НА ПАРТИЙНОМ С'ЕЗДЕ 1899 г. В ГАННОВЕРЕ

ПРОТИВ БЕРНШТЕЙНА

Товарищи, если бы после отличного доклада товарища Бебеля я стала распространяться о теоретической стороне вопроса, это было бы праздным занятием. Бебель так глубоко исследовал вопрос и выдвинул против Бернштейна такой богатый и новый фактический материал, что больше сказать нечего. Однако, некоторые замечания Давида,

направленные отчасти против меня, требуют с моей стороны ответа. Я не стану касаться его рассуждений, относящихся к сельскому хозяйству. В них вопрос об удобрении играл такую большую роль, что я невольно вспомнила следующее место из речи померанского советника в сельскохозяйственном союзе: «Я думаю, все вы согласитесь со мною, если я закончу свой обзор словами: навоз—это душа сельского хозяйства!» (Смех, крики «ого!»)

Наиболее слабой стороной теоретического построения Бернштейна и его последователей является их теория о так называемой экономической мощи, которой рабочий класс должен сперва достичь в рамках современного общественного строя, чтобы быть затем в состоянии удачно провести политическую революцию. Давид и другие последователи Бернштейна часто упрекали нас в фразерстве и в пристрастии к шаблону. Как раз в вопросе завоевания экономической мощи шаблон и фраза по их стороне, как я это покажу.

Как известно, Маркс доказал, что в основе каждого политического классового движения всегда лежали определенные хозяйственные отношения. Маркс показал, что все существовавшие до сих пор классы, прежде чем достичь политической власти, достигали экономического могущества. Этот шаблон Давид, Вольтман и Бернштейн рабским образом применяют к современному положению вещей. Это доказывает, что они не понимают существа как прежней, так и современной борьбы.

Что означает: прежние классы, а именно третье сословие, до своей политической эмансипации достигли хозяйственного могущества? Не что иное как тот исторический факт, что все имевшие место случаи классовой борьбы следует свести к фактам хозяйственной жизни, что возвышавшийся класс вместе с тем создавал новую форму собственности на которой он в конце концов основывал свое классовое господство. Борьба ремесленника против городского дворянства в первую половину средних веков опиралась на то, что он противоставил собственности дворянства, основанной на землевладении, новую форму собственности, основанную на труде. Это было новое хозяйственное явление, которое в конце концов порвало политические узы и перестроило по своему образу и подобию потерявшие значение остатки феодальной собственности. Подобное же явление повторилось к концу средневековья, когда среднее сословие вело борьбу против феодализма, когда была создана новейшая капиталистическая собственность, основанная на эксплоатации чужого труда, в конце концов приведшая третье сословие также и к политическому господству.

Теперь я спрашиваю: можно ли применять этот шаблон к существующему положению вещей? Нет. Как раз те, которые бредят хозяйственным могуществом пролетариата, не замечают великого различия между нашей классовой борьбой и всей предыдущей борьбой классов. Отнюдь не фраза утверждение, что, в противоположность прежней классовой борьбе, пролетариат ведет свою классовую борьбу не ради утверждения своего классового господства, но во имя уничтожения всякого классового господства. С этим связан тот факт, что пролетариат не создает новой формы собственности, а только развивает созданную капиталистическим хозяйством капиталистическую собственность, отдавая ее во владение общества. Поэтому предположение, что пролетариат может добиться экономической власти в рамках современного буржуазного общества, является иллюзией; он только может добиться политической власти и затем упразднить капиталистическую собственность. Бернштейн обвиняет Маркса и Энгельса в том, что они переносят на наши современные условия политическую схему Великой Французской Революции. Но он и другие сторонники «экономической силы» переносят на борьбу пролетариата экономическую схему Великой Французской Революции.

Давид изложил целую теорию выдалбливания капиталистической собственности. Я не знаю, действительно ли его понимание социалистической борьбы ведет к выдалбливанию,—в этом я сильно сомневаюсь. Но несомненно, что такой взгляд может родиться только в пустой голове. (Смех, волнение).

Давид и последователи Бернштейна оценивают наше отношение к профсоюзам и кооперации всецело с точки зрения этого хозяйственного могущества. Нас упрекают в том, что мы рассматриваем их как неизбежное зло. Однако, я уверена, что среди нас, также и среди так называемых политиков, по выражению тех, кто искусственно старается провести грань между политиками и профессионалистами, не найдется ни одного товарища, который бы не отдавал себе отчета в том, что в Германии в области профдвижения почти все еще предстоит сделать, и что мы должны посвятить все наши силы выполнению этой задачи. Всякому из нас ясно, что и политической борьбе был бы нанесен тяжелый удар, если бы была отнята у нас или заглохла профессиональная борьба: ибо главная предпосылка—это воспитание широких масс в духе классовой борьбы, а для этого отличнейшим средством является профессиональная борьба. Но в известном смысле правы те, кто обвиняют нас в половинчатой симпатии к профсоюзам, поскольку симпатию они понимают, как поощрение иллюзий в отноше-

нии к профсоюзам. Да, если представлять дело так, будто профсоюзы—не только средство втянуть рабочих в классовую борьбу, просветить их и улучшить их современное положение, если изображать дело так, как будто профсоюзы непосредственно служат делу обращения капиталистической собственности в социалистическую, делу ее выдалбливания,— в таком случае мы не только смеем, а прямо-таки обязаны отказаться поддерживать такой взгляд. (Совершенно правильно!) У рабочего класса в его борьбе нет большего врага, чем его собственные иллюзии. В сущности говоря, представители таких взглядов не могут считаться друзьями профсоюзов, так как они неизбежно подготовляют разочарование.

Еще более превратно это направление понимает вопрос о кооперации. Я ограничусь здесь несколькими замечаниями. У нас вошло в моду ставить кооперацию на одну доску с профсоюзами и даже с политической борьбой. Нет, кооперация—нечто совершенно иное. Оставляя в стороне вопрос о ее положительном значении для рабочего класса [1]), приходится констатировать, что кооперация не есть классовая борьба. (Совершенно правильно!)

Во-вторых, те, которые воображают, будто кооперация уже в настоящее время является зародышем социалистического порядка, забывают про еще один существенный фактор современных отношений (промышленную.—Прим. Фрелиха) резервную армию. Даже, если предположить, что кооперация постепенно вытеснит все частные предприятия и займет их место, то все же мы никак не можем допустить фантастическую мысль, будто при сохранении современных условий рынка, без общего плана, производство сможет быть приведено в согласие со спросом на рынке, и вопрос о резервной армии попрежнему оставался бы открытым.

И еще одно. Я не знаю, какую кооперацию рисуют себе в виде идеала, в виде абстрактной схемы. Я только знаю, что английская кооперация, которая до сих пор выставлялась как образец кооперативного движения, в своей производственной части отнюдь не соответствует социалистическому идеалу. (Возглас: Наш образец—бельгийская!) На конгрессе тред-юнионов союз портных просил, чтобы парламентский комитет профсоюзов вошел в соглашение с кооперацией для того, чтобы принудить кооперацию соблюдать нормы заработной платы и условий труда, установленные парламентским комитетом; таким образом, капиталистическая эксплоатация отнюдь не устранена.

Эта экономическая теория связана с учением бернштейновского толка о всеобщей социализации капита-

[1]) Явно неправильное редактирование протокола. Должно быть: оставляя в стороне... другое положительное значение.

листического общества. Речь Давида делает действительно излишним всякое обстоятельное опровержение этой мысли. Ведь он, между прочим, считает тарифное соглашение частичной социализацией капитализма. Эти товарищи, очевидно, представляют себе дело так: вся практическая политика остается без изменения, разве только уделяется больше внимания кооперации; а затем, без дальнейших слов, наклеивают этикетку социализма, и социализм готов. Забывают только, что, по выражению Энгельса, на платяной щетке не появятся молочные железы от того, что ее отнесут к классу млекопитающих. (Смех! Возгласы: «Это совершенно верно!»)

Еще одно замечание по вопросу о так называемой теории крушения. Конечно, если назвать социализмом все, что мы проделываем уже в настоящее время, то совершенно не нужно было бы добиваться крушения. Но товарищи, представляющие себе так нелепо (Фендрих кричит: «Больше достоинства!». Звонок председателя.)—простите, я не хотела никого оскорбить, я хотела сказать «неправильно»,—товарищи, столь неправильно рисующие себе социализм, понимают эволюционную теорию в том смысле, что вносят маленькие поправочки в диалектическое понимание истории, и вопрос снова оказывается благополучно разрешенным. Из эволюционной теории, как ее понимают Маркс и Энгельс, они выбрасывают понятия крушений, социальных катастроф и таким образом получают очень приятное понятие эволюции, как ее понимает господин Брентано. Обращаясь к урокам истории, мы видим, что до сих пор каждая классовая борьба неизменно протекала таким образом, что возвышающийся класс постепенно усиливался и развивался в лоне старого общества, путем незначительных успехов, законодательных реформ, пока он не оказывался достаточно сильным, чтобы сбросить старые путы при помощи социальной и политической катастрофы. Они были вынуждены это сделать, несмотря на то, что уже в лоне старого господствующего класса они могли развить свое хозяйственное могущество до высших пределов. Но для нас это в десять раз более необходимо. Товарищи, верящие в возможность привести общество к социализму мирным путем, без катаклизма, совершенно не считаются с исторической действительностью. Отнюдь не следует представлять себе революцию только под видом вил и кровавой борьбы. Революция может протекать также и в культурных формах, и как раз пролетарская революция больше всякой другой может на это рассчитывать; мы меньше всех хотим прибегать к насилию, меньше всех жаждем грубой революции. Но это зависит не от нас, а от наших противников. (Совершенно верно!), и мы должны отказаться от обсуждения

вопроса о форме завоевания власти; это—вопросы обстоятельств, относительно которых в настоящее время мы ничего не можем предсказать. Нас интересует только сущность дела, и заключается она в том, что мы добиваемся полной перестройки существующего капиталистического хозяйственного порядка, которая может быть достигнута только путем захвата государственной власти, а никак не путем социальных реформ в лоне современного общества. Предающиеся этой надежде становятся на точку зрения невежд в отношении к прошлому и оптимистов в отношении будущего.

Теперь другой, более практический вопрос. Бебель в течение шести часов блестяще полемизировал против Бернштейна. Я спрашиваю: случилось ли бы это, если бы мы могли предположить, что в наших рядах эти теории представлены одним только Бернштейном, и если бы расхождение во взглядах не выходило из сферы абстрактных теорий? Мы—политическая партия практической борьбы, и если бы имелся налицо лишь теоретический уклон во взглядах одного члена, хотя бы весьма заслуженного и видного, от понимания остальной партии, то Бебель не произнес бы такой речи. Но в нашей партии на этой точке зрения стоит ряд товарищей, и расхождение во взглядах касается не только теории, абстракции, но и практики. Всем известно, что за последние десять лет в наших рядах имеется довольно значительное течение, которое в духе бернштейновской концепции стремится выдать за социализм нашу современную деятельность и, таким образом,—конечно, бессознательно!—обращает в революционную фразу тот социализм, к которому мы стремимся, единственный социализм, который не является фразой и измышлением. Бебель был прав, когда мимоходом указал, что взгляды Бернштейна так расплывчаты, так растяжимы, что их нельзя втиснуть в определенные рамки и избежать с его стороны упрека, что его ложно поняли. Прежде Бернштейн писал не так. Эта неясность, эти противоречия обусловлены не его личностью, а его направлением, содержанием его выводов. Проследив историю партии за последние десять лет, в частности, изучив протоколы партийных с'ездов, вы увидите, что бернштейновское направление постепенно окрепло, но отнюдь еще не достигло зрелости; я надеюсь, что оно никогда ее не достигнет. В теперешней своей стадии оно совершенно не в состоянии уяснить себе собственную сущность, не в силах дать верное выражение своей тенденции. Вот чем об'ясняется неясность взглядов Бернштейна. Чтобы пояснить, каким образом это бернштейновское направление ведет к тому, что наш социализм становится вздором, я приведу маленький пример из самого недавнего прошлого. На одном собрании в Мюнхене, обсуждавшем отношение к настоящему нашему с'езду, ора-

тор, излагавший дело Шиппеля, сказал: Шиппель говорил о милиции, между тем как наша программа говорит о народной армии,—различие, которое совершенно недоступно моему пониманию, но это не имеет особого значения. Далее он выразился так: в пользу Шиппеля можно сказать, что истинный смысл этого пункта нашей программы указывает лишь на то, что в настоящее время мы должны добиваться сокращения срока военной службы! Я не хочу предвосхищать последовавших через несколько дней дебатов о милиции, и привожу эти слова только для характеристики метода. Наша программа-минимум имеет совершенно определенный смысл. Мы знаем, что нельзя осуществить социализм из ничего, здорово живешь, мы знаем, что для осуществления его необходимо упорной классовой борьбой на почве политической и хозяйственной добиваться от существующего строя незначительных реформ, дабы улучшить свое хозяйственное и политическое положение и достичь силы, нужной для сокрушения современного общества; и поэтому наши минимальные требования соответствуют только текущему моменту. Мы принимаем все, что нам дают, но требовать мы должны выполнения всей программы. (Совершенно верно!) Но мюнхенский товарищ заменил пункт 3, заключающий недвусмысленное требование милиции, требованием сокращения срока службы, как практическим требованием партии. Если мы, таким образом, из незначительной части нашей программы-минимум сделаем всю программу-минимум, тогда то, что мы в настоящее время считаем программой-минимум, станет нашей конечной целью, а наша действительная конечная цель совершенно исчезнет из пределов реального и фактически обратится в «революционную фразу» (Шумное одобрение).

О МИЛИЦИИ И МИЛИТАРИЗМЕ

Речь Шиппеля, особенно в первой своей части, была апологией милитаризма, вполне уместною в устах какого-нибудь военного министра при внесении им военного законопроекта. (Смех). Мне был здесь брошен несколько раз упрек в том, что я выступила в нежданно мягкой форме и говорила чересчур снисходительно. Причина этого заключается в том, что я не придаю особенного практического значения общим теоретическим дебатам об оппортунизме. Для меня важна борьба с ее конкретными проявлениями, и я усматриваю оппортунизм, прежде всего, в той позиции, которую занял Шиппель по вопросу о милитаризме. Для меня, как и для партии, это—пробный камень, и мы говорим: Hic Rhodus, hic salta! Здесь Шиппель должен держать ответ.

Тов. Гейер сказал, что если мы откажемся от прежнего принципиального непримиримого отношения к милитаризму, то это очень сильно замедлило бы темп нашей борьбы. Нет, я полагаю, что если бы мы отказались от борьбы с милитаризмом в принятой доныне форме, то можем вообще сложить оружие, тогда мы, вообще, потеряем свое лицо социал-демократической партии. (Совершенно верно!). Милитаризм есть важнейшее и наиконкретнейшее выражение капиталистического классового государства, и если мы не будем бороться с милитаризмом, то наша борьба против капиталистического государства станет не более, чем пустою фразой. (Рукоплескания). Я не буду здесь останавливаться ни на тоне шиппелевской статьи, ни на красующемся под нею псевдониме. Я думаю, Шиппель был достаточно наказан злополучною опечаткой: как вы, вероятно, уже заметили, внесенная Мергнером резолюция, требующая его исключения, гласит, что Шиппель тяжко преступил против подготовки в всеобщей правдивости. (Смех). Следует, конечно, читать: «обороноспособности». Не стану я также вдаваться в техническую сторону милиционной проблемы. Шиппель говорит, что в этих вещах Каутский не знает даже азбуки. Когда я это услышала, то пришла в дикий ужас, ибо что же приходится думать о партии, теоретический истолкователь которой не понимает ни аза в одном из важнейших практических и теоретических вопросов! (Очень хорошо!). Если для понимания милиционной проблемы необходимо столь высокое образование, недосягаемое даже для такого Каутского, как же тогда пролетарской массе защищать это требование! Дело в том, что, по моему мнению, все широковещательные рассуждения Шиппеля о технических вопросах представляют собою искусственный прием, направленный к тому, чтобы отвлечь наше внимание от важнейшей — политической стороны проблемы. Нам не зачем вдаваться в технические детали уже потому, что нас не занимает конкретный проект введения милиции. Если бы пред нами лежал такой проект, то мы выбрали бы комиссию из девяти членов, куда бы направили проект для обсуждения. (Смех). А пока наша задача состоит в том, чтобы поставить это требование в его общей форме и особенно подчеркнуть его политическую сторону. Своим аргументом, что оборонительная война превращается неизбежно в наступательную, для которой нам необходима постоянная армия, Шиппель опять стал на почву обычной аргументации немецкого правительства, которое считает нападение лишь формою самозащиты. Шиппелю трудно было бы доказать, что милиционная система не пригодна еще более, чем постоянная армия, для действительной обороны во всех формах.

В своих статьях Шиппель утверждал категорически, что милитаризм является для нас хозяйственной разгрузкой, а сегодня он пытался доказать, что милиция, во всяком случае, не была бы хозяйственной разгрузкой. Цифровые данные Шиппеля представляются более чем сомнительными, но если бы даже милиция стоила нам так же дорого, как милитаризм, то и тогда мы могли бы спокойно голосовать обеими руками за милицию, ибо мы тратили бы в этом случае наши деньги, по крайней мере, на то, чтобы получить за них средство защиты не только против внешнего врага, но и против внутренних угнетателей, между тем как милитаризму мы приносим денежные жертвы ради того, чтобы нас душили и угнетали. (Очень хорошо!).

Шиппель ведь не единственный; сошлюсь лишь на заявления Ауэра в Гамбурге, на Гейне и на последнюю речь Фольмара в Мюнхене. Я не постигаю, каким образом тот, кто считает милитаризм технически необходимым и видит в нем хозяйственную разрузку, настолько нелогичен, чтобы голосовать против военных расходов. Тогда остается лишь один выход: эти товарищи должны рано или поздно либо голосовать за военные требования, либо они должны отказаться от своей точки зрения и перейти на почву нашего требования милиции. Правда, сейчас они еще отклоняют военные требования, но когда их взгляды больше окрепнут, они в конце концов отдадут свои голоса и за военные законопроекты. (Волнение, возражения, рукоплескания).

Некоторые товарищи спрашивали: «Да где же тот оппортунизм, о котором вы говорили?»—Товарищи, рассуждения Шиппеля, Гейне, Фольмара о милитаризме дают вам наилучший ответ. В них оппортунизм нашел себе самое яркое выражение. Против этого мы должны ополчиться. Я прошу вас принять мою резолюцию, осуждающую шиппелевскую концепцию, и таким путем ответить Шиппелю его же добром, теми самыми словами, которые он бросил нам:

«К чорту кашу, из теста не выкуешь меча!» (Рукоплескания, волнение).

РЕЧИ О ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКЕ НА ПАРТИЙНОМ С'ЕЗДЕ В МАЙНЦЕ В 1900 г.

I

Многое из того, что было сказано докладчиком [1]), столь резко противоречит формулированному в Штутгарте официальному мнению партии, что не мешало бы, собственно говоря, выставить содокладчика. К сожалению, за недостат-

[1]) Рихард Кальвер.

ком времени опровергать все его положения немыслимо. Остановлюсь лишь на нескольких пунктах, чтобы показать несообразность кальверовской точки зрения. Впервые в жизни приходится мне видеть, чтобы докладчик высказывался против собственной резолюции. (Совершенно верно!). Здесь он защищал политику покровительственных пошлин, в резолюции же высказался против. В резолюции он требует отмены всех пошлин, отказа от какого бы то ни было повышения пошлин на пищевые продукты, по возможности—устранения, а временно—понижения прежних таможенных ставок при выработке нового таможенного тарифа, отказа от всех законодательных мер таможенного характера, мешающих более тесному торговому и политическому сближению Германии с другими государствами. И этого требует товарищ, выступающий здесь против пункта о наибольшем благоприятствовании. Или он забыл, что он говорил в резолюции, или же он взялся за тему, которой не владеет. (Волнение). Каждому мало-мальски смыслящему в таможенной политике известно, что пункт о наибольшем благоприятствовании—первое и наиважнейшее требование свободной торговли. С момента наступления эры свободной торговли этот пункт кладется в основу всех торговых договоров. Благодаря этому пункту свобода торговли и получила быстрое распространение. Возражать против пункта о наибольшем благоприятствовании—значит переходить без обиняков на сторону покровительственных пошлин, и не только грешить, следуя за Кальвером, против своей основной точки зрения, но и очутиться, к нашему большому стыду, позади левых буржуазных партий. Кальвер предлагает нам в предстоящей борьбе вокруг торговой политики конкурировать с буржуазными сторонниками свободной торговли и взять руководство борьбой в свои руки. Не понимаю, как можно руководить, идя в хвосте. Чтобы быть вожаком, надо быть впереди, а Кальвер сам указывал, что даже Frankfurter Zeitung не решается нападать на пункт о наибольшем благоприятствовании.

Я не могу здесь касаться всех несообразностей, допущенных докладчиком. Между прочим, он утверждал, что при товарообмене с Америкой бремя пошлин будем нести мы, а не Америка. Подобного научного верхоглядства я еще не видывала. Вопрос о том, на кого падает бремя пошлин, зависит от стольких обстоятельств, что из года в год положение меняется. При таком научном верхоглядстве не следует браться за доклад. Точка зрения Кальвера ничем не отличается от точки зрения графа Каница с его лозунгом борьбы с Америкой. Об'единение европейских государств в таможенный союз против Америки—это старые доспехи из арсенала аграриев и иных сторонников покровительственных пошлин. Затем, Кальвер полагает, что мы не

в состоянии проводить политику свободной торговли потому, что о ней и слышать не хочет Америка. Так аргументирует обычно правительство в вопросах охраны труда. Эта точка зрения—чисто буржуазная. Мы же говорим: поскольку мы признаем что-либо принципиально правильным, мы прежде всего начинаем проводить это в нашей собственной стране. Точка зрения Кальвера резко противоречит точке зрения партии. Так могут говорить сторонники национальной, а не международной точки зрения в таможенной политике. Наш долг—учитывать не только национальные, но и международные интересы пролетариата, чтобы не оказалось пустой фразой положение «Коммунистического Манифеста», что социал-демократия отстаивает интересы всего рабочего класса в противовес интересам отдельных его групп. Мы должны себя спрашивать, что полезно для всех рабочих всех стран, мы должны бороться против американских покровительственных пошлин не только в интересах нашей текстильной промышленности, но и в интересах американского пролетариата, страдающего от этого не меньше нас. Американские рабочие прекрасно знают, что эпоха покровительственных пошлин тесно связана с империализмом и реакцией. Итак, в интересах обеих сторон следует бороться против покровительственных пошлин и в Америке и в Германии... (Звонок председателя). Прошу продлить мне время! (Отклоняется).

II

Одно место в рассуждениях Фольмара меня поразило: Фольмар оказывается также противником национализации! Такова ли «практическая» политика? Так ли обстоит дело у практических политиков также и с их собственными догмами? Если так, то они не опасны. Что касается Кальвера, то полагаю, что доклад его надо признать формулировкой его личного мнения, резолюцию же, отражающую правильную точку зрения партии, можно спокойно принять. Наша точка зрения в вопросе о свободной торговле установлена на Штуттгартском партейтаге, до сих пор она не изменилась, и, будем надеяться, не изменится.

Доводы за свободу торговли обычно опровергают указанием на необходимость считаться в международном масштабе с рабочим классом и с условиями труда в отсталых в промышленном отношении странах, а также с нуждающимися еще в покровительственных пошлинах отраслями германской промышленности. В основе этого аргумента лежит непонимание всей совокупности условий. Указывают и на Россию, как на страну, промышленность которой,—при отсутствии таможенных пошлин — обречена на гибель.

А между тем всякий, знающий русские условия, вам скажет, что российская промышленность страдает именно от существования системы покровительственных пошлин. Правда, высокие таможенные пошлины обеспечивают бешеные барыши русским предпринимателям, но они же вызывают в них апатию, лишают их инициативы и делают их совершенно неспособными конкурировать на мировом рынке. Больше всего страдает от этого рабочий: покровительственные пошлины обусловливают в России примитивную технику, отсталость в деле охраны труда, так что русские социал-демократы высказываются за отмену покровительственных пошлин. Или нас, может быть, хотят заставить исходить из условий лишенных промышленности балканских стран? Не выдерживает критики и указание на то, что отдельные отрасли германской промышленности без покровительственных пошлин обойтись не могут. Ни одна реформа не может удовлетворить всех и все; введение свободы ремесла и любой технический прогресс тоже разоряет целый ряд предпринимателей; и все же мы стояли за свободу ремесла и за технический прогресс, хотя они и грозили гибелью целому ряду жизней. Недавно в печати указывалось на то, что производство тростей не может выдержать свободной конкуренции. Полагаю, что поскольку наиважнейшие отрасли промышленности выдержать ее могут, надо, хотя и с душевной болью, наплевать на трости.

Вообще, не следует впадать в крайность и декретировать отмену пошлин единым мановением руки—с первого апреля этого года. Мы не сорванцы, а разумные люди (смех) и, получив в свои руки власть, сумеем проводить реформу разумно. Как постепенно требуем мы сокращения рабочего времени, так постепенно можем мы себе мыслить и отмену покровительственных пошлин—в виде целого ряда реформ, дающих соответствующим промышленным странам и отраслям промышленности возможность своевременно подготовиться. Но отсюда еще не следует, что в политике надо действовать от случая к случаю и креститься только тогда, когда грянет гром,—сегодня отстаивать покровительственные пошлины, а завтра против них бороться. Нет, в программе надо требовать полной отмены покровительственных пошлин и высказываться против всякой новой пошлины.

РАЗБИТЫЕ НАДЕЖДЫ [1]

Отношение всей буржуазной печати к событиям нашей партийной жизни доказывает лишний раз, как безошибочно

---

[1]) Напечатана в Neue Zeit. 1903/04 год, № 2.

торжествует классовый инстинкт над всеми внешними противоречиями буржуазных партий. Они опять все спелись, национал-либералы и центр, реакционная клика и последыши свободомыслящей партии, все единодушно предаются шумной радости и ликованию по поводу «несостоятельности» социал-демократии. Одни в восторге от «взаимной потасовки», которая, наконец-то, началась и дает основание надеяться на осуществление прекрасной мечты о том, что социал-демократия, против которой буржуазия так бессильна, сама себя когда-нибудь «пожрет». Другие ликуют по поводу злополучия, постигшего нескольких академиков в лагере социал-демократии, и видят в нем подтверждение тому, что между «образованными людьми» и «слепой массой» лежит непроходимая пропасть, и кто попытается перепрыгнуть через нее, тот ломает себе шею. Третьи указывают с торжеством, что теперь социал-демократии уже нельзя будет с высоты своего величия взирать на буржуазный мир, так как у нее в собственном доме завелся червь разложения,— «совсем как у нас». И все они в один голос вопят, что наступил конец авторитету социал-демократии, ее всеподавляющей мощи, и навсегда!

Это лицемерное торжество было искусно разыграно. Настолько искусно, что одна партийная газета приняла его совершенно всерьез, поверила в его искренность и сочла своим долгом в патетических словах предостеречь партию и звать ее к отрезвлению.

И все-таки нужно иметь лишь слегка изощренный слух, чтобы в этом пронзительном концерте ликования и торжества уловить злобу разочарования и сдержанную ярость. Именно общий хор сочувствия буржуазной печати нескольким «образованным людям», этим мнимым жертвам «остервенелой варварской орды», глумления над «слепой массой» и ее «бунтом против академиков», ясно указывает, где находится та рана, в которую партия теперь безбоязненно влагает свои персты.

И действительно, в современной буржуазной среде мог показаться до известной степени смешным и варварским большой шум, поднятый в социал-демократии из-за «пустяков», которые были бы встречены во всякой буржуазной партии молчаливым пожиманием плеч. Комичной может показаться картина трехмиллионной партии зрелых мужей, которая так волнуется и раздувает в события государственной важности несколько «недобросовестностей», совершенно меркнущих по сравнению с той массой лжи, которую развертывает один из героев среди ратующих за пошлины в одном только заседании рейхстага, или какой-нибудь консервативный кандидат в одной только избирательной речи.

С горьким чувством должны мы признать, что дискуссия с ревизионизмом приняла теперь действительно постыдно «личный» характер. Увы, мы не находимся в удобном положении национал-либералов или центра, свободомыслящих или юнкерства, сделавших развращение и обман масс самой основой партийной жизни, в которой всякая единичная недостойная выходка бесследно растворяется, как капля воды в однородной морской стихии.

Если, впрочем, протесты пролетарской массы в нашей партии против отдельных проявлений разложения среди «академиков» приводят буржуазию в такую ярость, то нужно отдать ей справедливость, что она с верным инстинктом нащупала в теперешних наших прениях ту именно сторону современного рабочего движения, которая за последние полстолетия имела для нее такое роковое значение,—вызванный социал-демократией радикальный переворот во взаимоотношении между «массой» и «вождями».

Слова Гете об «отвратительном большинстве», состоящем из немногих сильных пионеров, из пройдох, которые приспособляются, из бессильных, которые ассимилируются, и из массы, которая «плетется в хвосте, сама не зная, чего хочет», эти слова, которыми буржуазные писаки хотят заклеймить социал-демократическую массу, являются не чем иным, как классической схемой «большинств» в буржуазных партиях. Во всех происходивших доныне классовых боях, которые велись в интересах меньшинства, в которых, по словам Маркса, «историческое развитие шло вразрез с интересами широкой народной массы», непонимание массой подлинных целей, материального содержания и пределов исторического действия являлось одновременно и предпосылкой, определяющей и самое это действие. Это непонимание было также и специфической исторической почвой того процесса, в котором «руководящую роль» играла «просвещенная» буржуазия с «плетущейся в хвосте массой».

Но, как писал Маркс уже в 1845 г.: «с основательностью исторического действия будет расти и об'ем масс, выявлением которых оно служит». Пролетарская классовая борьба есть самое «основательное» из всех происходивших доныне исторических действий, она охватывает все низшие слои народа и есть первое действие со времени существования классового общества, которое соответствует собственным интересам массы.

Осознание массой своих собственных задач и путей является здесь поэтому такой же неот'емлемой исторической предпосылкой социал-демократического действия, как раньше ее непонимание было предпосылкой действий господствующих классов.

Но этим самым устраняется противоположность между «руководящим» меньшинством и «плетущимся в хвосте» большинством, взаимоотношение между массой и вождями ставится на голову. Единственная роль так называемых «вождей» в социал-демократии заключается в том, чтобы раз'яснять массе ее исторические задачи. Авторитет, влияние «вождей» в среде социал-демократии растет лишь в меру под'ема сознания, которому они в этом смысле способствуют, т.-е. именно в меру того, как они разрушают прежнюю основу всякого «возглавления», слепоту массы, одним словом—в меру того, как они сами себя устраняют от роли вождей, делают массу руководительницей, а себя самих—выполнителями, орудиями сознательного действия массы. «Диктатура» Бебеля, т.-е. его огромный авторитет и влияние, покоится лишь на его огромной работе по под'ему сознания массы на уровень политической зрелости, и ныне он пожинает плоды этой работы, когда масса восторженно следует за ним, поскольку он, как в настоящий момент, воплощает ее волю и мысль в слово. И если подготовка проникнутой ясным сознанием, одухотворенной руководительницы—массы лассалевского слияния науки с работниками есть и остается лишь диалектическим процессом, ибо постоянно притекают свежие элементы из рабочих кругов и попутчики из других слоев, то все же господствующей тенденцией социал-демократического движения было и остается устранение «вождей» и «ведомой» массы в буржуазном смысле, этой исторической основы всякого классового господства.

Было бы, однако, глумлением над тенью старых буржуазных борцов за свободу, если бы мы пожелали поставить их на одну доску с современными буржуазными вождями. Развитие социал-демократии оказало также глубокое влияние на отношение массы к вождям за пределами пролетарской классовой борьбы, в самой буржуазной среде. Классовые движения подымающейся буржуазии имели в своей основе неосознанность подлинных их целей не только народными массами, но, в большой мере, и самими вождями. В настоящее же время, после того как вскрыты подлинные классовые интересы народной массы, буржуазия может сохранить свою паству только преднамеренным маскированием как собственных своих классовых стремлений, так и противоположных им интересов народа. Революционные застрельщики буржуазии были народными вождями на основе исторического самообмана,—Бахемы, Бассерманы, Рихтеры, наемные писаки которых вопят о «диктатуре» Бебеля, являются народными представителями на основе политического обмана.

Если среди этих партий, деятельность которых основана на систематическом обмане масс, именно либерализм в на-

стоящее время идет впереди всех остальных в глумлении над «слепой массой» социал-демократии и «бунтом мозолистого кулака» против «святого духа просвещения», то это лучше всего показывает, как радикально изменились за последние полстолетия историческая обстановка и «дух» этих господ.

В начале сороковых годов гегелианец Бруно Бауэр после своего отказа от радикального движения полемизировал с «либеральными вожаками массы» и убеждал их в том, что именно «в массе, а не в другом месте» следует искать «истинного врага духа». «Либеральные вожаки» того времени искали еще «истинного врага духа» не в «массе», которая принимала их фразы всерьез, а в «другом месте», а именно — в реакционном прусском государстве. В настоящее же время, после того как «либеральные вожаки» давно стакнулись с реакционным прусским государством против «массы», они в ней-то и видят «истинного врага духа». В той самой массе, которая с презрением от них отвернулась, чтобы собственными силами бороться и против реакции и против буржуазного либерализма, не далее как 16 июня [1]) нанесла его «вожакам» новое чувствительное поражение.

Это — все та же старая басня о зеленом винограде. С каждым днем буржуазия все больше теряла в широких народных слоях своих приверженцев, переходивших в лагерь социал-демократии, и после этого у нее оставалась единственная надежда, что хотя бы через посредство ревизионизма удастся подчинить социал-демократическую рабочую массу влиянию буржуазной политики, сломить у пролетарской классовой борьбы «спинной хребет» и таким образом окольными путями хоть немного возместить свои потери на историческом поприще.

Пока еще сохранялась такая надежда, до тех пор находили, что социал-демократическая масса очень ценит «культуру» и «просвещение» и обещает постепенно стать «цивилизованной» силой. Но теперь, после того как она оказалась настолько дикой и антикультурной, что растоптала в Дрездене грубым пролетарским сапогом все кукушкины яйца, заботливо снесенные буржуазией в ее гнездо, не может уже, конечно, быть никакого сомнения, что это лишь слепая орда, которую ее вожакам и диктаторам нетрудно было подстрекнуть к такому варварскому акту.

Картина не лишена известного комизма, но можно признать, что на этот раз горе «обманутых обманщиков» имеет за себя особенно серьезные основания. Если прежние партийные с'езды осудили отдельные проявления практики и теории ревизионизма, то в Дрездене и после Дрездена пар-

---

[1]) Выборы в рейхстаг 1903 г.

тия не только еще решительнее подтвердила прежний свой приговор, но одновременно держала суд над другой стороной ревизионизма—его политической этикой и коренящимися в ней личными связями с буржуазией.

Для всякого, кто отдает себе отчет в явлениях последнего времени в их внутренней связи, не может подлежать никакому сомнению, что нашумевшая статья о «партийной морали» [1]), как ни случайно могло бы быть ее происхождение и как ни слабо она характеризует подлинную тактику всех товарищей-ревизионистов, может все же рассматриваться как адэкватное (соответствующее) выражение этики ревизионизма, как она с логической необходимостью вытекает из его теоретического построения. Масса, которую следует воспитывать, как ребенка, которой нельзя всего говорить, которую позволительно даже водить за нос и обманывать ради ее же блага, и «вожди», которые в качестве дальновидных «государственных мужей» лепят из этой мягкой глины храм будущего по собственным великим планам,—такова политическая этика как буржуазных партий, так и ревизионистского социализма, как бы ни были различны преследуемые ими цели.

На практике мы видим, как такое взаимоотношение массы и вождей пробивает себе путь в жоресизме во Франции и в уклонах направления Турати в Италии. «Автономные», лишенные взаимной связи, разнородные «федерации» жоресистской партии, предложение Турати в Имоле упразднить центральный комитет партии,—все это не что иное как распыление крепко организованной партийной массы, для того, чтобы она из самостоятельной руководительницы превратилась в безвольное орудие в руках своих парламентских представителей, в ту «слепую массу», которая осуждена «плестись в хвосте», так как «сама не знает, чего хочет», а если и знает, как это было на конгрессе в Бордо, то бессильна диктовать свою волю. Вот это, равно как и стремление жоресистских депутатов избавиться даже от влияния и контроля пославших их в парламент партийных организаций и апеллировать через их головы непосредственно к неорганизованной аморфной массе избирателей,—таковы организационные предпосылки взаимоотношения вождей и массы, представленного в статье Zukunft'а, как психологически необходимая норма всякого массового движения.

С этим затиранием границ между сознательным пролетарским ядром и неорганизованной народной массой внизу находится в гармоническом соответствии затирание границ между «головкой» партии и буржуазной средой вверху,—

[1]) Статья Георга Бернгарда в Zukunft.

сближение социалистического парламентария с буржуазным литератором на почве «общечеловеческой цивилизации».

В тихие зимние вечера собирались под сенью «цивилизации» и «общечеловеческой культуры» социал-демократические парламентарии вместе с буржуазными журналистами, чтобы отдохнуть от «бремени профессии» и «прозы политического ремесла». Подобно тому как на склоне эпохи расцвета древней Греции группировались около Перикла государственные мужи, философы, политики и художники, чтобы в непринужденной беседе воспарить до вершин человеческого духа и изведать тончайшие культурные достижения, так в одном берлинском кабачке собирались вокруг Перикла — Гардена социал-демократические государственные мужи, чтобы в обществе изящных женщин и остроумных журналистов, вдали от суровой прозы классовой борьбы и потного запаха масс, поболтать о политике и искусстве, о возвышенном и веселом. И если на головах собравшихся не было греческих венков из роз, и приходилось, может быть, заменять благородный сок фессалийской лозы вульгарным пивом, то все же над собранием витал подлинный дух античной дружбы и изысканнейшей просвещенности; и в атмосфере истинной терпимости, свойственной высшим умам, скрещивались и сопоставлялись самые различные взгляды и мнения, а подчас подготовлялись политические интриги против неудобных товарищей. «Как в просвещенном обществе», — говорит тов. Гейне.

И вдруг грубый пролетарский кулак, чуждый тонкой просвещенности и веку Перикла, принимается разрушать все «нежные нити свободной человечности». Далеко протянувшиеся из буржуазного общества в наш лагерь щупальцы болезненно вздрагивают и поспешно втягиваются обратно. Вопли и издевательство либералов всех оттенков свидетельствуют о разбитых надеждах. Ревизионистский туман рассеялся, и перед исполненными ненависти взорами буржуазии высится попрежнему во всей своей неприступности отвесная скала пролетарских бастионов. Между ней и буржуазным миром зияет попрежнему непроходимая, глубокая пропасть. То, что за минуту перед тем представлялось буржуазным мародерам простой прогулкой, оказывается теперь опасным прыжком, «при котором можно сломать себе шею», — если не поставить на карту всей своей личности.

Связь этических явлений последнего времени с ревизионистскими методами ясна. Бойкое перепрыгивание в ту и другую сторону через ров, отделяющий боевой лагерь пролетариата от буржуазных врагов, вошедшее в практику благодаря ревизионистской «свободной критике», «свободному выражению мнений» и «свободному сотрудничеству» в буржуазной печати, — было как раз этой почвой, на которой

эти явления дали пышный цвет: наиболее ярким их проявлением был заговор против Меринга. Между социал-демократией и буржуазным миром установился род духовного эндосмоса (обмена соков), благодаря которому ядовитые вещества буржуазного разложения могли свободно проникать в кровообращение пролетарского партийного организма.

Hinc illae! lacrimae! (Вот где источник слез!). Отсюда гримасы буржуазной печати и вопли, что мы пренебрегли своими «попутчиками» и преградили доступ академикам. По мнению одной либеральной газеты, тов Гёре, теперь, после того как был вынужден отказаться от своего мандата, мог убедиться, «какую ошибку он совершил» своим вступлением в социал-демократию. Это наивное признание благородной либеральной души показывает, как смотрят в этом лагере на принадлежность человека к той или иной партии. Прекраснодушный либерализм воспринимает вступление в социал-демократию как «ошибку», вроде ошибки биржевика, игравшего на кофейных акциях вместо хлопчатобумажных. Он не подозревает даже, что при такой «деловой» оценке того, что происходит у социал-демократии, он низводит собственную свою политику до уровня проституции.

Тех академиков, которые, исходя из этой точки зрения, к нам больше не придут, или от нас отойдут, мы охотно уступаем либерализму, который так настойчиво зазывает их к себе. Similia similibus (подобный к подобному). Мы опасаемся только, что вряд ли бедный либерализм наживет барыши на этой ожидаемой им частичной ликвидации «конкуренции», так как именно родственные ему по духу «академики», уж наверно не совершат «ошибки», не пойдут наниматься к обанкротившейся бирже.

Что касается нашей культурной миссии, которая, повидимому, особенно беспокоит юнкерство после «бунта мозолистого кулака» против «академиков», то скоро ост'эльбские друзья культуры должны будут к своему огорчению убедиться, что, разделавшись с ревизионизмом, социал-демократия с еще большей энергией выступит в защиту культуры против юнкерской реакции. Ибо и внутренняя связь социал-демократии с духовной культурой покоится не на перешедших к нам от буржуазии элементах, а на восходящей пролетарской массе. Она коренится не в родстве нашего движения с буржуазным обществом, а в его противоположности этому обществу. Его источником служит социалистическая конечная цель, означающая возвращение совокупной человеческой культуры человеческому коллективу. И чем резче выступает на передний план движения пролетарский характер социал-демократии и ее конечная цель, тем вернее будет предохранена духовная

культура Германии от ее ост'эльбских друзей, и сама Германия—от консервативного застоя.

Но тем более настоятельной представляется очистка партии от элементов разложения, водворившихся в ней за последние пять лет. Ибо в соответствии с «основательностью» этого, тоже в известном смысле «исторического действия» возрастет и «об'ем массы», которая с доверием последует в наш лагерь, как в единственный политический лагерь, где ее чистые классовые интересы защищаются под чистым знаменем.

СОЮЗНИКИ РЕФОРМИЗМА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Немецкому реформизму не так-то легко было бы состряпать себе идеологию, если бы он не имел возможности опереться на союзников из лагеря официальной науки. В области философии это были, прежде всего неокантианцы в политической экономии — катедер-социалисты. С неокантианцами расправился, в первую голову, Франц Меринг. Роза Люксембург взялась, в свою очередь, за экономистов; не столько, строго говоря, за подлинных основоположников катедер-социализма, которые к тому времени были уже теоретически ликвидированы, сколько за их эпигонов (последышей).

Над немецкой политической экономией, с самого появления ее на свет, тяготело проклятие. Как детище поздно развившегося немецкого капитализма, она никогда не умела проявить истого, проникнутого верой оптимизма, которым отличалась в свое время классическая политическая экономия Франции и Англии. Когда она делала свои первые шаги, там уже успели разувериться в вечности, непреложности (имманентном разуме) и богоподобии капиталистического режима. Поэтому немецкая наука, при всем своем блеске в других областях знания, не выработала в политической экономии сколько-нибудь крупной, многооб'емлющей системы, а лишь безвкусную похлебку—вульгарную экономию. С самых ранних пор она видела свое призвание в том, чтобы примирить рабочий класс с приукрашенным ею капиталистическим хозяйством. Первые попытки в этом направлении предпринял немецкий либерализм в лице своего знаменосца Шульце-Делича, которому, как известно, Лассаль и Швейцер задали основательную трепку. Эти попытки имели лишь вначале незначительный успех и очень скоро замерли. Вторая попытка относится к 1872 году. Тогда был основан в Эйзенахе союз социальной политики (Verein für sozialpolitik), предприятие, во главе которого стоял ряд немецких университетских профессоров, как-то: либерал Брентано, консервативный поборник прусского государственного социализма Вагнер, Шмоллер и другие. Союз начертал на своем знамени примирение классов. Его оружием должно было служить законодательство по охране труда. Кроме ценных исследований по отдельным вопросам, союз не дал ощутительных результатов; тем не менее, он навлек на себя с самого начала ожесточенный поход со стороны завзятых защитников предпринимательского барыша и получил от них презрительную кличку катедер-социализма, которая так и осталась за этим направлением. Для характеристики катедер-социалистов мы позволяем себе цитировать то, что писал о них Франц Меринг в 1897 году в «Neue Zeit».

«Намерения их клонились к тому, чтобы утвердить господство капитала на более или менее разумных, в пределах возможности, основаниях и этим обеспечить ему большую прочность. Катедер-

социалисты были так мало расположены к социализму, что являлись, пожалуй, несравненно более опасными противниками социализма, чем вся манчестерская братия, по крайней мере, по своим принципам. Если бы государственная власть и буржуазия последовали советам, которые давали им катедер-социалисты в начале 70-х годов, то развитию классово-сознательного пролетариата пришлось бы преодолевать на своем пути несравненно более трудные препятствия, чем все то, что на протяжении последней четверти века могли ему противопоставить все манчестерские писания и все полицейские дубинки, вместе взятые. Советы катедер-социализма, основанные частью на большом знании дела, клонились к тому, чтобы смягчить наемное рабство путем некоторых реформ и создать для рабочей аристократии сносное существование. Само собой разумеется, что такими паллиативными мерами нельзя было бы навеки приостановить революционное рабочее движение, но оно было бы замедлено на годы, а может быть и на десятилетия, а большего не может дать буржуазному обществу никакой защитник и спаситель».

Легко установить, как близко подходили по своим целям и методам эти катедер-социалисты к нашим реформистам. Те, для кого конечная цель не играла никакой роли, кто отвергал революционную борьбу, кто извращал сущность капиталистического государства, видел перед собой демократизирование мира и «врастание ветхого строя» в социалистическое общество,—вряд ли чем-либо отличались от тех благомыслящих людей, которые тоже «сочувствовали рабочему классу». Тем соблазнительнее стало это направление буржуазной науки, когда оно покаянно отреклось от своей поддержки исключительному закону и заменило свою тактику замалчивания по отношению к теориям Маркса мнимою симпатией к марксизму и в особенности к «марксизму» под знаком бернштейновского ревизионизма. Наступило время, когда оружие марксизма было использовано духовными вождями буржуазии в восточных странах, находившихся под гнетом абсолютизма и феодализма (и прежде всего в России), где она только еще поднималась. Тогда и цеховая наука Запада увидела себя вынужденной пойти на уступки. Не было ничего характернее для этой науки, чем то, что именно шарлатан Вернер Зомбарт мог стать ее призванным истолкователем «марксизма». Столь же характерно было для немецких ревизионистов, что они приняли Зомбарта и ему подобных за живое доказательство возрождения в «духовной лейб-гвардии Гогенцоллернов», немецком профессорском мире. С этим Зомбартом Роза Люксембург прежде всего и расправилась в печатаемых ниже статьях, обрушившись на него вескими аргументами и едким сарказмом, и читатель увидит, как вместе с официально политической экономией она развенчала и иллюзии ревизионистов.

Катедер-социализм закончил свою карьеру. Он пытался под флагом науки соблазнить рабочий класс блюдом империализма, подобно тому как священник Науман сделал такую попытку на политическом поприще, что послужило причиной его гибели. После предвоенных проб пера Зомбарта никого не удивит, что он опустился до роли буржуазного шута. Но даже профессор Геркнер, про которого в свое время кричали, что он скрытый социал-демократ, стал теперь вместе с Гейнцем Потгофом поборником интересов крупного капитала. Оба они «доказывают» в «Работодателе» правильность тезиса Вильгельма II о «полной компотнице» рабочих. Катедер-социализм сменился школой неоманчестерства, которая провозглашает анафему даже самой невинной социальной политике. И это в эпоху массового обнищания и господства монопольного капитала!

ГНИЛЫЕ ОРЕХИ[1])

Берне как-то сказал, что при чтении произведений своих официозных противников он испытывает каждый раз такое чувство, как будто раскусил гнилой орех. Каждый раз он самым добросовестным образом употребляет усилие, чтобы раскусить официозный орех, но, не встретив ожидаемого сопротивления, зубы судорожно щелкают, нервы болезненно содрогаются, и во рту остается отвратительный вкус червивого ядра. Подобное же чувство приходится теперь испытывать тому, кто читает бесчисленное множество книг, брошюр и статей о «кризисе марксизма», которые как раз за последние месяцы сыплются как из рога изобилия.

С особенным парадом выступил в последней книжке Ежегодников Конрада свежеиспеченный доктор Симкович. На 60 страницах своего сочинения «Кризис социалдемократии» он цитирует всю старую и новую литературу о марксизме, ссылается на большинство философов последних двух столетий, прибегает к свидетельству авторитетов на всех живых и мертвых языках, местами вплетает стихи; и все эти философы, ученые и поэты доказывают у него с подавляющей неопровержимостью, что теории Маркса, каждая в отдельности и все вместе взятые, по всем пунктам, давным давно уже выброшены жизнью и наукой на свалку.

Этот новоявленный сокрушитель марксизма мечет свои смертоносные стрелы из Нью-Иорка, но патент скудоумия приобрел, очевидно, в каком-нибудь немецком университете, и его собственный «научный» уровень характеризуется в достаточной мере таким утверждением: «Главная ошибка Карла Маркса... заключалась в том, что построенная им система об'ясняет общественное бытие, вместо того, чтобы определять социальное долженствование»; иначе говоря, Маркс не писал социальных рецептов на предмет создания идеального общества, а дал исследование существующего общества, он был не утопист, а научный исследователь,—и в этом-то и заключалась его «главная ошибка».

Представим себе, что сейчас, на исходе века, такой Симкович заявился бы с подобным утверждением в другой области науки и провозгласил бы, например, главной ошибкой Дарвина, что он дал об'яснение действительного развития животного мира, вместо того, чтобы указать, как это развитие должно происходить. Ведь, такая статья была бы моментально возвращена автору редакцией любого научного обозрения. Но в области обществознания можно в профес-

[1]) Напечатана в Leipziger Volkszeitung 22 июля 1899 г.

сорском органе преспокойно преподносить читателям такого рода школьные упражнения, особенно на антимарксистскую тему, и это далеко не единичный случай, а скорее, наоборот, общее правило для современной казенной социальной науки в буржуазных журналах и университетах.

С неподражаемым апломбом дипломированного невежества Симкович изрекает еще, что «научно дисциплинированный ум верит в победу формального принципа справедливости и равнодушно относится к технической стороне общественного строя, между тем как помыслы и упования непросвещенного ума сосредоточиваются на определенной материальной организации, на конкретной утопической картине общества, а не на абстрактном suum cuique (каждому свое)». Только непросвещенная толпа может, видите ли, увлечься химерой, будто для осуществления принципа справедливости необходима определенная организация общества, но ум, вышколенный штаммлеровской премудростью, «сосредоточивается» лишь на «формальном принципе», т.-е. на витании в поднебесье — стихии воробьев и немецких профессоров. Читатель может заранее предугадать, что в похоронной речи Симковича социал-демократия теряет один за другим все свои принципы: «революцию», теорию обнищания, закон стоимости, материалистическое понимание истории; а затем проходят церемониальным маршем во всей своей красе Фольмар, Кампфмейер, Конрад, Шмидт и венец всей плеяды — Бернштейн. Этот мотив перепевается уже целые месяцы во всех буржуазных газетах и журналах, ему посвящено множество тонких и толстых книг, он так скучен и однообразен, до того приелся, что не заслуживает более подробного рассмотрения.

Но вся эта безвкусная болтовня о кризисе социал-демократии и преодолении марксизма вызывает один недоуменный вопрос. Что, собственно, произошло за последнее время? Преодоление марксизма издавна уже служит, как известно, любимым занятием немецких профессоров и испытанным средством достижения приват-доцентуры в Германии. Более того, если обозреть общее развитие социальных наук в Германии за последние 25 лет, то оно представляется, вообще говоря, не чем иным как сплошным марксоборчеством, важнейшим его положительным стимулом было стремление опровергнуть теории Маркса.

Возьмем политическую экономию. Развитие классической экономии вело логически через Смита и Рикардо к Марксу, от анализа буржуазного порядка к открытию законов его движения и его гибели. Чтобы опровергнуть социалистические выводы Маркса, для поборников буржуазной науки явилось, таким образом, логической необходимостью опровергнуть и всю классическую полити-

ческую экономию. В противовес могучему орудию этой экономии, дедуктивному методу, с помощью которого были вскрыты общие основы буржуазного общества, создалась так называемая «историческая школа», которая поставила себе принципом накоплять с муравьиным трудолюбием целые горы «фактического» хлама и «исторических» отбросов, чтобы под ними счастливо укрыть и упрятать общие законы движения буржуазного общества. Таким образом, при помощи истинно буржуазной «спекуляции», было удовлетворено требование современной политической экономии, т.-е. исторической точки зрения, а подлинный исторический метод был лишен всякого революционного жала.

Другим существенным отличием классической экономии, включая и последнего ее представителя Маркса, было об'ективное исследование хозяйственных явлений. Борьба с этим опасным методом исследования привела к «суб'ективной школе» Бем-Баверка и Джевонса, поставившей себе целью об'яснять общественные явления не на основе внешних взаимоотношений между людьми, а выводить их из глубин индивидуальной человеческой души и таким путем избегнуть опасных выводов из буржуазных отношений. Но при всем том оставался еще факт социал-демократической борьбы, пред лицом которого было необходимо разделаться в той или другой форме с вскрытыми Марксом язвами буржуазного строя. Эту задачу должен был разрешить ублюдочный катедер-социализм школы Брентано.

Такую же эволюцию, как политическая экономия, прошла и философия, в особенности в социологической своей части. Как классическая экономия через Смита и Рикардо, так классическая философия через Гегеля и Фейербаха привела логически к Марксу, диалектика и материализм — к материалистическому пониманию истории. В полной аналогии к преодолению методов исследования, введенных классиками экономии, необходимо было преодолеть важнейшие достижения классической философии, диалектику и материализм. И так как от Гегеля философские пути вели с фатальной неизбежностью в опаснейшие «разбойничьи берлоги» Фейербаха и Маркса, то буржуазным философам не оставалось ничего иного, как простым указом упразднить Гегеля в эволюции философии и повернуть науку вспять «к Канту».

Но труднее всего давалось «преодоление» исторического материализма. Чтобы отдать дань монизму, т.-е. единству, являющемуся критерием всякого современного понимания истории, но в то же время уклониться от опасных выводов материалистического учения, буржуазная социология, после долгих мук и потуг, изобрела, наконец, с помощью Штаммлера, новый, незнакомый всей классической фило-

софии «монизм», не материалистический, не идеалистический, а просто идиотический, который заключается в том, что все явления общественной жизни он растирает в профессорском мозгу в безразличную кашицу; в качестве мерила для оценки права на существование социальных стремлений он умеет построить лишь «формальный социальный идеал», вся возвышенность которого заключается в том, что он совершенно неосуществим.

Таким образом, вся официальная общественная наука Германии за последнюю четверть века представляется как великое «преодоление Маркса»; Маркс служит тайной пружиной всего ее существования. Но все эти экономические, социологические и философские «школы марксоедов» носят на себе одну общую ярко выраженную печать: они не ставят себе целью убедить естественных приверженцев Маркса, широкие классы народа, а предназначены для самоуспокоения или, хотя бы, самоусыпления естественных противников Маркса, буржуазии. От высокопарной и путаной профессорской болтовни всех этих Рошеров и Бем-Баверков, Шмоллеров и Штаммлеров веяло безнадежной скукой замкнутого кружка, заранее готового принять на веру все, что только направлено против ненавистного Маркса. Сквозь весь апломб «научности», самодовольство, взаимное поклонение мелкотравчатой профессорской клики мерцало неприятное сознание глубокого глухого презрения со стороны великой рабочей марксовой рати. За самыми возвышенными речами «исторической школы» слышался злобный хохот и беспощадная насмешка Маркса, усерднейшие социал-реформистские словоизлияния заглушались твердой поступью социал-демократии.

Это была просто «наука для пищеварения», наука для вящщего переваривания прибавочной стоимости, не питавшая никаких претензий или надежд, что когда-нибудь ей внемлют производители прибавочной стоимости.

Но внезапно произошло нечто неожиданное. Огромный рост социал-демократии вширь повлек за собой, в числе других последствий, появление оппортунистического уклона за последние годы.

С своей стороны, в силу своей оппозиции против революционного характера пролетарского движения, оппортунизм должен был, естественно, проделать все те шаги, вернее — попятные шаги, которые за десятилетия до него уже были пройдены буржуазной наукой. Все те добрые люди, которые по профессии ведут с высоты кафедры за положенное жалованье теоретическую борьбу с социал-демократией, очутились вдруг, к собственному своему изумлению, посреди лагеря социал-демократии. Давно уже скисшие и истлевшие от долгого и бесплодного бормотания, сами себя по-

хоронившие и забытые катедер-социалисты внезапно ожили в теориях Бернштейна и его приверженцев, ожили «суб'ективисты», ожил неуловимый, подобный капризному мотыльку, штаммлеровский «социальный идеал» («Конечная цель для меня ничто, движение—погоня за идеалом—все»). Само собой понятно, что внутренний характер буржуазной «пищеварительной науки» нисколько не меняется от того, что несколько заблудших и зарапортовавшихся социал-демократов повторяют ее зады. И стены марксизма не упадут, конечно, от того, что социал-демократические добровольцы трубят сейчас в буржуазные трубы.

Но пока партия не дала этим фактам официального и недвусмысленного выражения, весь рой буржуазных марксоедов пребывает в приятнейшем заблуждении: им кажется, что они среди самой социал-демократии создают себе школу, о чем они раньше и мечтать не смели, и в конце концов они начинают верить и в самих себя и в то, что одолели Маркса...

В нашем лагере повеяло оппортунистическим душком, вот отчего за последние месяцы посыпались таким густым дождем гнилые орехи буржуазных рассуждений о «кризисе марксизма». Старая песня, но в ней появились новые нотки веры, надежды... и любви. Ибо даже юный Симкович обещает не совсем нас забыть и «поделить» хлеб с голодными... если мы окончательно отвергнем преодоленный марксизм.

Было бы верхом пошлости удостоить серьезного ответа однообразные и скучные «размышления» профессоров и их учеников о домашних делах социал-демократии. Но дать им надлежащую отповедь, поставить их на место, внушить им былой трепет, заставить их проникнуться прежним заслуженным презрением к самим себе,—к этому обязывает социал-демократию память Маркса. Что при этом будет речь и о самих социал-демократах, дело печальной необходимости...

БУРЖУАЗНЫЕ КОНГРЕССЫ ПО ВОПРОСАМ ОХРАНЫ ТРУДА И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ [1])

В последнем номере Mouvement socialiste (от 15 августа), в статье, посвященной только что состоявшемуся в Париже международному конгрессу по законодательству об охране труда, Жорж Фокэ упрекает нашу партию за то, что она отсутствовала на этом конгрессе: «Работы конгресса выиграли бы, несомненно, в смысле уточненности, уровень прений был бы выше, если бы наши немецкие товарищи

[1]) Напечатана в Neue Zeit, № 48, 25 августа 1900 г.

не уклонились от участия в нем, руководясь второстепенными соображениями, которых мы не можем понять, хотя и догадываемся о них». Из этих слов и следующего за ними абзаца явствует, что Фокэ об'ясняет себе пассивное отношение германской социал-демократии к Парижскому конгрессу по охране труда, главным образом, желанием нашей партии сохранить нейтральность перед лицом внутренних распрей французского социализма. Но это совершенно ошибочное предположение. Наша партия может привести совершенно иные и более веские мотивы для своей линии поведения, ближе связанные с основными взглядами социал-демократии. И так как Фокэ заканчивает свою статью горячим призывом к социалистическим партиям примкнуть к основанной Парижским конгрессом «Международной ассоциации по законодательной охране труда», то мы считаем уместным изложить здесь вкратце эти мотивы.

Охрана труда принадлежит безусловно к тем требованиям социал-демократии, которые вполне осуществимы на почве современного строя, нисколько сами по себе не нарушают капиталистических отношений, и, следовательно, говоря абстрактно, приемлемы и для буржуазии, при некоторой дальновидности с ее стороны. Более того. Развитие производства и техники приносит с собой и об'ективный базис для прогрессирующего развития охраны труда. Однако, мы видим, что буржуазия не соглашается добровольно на мероприятия по охране труда, мы видим, наоборот, что все, что добыто в области охраны труда, является непосредственно, или—как частью в Англии—косвенно, результатом классовой борьбы рабочих.

Здесь перед нами ставят вопрос, не могли ли бы мы, идя совместно со всеми сочувствующими охране труда буржуазными элементами, достичь более значительных результатов по сравнению с тем, что добыто доныне самостоятельной борьбой. Само по себе, т.-е. в принципе, по определенным практическим вопросам, например, когда дело касается демократических свобод, совместное выступление с буржуазными группами представляется возможным там, где они преследуют из собственных интересов те же цели, что и пролетариат, где, следовательно, взаимная поддержка увеличивает силу, направленную против общего врага,—другой буржуазной группы. Но в данном случае положение вещей иное. Мы не видим буржуазной партии или группы, которая бы стремилась из собственных интересов к охране труда и, таким образом, представляла бы силу, с которой можно, в нужном случае, вступить в союз. Мы имеем перед собой мешанину самых разнородных элементов, не представляющих в совокупности ни класса, ни партии, ни какой-нибудь политической группы; они являются, скорее, каждый в отдель-

ности, прогрессивными одиночками, белыми воронами среди различных партий и групп. Это, в лучшем случае, случайное сборище более или менее искренних идеологов, которые обращаются к нам не от имени какой-нибудь общественной силы, а от своего собственного. Если бы эти элементы хотели нас поддержать в нашей борьбе за охрану труда, то они без дальних околичностей присоединились бы к нам и боролись бы в наших рядах. Если бы они пожелали, с другой стороны, сломить сопротивление буржуазии нашим требованиям в этой области, им следовало бы только развернуть в буржуазных кругах соответствующую агитацию, для чего наше содействие представлялось бы совершенно излишним. Далее, если бы нужно было раз'яснить буржуазным добровольцам положительную сторону вопроса, дать им материал и освещение, указать отправные точки для их деятельности, то образец и школу они нашли бы в наших рабочих конгрессах, в нашей литературе и парламентской работе, которые открыты для всех желающих. Если бы, наконец, шла речь о том, чтобы засвидетельствовать с нашей стороны добрую волю радостно принимать даже самомалейшие положительные уступки, то эта добрая воля несчетное число раз находила и находит себе подтверждение по всякому подходящему поводу в парламентах, на народных собраниях, в печати, в словесных заявлениях и на деле.

Когда от нас требуют об'единения с буржуазными элементами для совместного выступления в пользу охраны труда, то здесь, очевидно, имеется в виду нечто другое. Дело в том, что лишь путем нашего присоединения пестрая смесь этих элементов долженствует стать представительницей определенных социальных интересов, лишь путем об'единения с нами она может сделаться общественной силой.

Но если бы проектируемая совместная деятельность велась подобным же образом, как она и без того издавна ведется рабочими партиями, т.-е. как классовая борьба против буржуазии и лишь как составная часть всеобщей освободительной борьбы пролетариата, то буржуазные союзники не поднялись бы из своего ничтожества до степени политической силы, они стали бы лишь придатками пролетарской классовой борьбы, и весь план «об'единения» потерял бы смысл. Деятельность этих элементов, к которой нас зовут примкнуть, приобретает смысл и цель лишь в том случае, если будет вестись иначе, чем наша работа, если это об'единение рабочего класса с самыми разнородными буржуазными одиночками станет об'единением «высшего порядка», если из чисто пролетарской классовой борьбы эта деятельность превратится во вместилище всех элементов, одушевленных «доброй волей», если она будет, так сказать, социально «нейтрализована». Вся суть новейших буржуазных

выступлений в пользу охраны труда заключается в допущении, что не то, чтобы рабочими партиями было с л и ш к о м м а л о сделано до сих пор в этой области, а что сделано было это не в надлежащей ф о р м е, и что буржуазия встретила бы эти требования совершенно иначе, если бы они были выставлены не как программный пункт социалистической борьбы, а скорее как требование социального попечения, как рычаг социального мира, как политически нейтральный лозунг, т.-е., если бы эти требования исходили одинаково от всех благомыслящих людей различных классов и партий. Поэтому практически об'единение социалистов с буржуазными друзьями охраны труда для совместной деятельности означает прежде всего изменение способа борьбы, выделение охраны труда из круга социалистической агитации, отказ от классовой точки зрения в этой области.

Мнимая «нейтральность» вопроса об охране труда может быть соблюдена лишь до тех пор, пока разнородные элементы ограничиваются подготовительными рассуждениями. Как только они пытаются перейти к делу, к работе, «нейтральность» улетучивается, как дым, и на очередь становится вопрос: в к а к о й ф о р м е следует вести агитацию за охрану труда, как ближайшее ли требование стремящегося к полному освобождению рабочего класса и в связи с его освобождением, или же, наоборот, как средство нейтрализовать и устранить социальные противоречия, т.-е., в сущности говоря, как средство п р о т и в социалистического освобождения рабочего класса. Переход из области конгрессных речей к делу должен, поэтому, иметь непосредственным результатом одно из двух: или распад только-что слаженной совместной работы на п р о л е т а р с к у ю, к л а с с о в у ю б о р ь б у и б у р ж у з н у ю с о ц и а л-ф и л а н т р о п и ю, т.-е. низведение последней к нулю, или же—отказ социалистической партии в этой области от классовой борьбы и ее переход в борьбе за охрану труда на почву гармонии классовых интересов.

С точки зрения концепции, вошедшей за последнее время в моду в наших рядах, нам могли бы, однако, возразить, что не важно само по себе, к а к ведется агитация за охрану труда, что единственно решающую роль имеет результат. Если бы об'единение с буржуазными защитниками этого требования могло нам дать ощутительные успехи, могло бы повести к действительному усилению охраны труда, то приемлема любая форма агитации; самая охрана труда есть одно из достижений, ведущих к социализму, она сама по себе есть уже, в известной мере, частичное социалистическое достижение.

Однако, когда рассчитывают сделать борьбу плодотворнее, пожертвовав в этой борьбе классовой точкой зрения, то

при этом совершают, как всегда, простую ошибку расчета. Разрозненные «рабочелюбивые» буржуазные элементы, союз с которыми должен, якобы, дать социалистам более значительные успехи по сравнению с тем, каких они раньше достигли самостоятельно, сами по себе, как уже сказано, совершенно бессильны и лишены всякого значения, в своем же собственном лагере—в классе буржуазии. Об'единение с пролетарской массой, с социалистами и должно им как раз помочь приобрести силу и влияние. И притом такое об'единение, при котором рабочие, социалисты перейдут в борьбе за охрану труда на *их* точку зрения, на точку зрения «нейтральной», надклассовой социал-филантропии. Иными словами, влияние идеологических поборников охраны труда будет достигнуто за счет нашего влияния, их сила будет означать, что *им удалось сломить нашу силу*, которой мы, во всяком случае, обязаны всеми положительными результатами, достигнутыми *до настоящего момента*.

Авторитет, приобретенный буржуазными поборниками охраны труда, благодаря такому подвигу мог бы, конечно, доставить им университетские кафедры, министерские портфели и другие высокие посты, но никогда им не удалось бы примирить буржуазию, как класс, с охраной труда. Эта, как и все другие оппортунистические спекуляции, имеют общим источником ту иллюзию, будто буржуазия сама по себе была бы готова к уступкам, покуда требования рабочих остаются на почве существующего строя, и воздерживается от уступок лишь благодаря связанным с этими требованиями революционным стремлениям. Такой может казаться *абстрактная буржуазия*, т.-е. ее схема, в спекулятивном мозгу утописта «практической политики». Подлинная *конкретная буржуазия*, с которой нам приходится на каждом шагу иметь дело, отнюдь не такова. Она и не думает ни о каких уступках, хотя бы они были начисто выхолощены от всякой революционной тенденции. Только та абстрактная буржуазия дорожит абстрактной схемой «существующего строя», только она готова в этих пределах итти на максимальные уступки. Конкретной же буржуазии высоко наплевать на схему «существующего строя», она всеми зубами крепко держится за каждую копейку обожаемого барыша. Абстрактная буржуазия, как она рисуется «практическому утописту», может обнаруживать готовность на всевозможные уступки, уклоняясь от них лишь под давлением призрака социалистической классовой борьбы. Конкретная буржуазия и слышать не хочет об уступках, и всякий самомалейший шаг в этом направлении она делает лишь под давлением пролетарской классовой борьбы.

Итак, идея о союзе с буржуазными идеологами во имя нового рассвета охраны труда оказывается совершенно несостоятельной. Чтобы осуществить в партии этот союз, нам пришлось бы отказаться в этой области от связанного с нашими конечными целями революционного характера агитации, а вместе с тем и от той силы, которой мы обязаны всеми нашими практическими успехами.

Отсюда ясно вытекает позиция социал-демократии как по отношению к буржуазным «конгрессам по охране труда», так и, тем более, к их детищам—буржуазным «ассоциациям» покровительства охране труда. Если в 1897 году наша партия приняла участие в первом таком конгрессе в Цюрихе, то сделала это, может быть, из чрезмерного великодушия и решилась затратить время и средства безусловно в чисто агитаторских целях, имея в виду католические рабочие союзы, сильно интересовавшиеся этим конгрессом. По отношению к Парижскому конгрессу отпадают и эти соображения, и отсутствие немецкой социал-демократии представляется нам в данном случае гораздо более уместным, чем те соображения, которые могли побудить некоторых из наших французских друзей принять участие в Парижском конгрессе.

Через несколько недель в Париже соберется международный рабочий конгресс, который, как всегда, займется, между прочим, и вопросом об охране труда. Он в этой области не преминет, конечно, провести резкую грань между социалистическим пролетариатом и буржуазными идеологами, которые не представляют ни классовых интересов пролетариата, ни буржуазии, а заинтересованы разве лишь в устранении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией.

«НЕМЕЦКАЯ НАУКА» НА СТОРОНЕ РАБОЧИХ*)

Новый пророк явился немецкому рабочему классу. Экстраординарный профессор Вернер Зомбарт в Бреславле вещает германскому пролетариату евангелие надежды и веры. Он поучает «вас, господа рабочие» (ну, подлинный Лассаль), «с птичьего полета», новому «правильному», «реалистическому», «историческому» методу исследования рабочего во-

*) Напечатана в Neue Zeit, №№ 51 и 52 за 1899—1900 гг.

Поводом к написанию этой статьи послужило произведение профессора Вернера Зомбарта: «Во что бы то ни стало! О теории и истории профессионального рабочего движения. Иена, 1900 г.». Этот профессор, находясь в Бреславле, пытался при помощи докладов по политической экономии и другим вопросам, читанных среди организованных в кружки социал-демократических рабочих, подчинить последних своему влиянию.

проса, он уверяет вас, что на вашей стороне стоит немецкая наука, и обращается к вам с призывом «вместе бодро итти вперед, вместе бороться за дело социального прогресса, за дальнейшее развитие культуры, на пользу и радость нашего дорогого фатерланда, на гордость человечества!»

«Вперед», «вместе» — это звучит, собственно говоря, несколько странно, ибо до сего времени немецкий рабочий класс мало имел удовольствия итти вперед и бороться в компании с господином Зомбартом. Рабочий класс боролся, действительно, когда г. Зомбарт еще мочил свои пеленки во славу фатерланда и человечества; скоро минет уже полвека, как пролетариат борется за дело социального прогресса, что же касается стремлений и борьбы г. Зомбарта, то они как будто более свежей даты.

Но это в конце концов мелочи, неточности, которыми дозволительно обмолвиться в пылу увлечения. Простим новому пророку эти цветы красноречия и послушаем благоговейно, что имеет сказать о задачах профессиональных союзов и социал-демократии правильный, реалистический, исторический метод, что имеет сказать стоящая на нашей стороне «немецкая наука».

I

Прежде всего, возрастание доли рабочих в общем национальном доходе отнюдь не сковано какими бы то ни было «естественными» границами, преступить которые вне власти рабочего класса». («Во что бы то ни стало!», стр. 73, русск. изд. 1901 г.). Правда, раньше наука формулировала так называемую теорию фонда заработной платы, железный закон заработной платы, которые в движении заработной платы усматривали твердую экономическую закономерность. Но г. Зомбарт играючи опровергает обе теории, тем более, что они уже за много десятков лет были похоронены Марксом. В его аргументации смысл рикардо-лассалевского закона заработной платы извращается до полной своей противоположности, при помощи совершенно нового толкования лассалевского «привычного» уровня жизни рабочего. «Вместе с изобретением термина «соответствующий привычкам», страшный закон превратился в жалкую тавтологию (игру слов) (там же, стр. 73). Ибо, если «привычка» определяет среднюю высоту заработной платы, то, по мнению г. Зомбарта, вся шутка заключается только в том, чтобы возможно более высокие требования рабочих (например, езду на шинах) сделать «привычными», и заработная плата устремится вверх стрелою. «Сделать», повторяет Зомбарт: «Уже одним этим словом механическо-

му пониманию процесса образования заработной платы должна быть противопоставлена... правильная, социальная точка зрения. Эта точка зрения видит в распределении национального дохода результат борьбы между различными конкурирующими группами, борьбы, исход которой зависит не только от внешних количественных соотношений на товарном и рабочем рынке, но в такой же мере и от других факторов, определяющих силу каждой борющейся партии». (Там же, стр. 73—74[1]).

Но, как мы узнаем из дальнейшего изложения, эта борьба за распределение дохода носит, в сущности говоря, очень мирный характер. Ибо «немецкая наука» умеет всем дать, ни у кого не отнимая, обогатить рабочих, не требуя жертв от капиталистов.

С одной стороны, как мы только что видели, рабочие могут «во всякое время» повышать свою долю в национальном доходе на счет прибавочной стоимости, в широком смысле слова. А с другой стороны, «прибыль предпринимателя, несмотря на повышение заработной платы, далеко не всегда должна испытывать при этом понижение» (там же, стр. 82). Для этого г. Зомбарт советует «гениальным предпринимателям и королевским купцам» при повышении заработной платы расширять производство или улучшать его технику, или же, наконец, что проще всего, подымать цены товаров и таким путем переложить сделанную рабочим уступку на потребителей. Но и потребителя «немецкая наука» не отпускает с пустыми руками: для потребителей г. Зомбарт имеет, во-первых, то утешение, что не всегда, ведь, борьба за повышение заработной платы бывает успешна («если, например, во-время удастся найти заместителей!», стр. 87), а во-вторых, на случай вздорожания товаров благодаря борьбе за плату,—то «удовлетворение», что покупкой дорогих товаров они способствовали сглаживанию социальных противоречий, в наименее болезненной, т.-е. наиболее благородной форме». Больше всего, и с полным основанием, г. профессор рассчитывает при этом на «сердце женщины», особенно обрученной. «Разве трудно счастливой невесте уплатить за свое приданое вместо десяти тысяч марок десять тысяч пятьсот», чтобы покрыть повышение платы бедных швей? (стр. 86). Несомненно, единственно «правильный», «реалистический», «исторический» метод политической экономии легче всего найдет себе доступ к сердцу юной невесты, и таким образом устраняются последние трудности, связанные с профессиональным движением.

Однако, и на солнце есть пятна, и самая совершенная красота часто бывает испорчена веснушками или каким-ни-

---

[1]) В приводимых цитатах курсив преимущественно мой (*Р. Л.*).

будь другим недостатком; точно так же и капиталистическое общество имеет свое «несовершенство»: кризисы. Но и против кризисов г. Зомбарт держит наготове средство: это опять-таки, профессиональное движение. «Оно, как мы видим, не ставит препятствий великой исторической миссии капитализма, развитию экономических производительных сил, скорее даже, наоборот, способствует ей; с другой стороны, оно способно сглаживать несовершенства этой самой капиталистической хозяйственной системы»... «Что я здесь прежде всего имею в виду, так это устранение тех пертурбаций в механизме народно-хозяйственного обращения, которые мы называем «кризисами» (там же, стр. 89—90).

«Гениальный предприниматель», который переложил свои уступки рабочим на потребителей, находит еще в награду за свою добродетель увеличенный и обеспеченный сбыт.

Таким образом, все разрешается к общему благополучию: рабочие получают повышенную плату, предприниматели—прежнюю прибыль и увеличенный сбыт, невеста—успокоенную совесть и жениха, а г. профессор Зомбарт—популярность. Весь научный балласт каких-то там Рикардо, Лассаля и Маркса выбрасывается за борт, и юркая ладья «реалистического» метода «переплывет при благоприятном ветре прямо в двадцатый век. Vogue la galère!» (Плыви, моя ладья!).

Как бы только она не угодила под крылья мельницы, как случилось во время оно с храбрым рыцарем из Ла Манча.

Классическая школа политической экономии сводила движение заработной платы к явлениям естественного порядка, подчиненным законам природы, к закону народонаселения и к абсолютной величине капитала, затраченного в производстве, при чем и в данном случае последовательно применяла свой основной метод и отождествляла пределы буржуазного общества с естественными пределами общества. А историко-диалектическая критика классической экономии (задача, разрешенная Марксом) заключалась здесь, как и в большинстве случаев, в том, чтобы эти «законы природы» вновь превратить в законы развития капиталистического общества.

Все капиталистическое хозяйство, и прежде всего—купля рабочей силы, имеет целью производство прибыли. Определенная норма прибыли, как цель производства, предшествует, следовательно, найму рабочих, как заранее данная величина, и одновременно образует в среднем высший предел, до которого может повышаться заработная плата. Но прибыли присуща также и тенденция безгранично расширяться за счет заработной платы, т.-е. низводить ее до голого экзистенц-минимума (минимума существования). Между этими крайними пределами заработная плата движется

вверх и вниз, в зависимости от отношения предложения и к спросу, т.-е. наличной рабочей силы к величине капитала, притекающего в производство.

Но в развитом капиталистическом обществе предложение является в форме резервной промышленной армии, т.-е. постоянно имеющейся в запасе массы рабочих сил, «освобожденных» тем же капиталом. А спрос есть не что иное как та часть капитала, которая при определенной норме прибыли, в зависимости от данного положения товарного рынка, «притягивается» к производству.

Мы видим, таким образом, что как крайний предел повышения заработной платы, взятый в среднем, так и высшая или низшая его ступень, определяются факторами, которые, в последнем счете, сводятся все к одному и тому же, к интересам прибыли, или, как выражается Маркс, к присущей капиталу «потребности реализации».

В состоянии ли профессиональные союзы преодолеть эти пределы, поставленные законом заработной платы? Эти пределы не носят, конечно, характера «законов природы», это г. Зомбарт правильно заимствовал у Маркса. Но внутри капиталистического хозяйства они действуют со всей неотвратимостью закона природы, ибо они составляют природу, самый закон капитализма.

Если бы, например, профессиональные союзы были в состоянии преодолеть крайний предел повышения заработной платы, обусловленный предпринимательской прибылью, то это было бы равносильно устранению цели современного производства, а тем самым и краеугольного камня капиталистической системы.

Будь они в состоянии подобным же образом уничтожить резервную армию или ограничить непрерывный ее рост, тем самым им удалось бы остановить процесс пролетаризации, т.-е. упразднить как естественный результат, так и общественную предпосылку капиталистического производства.

Но все это относится к движению реальной заработной платы. Что же касается доли участия рабочего в общественном доходе, которую г. Зомбарт берется «во всякое время» безгранично повышать, то таковая систематически понижается под непосредственным давлением капиталистического развития, хотя бы реальная заработная плата одновременно даже повышалась. И если бы профессиональные союзы вознамерились задержать это закономерное падение относительной заработной платы, то им необходимо было бы парализовать самый жизненный принцип капиталистического хозяйства, развитие производительности труда. Ибо она-то и уменьшает механически, за спиной участников процесса, количество труда,

идущее на поддержание жизни рабочего, а тем самым и его долю в общем продукте.

Профессиональные союзы могут действительно (в этом ведь и заключается единственный их метод действия) помощью организации предложения рабочей силы ограничить резервную армию и тем самым ослабить давление капитала (иначе оно было бы безгранично!) до того крайнего предела, который еще совместим с интересами его прибыли. Но если г. Зомбарт утверждает, что они в повышении заработной платы вообще не связаны никакими пределами, что они даже в состоянии безгранично повышать долю рабочего в национальном доходе, то, в последнем счете, он хочет уверить рабочих в том, ни более, ни менее, что они в состоянии на пути профессиональной борьбы устранить капиталистическую хозяйственную систему.

Правда, установление уровня заработной платы, как и все распределение национального богатства, является для г. Зомбарта, как он сам говорит, вопросом силы. Так оно и есть, несомненно, в известных границах, т.-е. на социальной поверхности, где экономические законы проявляются в человеческих поступках, в личном столкновении рабочих и предпринимателей, в рабочем договоре. Но г. Зомбарт не замечает об'ективных законов, лежащих в основе этих волеиз'явлений, их обусловливающих и ограничивающих, он видит соотношение сил так, как оно доходит до сознания отдельных заинтересованных лиц, единичного рабочего или предпринимателя, и, таким образом, новоиспеченный «правильный», «реалистический», «исторический» метод разоблачается перед нами в образе почтенной старушки—вульгарной экономии.

Вульгарная экономия поступает, как известно, иначе, чем диалектическая критика: она с величайшим самодовольством выкидывает за борт установленные классической экономией «естественные законы», как негодную ветошь, но тем самым устраняет вообще всякое закономерное об'яснение капиталистического хозяйства и провозглашает царство «свободной воли», «сознательного вмешательства в социальные процессы», «силы» социальных групп.

Правда, этот «приговор» науки нисколько не умаляет действия об'ективных законов капиталистического общества, т.-е. господствующих в нем противоречий. Но самые эти противоречия толкуются как случайности, как мелкие ошибки расчета, мелкие «несовершенства», которые могут быть «сглажены» при некоторой доброй воле и находчивости, здесь ласковым словом, там уступкой. Раз г. Зомбарт уже открыл рабочим блестящую перспективу возможности безгранично повышать заработную плату, у него хлопот полон рот, чтобы сдержать свое слово профессора и при этом

благополучно выбраться из сети капиталистических противоречий. Повышение заработной платы он перекладывает, как мы видели, на прибыль, потерю прибыли—на потребителя, когда же дело доходит до потребителя, то его искусство перекладывания оказывается истощенным; он обращается к его совести и ради вящшего успеха заранее представляет его себе в образе юной девы, собирающейся итти под венец. В конце концов, чтобы обеспечить успех профессиональному движению по своему рецепту, ему придется, чего доброго, принять на свою обязанность приискание подходящего жениха для каждой богатой девушки.

Но мы опасаемся, что даже и это было бы напрасным трудом. Ибо не успел г. Зомбарт, выражаясь его профессорским стилем, установить «приведение во взаимоотношение» и «фактическое взаимопокрытие» вещей, не имеющих никакого взаимоотношения и фактически взаимно не покрывающихся, как его тришкин кафтан опять трещит по всем швам, по причине «не требующих ближайшего рассмотрения осложнений».

Предпринимателю предлагается покрыть повышение заработной платы, достигнутое давлением профсоюзов, путем надбавки цены на свои товары. Но ежели г. профессор полагает, что товарные цены могут быть произвольно повышены, то он, очевидно, забыл все «существенные» условия процесса образования цены. Если происходит всеобщая надбавка цен, то по своим последствиям она сама себя парализует. В случае же, если единичный предприниматель вздумает повысить свои цены, конкуренты очень скоро проучат своего предприимчивого коллегу. Правда, и отдельные группы предпринимателей имеют возможность произвольно повышать цены, но лишь в том случае, когда они противостоят потребительской массе в качестве организованной силы, т.-е., когда образуют синдикаты, картели и пр. Однако, в этих союзах организованная сила капитала в гораздо большей еще степени направлена против рабочих, и к несчастью, она обычно устраняет возможность успехов профессионального движения именно там, где имеется налицо единственная предпосылка зомбартовской «теории перекладывания». Вообще, когда г. Зомбарт говорит о возможностях воздействия со стороны профессиональных союзов, он совершенно забывает о существовании союзов предпринимателей, и вспоминает о них только тогда, когда они ему нужны в качестве приятного дополнения к излюбленному примирительному разрешению трудовых конфликтов...

Возьмем другой случай: когда повышение цен на товары неудобоприменимо, предпринимателю рекомендуется уравновесить надбавку заработной платы расширением производства. Но предприниматели практикуют это уже сами с не-

запамятных времен, где только можно, не ожидая советов г. Зомбарта. И такие периоды расширения производства, т.-е. промышленного под'ема, представляют благоприятнейший момент для пред'явления требований о повышении заработной платы. Но расширение производства отнюдь не является удобством, которым можно в любой момент покрыть надбавку заработной платы. Наоборот, само расширение производства является здесь предпосылкой, при которой становится возможным повышение заработной платы, и которая, в свою очередь, зависит от состояния рынка, т.-е. опять-таки от присущей капиталу потребности реализации.

Или, может быть, вы еще прикажете предпринимателям покрывать надбавку заработной платы... техническими усовершенствованиями? Ох, господин профессор, этому пусть поверит ваша «счастливая невеста»! Технические усовершенствования применяются издавна предпринимателями не для того, чтобы удовлетворить борющихся за плату рабочих, а чтобы их парализовать. Поинтересуйтесь хотя бы только историей борьбы за плату гамбургских грузчиков в конце 80-х годов, которым предприниматели ответили введением так называемой юмп-машины и немедленным сокращением числа рабочих.

Стараясь всячески в угоду профсоюзам претворить все противоречия интересов в их гармонию, господин профессор должен, конечно, разделаться как-нибудь и с кризисами. Это «несовершенство» капиталистического хозяйства служит обычно, как известно, одним из самых жестоких «средств» против профессиональных союзов. Г. Зомбарт представляет дело навыворот и рекомендует профессиональные союзы как средство против кризисов. Во-первых, «промышленная горячка в эпоху оживления производства несколько сковывается. Ибо требования, которые пред'являют рабочие, всегда обозначают, прежде всего, затруднение сбыта вследствие увеличения издержек производства, а в некоторых случаях непосредственно приводят к ограничению размеров производства...» (там же, стр. 90). Но, ведь, только что мы слышали, что требования рабочих ведут к расширению и техническому совершенствованию, т.-е. к оживлению производства, и не то что к преодолению последовавшей «прежде всего» заминки сбыта, а непосредственно к увеличению урезанной прибыли, т.-е. за пределы прежних размеров производства!

Но если только немецкий профессор не хочет попирать ногами самых священных традиций немецкой политической экономии, то он должен искать радикальное, постоянное средство против кризисов вместе с торговцем в условиях распределения, а отнюдь не вместе с научным исследователем—в условиях производства... «Увеличение

доли рабочих в общем продукте национального производства, к которому стремятся профессиональные союзы, имеет также длительное влияние на ослабление кризиса: оно поднимает благосостояние масс, увеличивает их потребительскую способность, укрепляет сбыт товаров среди в конечном счете решающих широких масс, и таким образом, обеспечивает от потрясений ход общественного производства» (там же). Конечно, вульгарная экономия всегда точно отражает точку зрения единичного предпринимателя, которому, несомненно, «благосостояние» рабочей массы, как говорит г. профессор, может представиться средством против заминки в сбыте его товаров. Но для всех предпринимателей в совокупности, для класса, хитрое средство г. Зомбарта сводится к тому, что они должны за собственный счет увеличивать покупательную силу массы потребителей, чтобы затем иметь возможность продать им больше товаров. Не проще ли было бы прямо растолковать предпринимателям, что они должны периодически раздаривать избыточный запас товаров членам профессиональных союзов, чтобы обеспечить «от потрясений ход общественного производства»? Мы думаем, однако, что наши «королевские купцы» и «гениальные предприниматели» дадут ему лаконический ответ: господин профессор, вы забыли, что вульгарная экономия была изобретена для одурачивания рабочих, а не капиталистов!

Самое замечательное в зомбартовском методе лечения кризисов заключается, впрочем, в том допущении, что вообще расширением сбыта можно «всегда» предотвращать затруднения сбыта! Да ведь это точно также старое испытанное оружие из арсенала «немецкой науки», которое можно найти еще у г. Евгения Дюринга. Но,—меланхолически замечает г. Зомбарт,—«всякая теория, какою бы ложной она ни была и как бы часто она ни опровергалась, от времени до времени снова возрождается и смущает неопытные умы...» (стр. 70). Хуже, однако, когда ум смущается теориями, которые он сам только что опровергнул. Если допустить, что расширение нормального спроса «ослабляет» кризисы, то тем самым предполагается, что производство не может опять так же легко перерасти расширившиеся границы рынка, т.-е., что размеры производства, или, что то же, производственный капитал, имеют ограниченный об'ем. Таким образом, г. профессор благополучно возвращается к той самой теории фонда заработной платы, которую он только что, когда ему нужно было доказать возможность неограниченного роста заработной платы, нарочито извлек из гроба, чтобы вторично ее с торжеством похоронить.

Так об'ективные капиталистические противоположности отражаются в форме суб'ективных заблуждений, социальные противоречия—в форме логических несообразностей вульгарной теории, которая хочет поставить профессиональные союзы, выросшие в противовес капиталу, на почву всеобщей гармонии интересов, как фактор, независимый, будто бы, от «естественных», т.-е. капиталистических закономерностей. Но такова уж судьба вульгарного экономиста, что именно там, где он, в сознании своей силы и свободной воли, мнит себя превыше всех социальных законов, он на самом деле является обычно игрушкой слепых общественных сил.

Мы видели, что влияние профессиональных союзов поставлено в известные хозяйственные границы, которые в самой общей форме могут быть охарактеризованы как присущая капиталу потребность реализации. Но и внутри этих границ профессиональные союзы в своей повседневной работе подчинены всем конвульсивным движениям капитала. Если в периоды промышенного под'ема они добиваются увеличения заработной платы, чтобы в периоды упадка бороться за удержание ее на достигнутой высоте, если при повышенном спросе на свободные рабочие руки со стороны капитала и в моменты технического застоя они достигают организационных успехов, а при росте резервной армии труда, благодаря кризисам или усиленной пролетаризации средних слоев, либо при технических революциях вновь терпят неудачи и периодические потрясения, то их движения являются всегда «простым отражением движений в накоплении капитала» (Маркс).

И в сущности экономическая функция профессиональных союзов в интересах рабочего класса в том и заключается, что они, следуя движениям капитала, ограничивают их действие и одновременно используют их.

Вспомним, какую картину представляют условия жизни рабочих до начала профессионального движения. Больше чем абсолютными размерами нищеты они характеризуются, во-первых, крайней необеспеченностью, то-есть неустойчивостью в положении рабочего в разное время, а во-вторых, большой неравномерностью во всякое время в положении разных слоев рабочего класса. Капитал в период под'ема резко увлекает вверх и рабочую силу, но в период упадка низвергает ее безгранично низко. Отдельные квалифицированные профессии ведут существование, приближающееся к мелкобуржуазному, между тем как целые слои рабочей массы поставлены в условия ниже физического экзистенц-минимума и осуждены прямо на вымирание.

Здесь профессиональные союзы, при соблюдении общих интересов рабочих, как класса, вносят существенный корректив. Завоевывая в периоды под'ема допускаемый при-

былью максимум заработной платы, чтобы вести за его счет оборонительную борьбу в периоды упадка, подымая уровень жизненных условий массы и вовлекая одновременно лучше поставленные профессии в общую организацию, проводя, наконец, как в отдельных профессиях, так и для всего рабочего класса общее нормирование (рабочего времени и пр.), они до известной степени нивеллируют жизненные условия пролетариата в различных его слоях и в разных фазах производства и вносят в эти жизненные условия известную устойчивость. Таким путем, т.-е. благодаря профессиональным союзам, осуществляется впервые, как общественная реальность, как действительный факт, тот «привычный уровень жизни» рабочих, который до возникновения профессиональной борьбы был только идеальной средней величиной различнейших жизненных уровней внутри рабочего класса простым математическим понятием.

Итак, дело заключается не только в том, чтобы, как предлагает г. Зомбарт в своей теоретической девственности, по возможности повысить жизненные привычки рабочих, чтобы этим все более ограничивать аппетиты капитала. Наоборот, суть дела заключается в «привычках» капитала, т.-е. главным образом в его привычке производить прибыль, определяемую в пространстве и времени степенью производительности труда, и эта-то «привычка» капитала и устанавливает каждый раз ту границу, до которой могут быть подняты жизненные привычки рабочих деятельностью профессиональных союзов.

Таким образом, для профессиональных союзов, как для всякого иного фактора социальных сил, подлинная и исторически единственно возможная форма вмешательства сознания и силы в общественный процесс заключается не в том, чтобы поставить себя выше его законов, а чтобы их познать и таким путем подчинить себе.

Правда, для г. Зомбарта это представляется неслыханным принижением профессиональных союзов. Он, с своей стороны, в состоянии рисовать им гораздо более заманчивые перспективы. Но как самые угодливые царедворцы отнюдь не являются наилучшими советниками своих повелителей, так же мало можно считать наиболее щедрых на словах льстецов лучшими друзьями рабочего движения. И если г. Зомбарт возносит профессиональные союзы превыше всяких социальных границ и показывает им капиталистическое небо полным чудес, то это, конечно, очень благородно с его стороны; жаль только, что все это он может подкрепить исключительно лишь всякими старыми и давно опровергнутыми ошибками и искажениями вульгарной экономии.

Впрочем, г. Зомбарту принадлежит также честь нового политико-экономического открытия, которое, если и было

известно его гг. коллегам, то, главным образом, из практики, но не в общей научной формулировке; открытие это заключается в том, что девушка, нашедшая себе жениха, становится тоже фактором образования товарных цен.

II

Доказывая, с одной стороны, экономическое всемогущество профессиональных союзов, г. Зомбарт ставит, с другой стороны, условием этого всемогущества освобождение профессиональных союзов от «опеки» социал-демократии.

Правда, социал-демократия сама призвала к жизни профессиональные союзы, постоянно о них заботилась, поддерживала и охраняла их. Однако, несмотря на все это, г. Зомбарт знает, что ее отношение к делу профессиональных союзов было всегда двойственное, что она даже прямо «задержала» развитие профессиональных союзов. Ибо «политическая партия, которая видит всю свою задачу лишь в том, чтобы надлежащим образом подготовиться ко всеобщему крушению буржуазного мира, и заботится лишь о том, чтобы этот торжественный момент застал социал-демократических дев с сосудами, полными масла, — такая партия в каждой профессиональной организации, в лучшем случае, может усмотреть школу военного искусства, необходимого для рабочих батальонов в виду предстоящей битвы. В лучшем случае, потому что очень часто ей приходится видеть в профессиональном движении врага своего дела» («Во что бы то ни стало!», стр. 63). Такая партия не может располагать тем «внутренним спокойствием», которое необходимо для строительства профессиональных союзов («Во что бы то ни стало!», стр. 67). И если Маркс уже в Интернационале систематически двигал вперед дело профессионального движения, то г. Зомбарт умеет это об'яснить не тем, что Маркс понимал его полезность для рабочего класса, а другими мотивами. А именно, Маркс не мог «относиться с такой принципиальной враждебностью к профессиональному движению, как Лассаль и его приверженцы». Ибо, во-первых, Маркс и его «апостолы», явившиеся из Лондона, стояли слишком близко к миру английских тред-юнионов, чтобы «подобно Лассалю, одним коротеньким замечанием, порожденным незнакомством с делом, поставить крест над всякими организационными стремлениями рабочих в профессиональной области». Во-вторых, и прежде всего, «Маркс и его приверженцы очень хорошо понимали также, что интернациональное движение пролетариев всех стран, составлявшее их мечту, не может не включить в себя английских

тред-юнионистов, если не желает показаться смешным, и потому уже при самом основании ИАР (Интернациональной Ассоциации Рабочих) на профессиональные интересы было обращено надлежащее внимание» («Во что бы то ни стало!», стр. 61). Иными словами: Маркс и его приверженцы охотнее всего выкинули бы за борт все профессиональное движение, но, к сожалению, этого нельзя было сделать в виду влияния английских тред-юнионистов и невозможности не дать им место в великом зверинце Интернационала, где, полноты ради, пролетарский мир должен был быть представлен во всех своих разновидностях, и, таким образом, чтобы не стать посмешищем, они принуждены были с кисло-сладкой миной терпеть профессиональное движение.

Все это очень вразумительно. К несчастью, однако, история уличает здесь «исторический метод» в искажении фактов.

В 1847 году, т.-е. в то время, когда не было еще и намека на существование Интернационала со всеми его секциями, в то время, когда Маркс не поселился еще окончательно в Лондоне, а стало быть, не мог стоять к тред-юнионам ни близко, ни далеко, в то время, когда эти самые тред-юнионы еще только боролись за свое право на существование и были отодвинуты на самый задний план политическим движением, чартизмом, Маркс писал в своей «Нищете философии»:

«Первые попытки рабочих к соединению между собой всегда принимают форму коалиций. Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раз'единяет их интересы; но охрана заработной платы от падения,—этот общий им всем и противоположный хозяйскому интерес,—соединяет рабочих на одной и той же мысли сопротивления: коалиции... Если первой целью сопротивления являлось лишь поддержание заработной платы, то потом, по мере об'единения самих капиталистов на идее обуздания рабочих, отдельные коалиции этих последних формируются в группы, и в виду всегда об'единенного капитала, сохранение союза становится для них необходимее самой охраны заработной платы от падения» («Нищета философии», стр. 134. Русск. изд. 1919 г.).

Более того! Маркс не только обосновывает профессиональное движение экономической необходимостью и раз'ясняет его функции. Он чрезвычайно резко полемизирует против отрицательного отношения «социалистов» того времени, т.-е. фурьеристов и оуэнистов, к профессиональным союзам. Он ставит их, как противников профессиональных союзов, на одну доску с буржуазными экономистами:

«Экономисты хотят, чтобы рабочие оставались в обществе, каким оно сложилось в настоящее время и было записано и пропечатано экономистами в их учебниках. Социалисты советуют оставить в покое старое общество, чтобы с тем большей легкостью войти в новое, предуготовленное ими, социалистами, с такой предусмотрительностью» («Нищета философии», стр. 134).

В заключение он говорит: «Но, несмотря ни на тех, ни на других, вопреки учебникам и утопиям, коалиции ни на минуту не переставали итти вперед и увеличиваться вместе с развитием и ростом современной промышленности. Можно даже сказать в настоящее время, что степень развития коалиций в данной стране с точностью указывает место, занимаемое ею в иерархии всемирного рынка» («Нищета философии», стр. 134).

Это значит, что Маркс уже в 1847 году осуждал и высмеивал у оуэнистов и фурьеристов тот самый взгляд, который в настоящее время г. Зомбарт приписывает Марксу и марксистам. «Верный», «реалистический», «исторический» метод оказывается на этот раз методом, который сначала фальсифицирует реальную историю, чтобы затем, на основании своей фальсификации, ее осудить.

Но он этим не ограничивается: он подводит еще логические основания под эту «исправленную» историю.

Социал-демократия,—толкует г. Зомбарт,—не только фактически была всегда в глубине сердца враждебна профессиональному движению, но не могла и не может иначе к нему относиться, так что процветание профессиональных союзов может быть измеряемо непосредственно по степени их высвобождения из-под тормозящей «опеки» социал-демократии.

Вопрос о так называемой нейтральности профессиональных союзов обсуждается с некоторого времени и в наших собственных рядах. Но при этом у нас исходной точкой для защитников нейтральности служат лишь тактические соображения, а именно, желание об'единить в хозяйственной борьбе рабочих, принадлежащих к различным политическим партиям. Эта профессиональная «политика собирания» представляет собой идею, совершенно аналогичную той политике собирания, которая тоже за последние годы рекомендуется с разных сторон социал-демократии. Как здесь маскировкой конечных целей имеется в виду увеличить притягательную силу социал-демократии и тем самым—ее непосредственные политические успехи, так и там, отказом от социалистического характера должны быть повышены притягательная сила и экономическая мощь профессиональных союзов.

Правда, и сейчас немецкие профессиональные союзы не формулируют официально своего социалистического характера и не вменяют его в обязанность своим членам, но вся их повседневная работа движется в социалистическом русле.

Однако, социал-демократия представляет и по отношению к отдельным группам борющегося пролетариата интересы всего класса, и по отношению к частичным, преходящим интересам дня—интересы всего движения. Первый момент получает выражение как в политической борьбе социал-демократии за законодательные меры к улучшению положения пролетариата, обнимающие весь пролетариат в каждой стране, так и в интернациональном характере ее политики. Второй момент состоит в том, что, стремясь к социализму, социал-демократия выдвигает требования, совпадающие с ходом общественного развития.

Профессиональные союзы представляют по существу лишь непосредственные повседневные интересы рабочих, и в этом их отличие от политической партии пролетариата. Но в своем развитии они этими самыми интересами побуждаются к тому, чтобы, во-первых, все более придавать своим завоеваниям в каждой стране общую значимость помощью законодательных норм и одновременно проводить международную организацию своих сил, а во-вторых, во всей своей политике, как-то: в своем отношении к стачкам, к вопросам о минимальной заработной плате, скользящих шкалах и тарифных договорах, максимальном рабочем дне, помощи безработным, женском труде, труде чернорабочих, иммиграции иностранных рабочих, вмешательстве в технику производства, праве на труд, таможенной и налоговой политике и пр.,—все более опираться на общие социальные связи и сообразоваться с ходом общественного развития.

Таким образом, их собственные интересы с элементарной силой толкают их на тот самый путь, по которому сознательно шествует вперед социал-демократия.

Итак, социал-демократия и профессиональные союзы так тесно спаяны в Германии не в силу многочисленных личных связей, и не благодаря «опеке социал-демократии» над профессональными союзами, а потому, что немецкие профессиональные союзы с самого начала поставили свою политику, свою борьбу на правильную почву социального развития, что здесь, благодаря счастливой исторической кон'юнктуре, которая так не по нутру историческому методу г. Зомбарта, осознание рабочим классом своих общих и основных интересов предшествовало борьбе за групповые и преходящие интересы дня.

И как социал-демократическая политика собирания потребовала бы отказа от конечной цели, так и профессиональная

политика собирания должна была бы повести к утрате немецким профессиональным движением своего современного прогрессивного характера. С утерей той об'единяющей связи, которую дает социалистическое понимание дальнейших перспектив общественного развития, опять выступают на первый план единичные групповые и профессиональные интересы, узкие национальные интересы, что мы видим, например, в Англии: нигде национальная замкнутость по отношению к внешнему миру и внутренняя разрозненность не достигают таких размеров, как в английском профессиональном движении, этом раю нейтральности.

Так профессиональная политика собирания превращается, при более пристальном изучении, в политику раз'единения, и «идея нейтральности», если она диктуется только тактическими соображениями, не выдерживает серьезной критики.

Впрочем, у г. Зомбарта точка зрения политики собирания играет лишь очень подчиненную роль. Необходимость «эмансипировать» профессиональные союзы от социал-демократии он выводит не из тактических оснований, а из присущего ей противоречия.

В чем же заключается это противоречие? В том, что, по мнению г. Зомбарта, социал-демократия рассматривала всегда профессиональные союзы как «средство к достижению цели», между тем как нормально развиваться они могут лишь, будучи «самодовлеющей целью». Но поскольку профсоюзы, как до сих пор в Германии, стоят на почве общего социального развития, окончательные результаты которого социал-демократия формулирует в своей конечной цели, то, если бы даже утверждение г. профессора соответствовало действительности, не может быть никакого противоречия между «средством» и «целью», между профсоюзами и социал-демократией. Наоборот, социал-демократии надлежало бы тогда приложить все усилия к строительству профсоюзов, если бы даже непосредственный под'ем рабочего класса сам по себе не был ей дорог, а служил бы для нее лишь средством к ускорению социалистического переворота. И она должна была бы найти нужное для этого «внутреннее спокойствие», каким обладает уже тридцать лет, принимая участие в буржуазном парламентаризме, вырабатывая законодательство по охране труда, словом, во всей своей повседневной работе. Таким образом, между социал-демократией и профсоюзами, как они есть, никак не может быть противоречия, а наоборот, они должны находиться в теснейшей взаимной связи.

Противоречие мыслимо в одном лишь случае, а именно, если бы профсоюзы стояли не на той почве, какую занимают в настоящее время в Германии, если бы, например, они, подобно старым английским тред-юнионам, вместо классовой

борьбы стали на почву гармонии интересов в современном обществе и верили в возможность достаточного соблюдения интересов рабочих в пределах этого общества, словом, если бы они стали на почву «правильного», «реалистического», «исторического» метода г. Зомбарта, как мы с ним выше познакомились,—тогда, действительно, между социал-демократией и такими профсоюзами существовало бы резкое противоречие. Ибо социал-демократия, действительно, беспощадно разрушает все иллюзии вульгарной экономии, веру в гармонию интересов в капиталистическом обществе, в возможность неограниченного повышения доли труда в национальном доходе. Существование таких профсоюзов с социал-демократией могло бы лишь повести к следующей альтернативе: или рабочие, следуя за социал-демократией, распростились бы с «реалистическим» методом и всей его маниловщиной гармонии и блаженства, или же, чтобы остаться верными иллюзиям этого метода, повернули бы спину социал-демократии.

Здесь-то и зарыта собака, в этом и кроется политическое значение зомбартовской проповеди в области профессионального движения. «Реалистический», «исторический» метод начинает с того, что рисует профсоюзам безграничные перспективы хозяйственного под'ема, чтобы закончить поклепом на социал-демократию, будто она служит подлинным препятствием этому под'ему.

Но не протестует ли сам г. Зомбарт многократно против допущения, будто он подстрекает профсоюзы против социал-демократии? Не пишет ли он категорически, что его идеал профессионального деятеля «может быть в то же время и убежденным социалистом, искренним социал-демократом» (стр. 66), не повторяет ли он сам несколько раз, что социал-демократия является в Германии ныне и присно единственно возможной рабочей партией?

Да, это так! Ибо г. экстраординарный профессор—человек экстраординарно (исключительно) осторожный. С своего «птичьего полета» он сделал много наблюдений и многое знает. Он знает, что «престиж этой партии (социал-демократии) в немецких рабочих кругах так велик, что нужны целые десятилетия или чудо, чтобы у нее мог явиться серьезный соперник из какого-нибудь другого лагеря», он знает, что «это просто невежественный утопизм, если кто-либо надеется, что усиление профсоюзов устранит социал-демократию», что «всякая политика, задающаяся этой целью, уже с самого начала осуждена на полное бесплодие», и что «каждая атака против социал-демократии будет только укреплять ее позицию». Словом, в переводе с профессорского «штиля» на простой человеческий язык, он знает, что если бы экстраординарный профессор пожелал явиться к рабочим

и неуклюже, на манер какого-нибудь Венкштерна, натравливать их на социал-демократию, то «совместное его устремление» с рабочим классом молниеносно бы оборвалось. Он разрешает, поэтому, своему «верующему стороннику профессионального движения» быть «в то же время» и добропорядочным социалистом. Он хочет только одного: «цивилизовать» социал-демократию, т.-е., извлекая зомбартовские мысли из-под слоя комплиментов социал-демократии и располагая их в ином порядке,—свести ее социализм к убеждению, что переход от капиталистического к социалистическому строю обнимает собой, примерно, не более коренное обновление, чем «муниципализация трамваев» (стр. 67), что «как интенсивно, так и экстенсивно капиталистическая хозяйственная система будет прогрессивно развиваться еще целые столетия», и «конечно, центр тяжести хозяйственной жизни на необозримое еще время будет лежать в предприятиях капиталистического типа» (стр. 95), что «капитализм и социализм вовсе не исключающие друг друга противоречия, что, наоборот, их идеалы могут быть до известной степени очень хорошо совмещены в одном и том же общественном строе» (стр. 94—95), что, наконец, «является вопросом целесообразности, как лучше рабочему охранять свои интересы: при помощи самостоятельной рабочей партии, или же воздействием на другие, уже существующие партии» (стр. 81), т.-е., что это вопрос чистой целесообразности, кому бы следовало доверить осуществление вышереченного социализма, социал-демократии или свободомыслящим, национал-либералам, центру или консерваторам.

Мы, с своей стороны, высказываемся решительно за национал-либералов...

Здесь перед нами, как на ладони, вся тайна «верного», «реалистического», «исторического» метода. Оспаривать открыто социал-демократию, опровергать ее учение?—Фи, как несовременно, как нереалистично, как «неисторично»! Нет! Стать без обиняков на почву рабочего движения, признать все: профсоюзы и социал-демократию, классовую борьбу и конечную цель, под всем подписаться! Только... подвести под профсоюзы, в их собственных интересах, такой фундамент, на котором они неизбежно станут в противоречие с социал-демократией, «цивилизовать», т.-е. превратить социал-демократию, в ее собственных интересах, в национал-социальную партию, и социализм, в интересах его собственного осуществления, превратить в нечто тождественное с капитализмом,—словом, в интересах классовой борьбы свернуть шею этой самой классовой борьбе,—вот в чем штука!

— И тот только, кто исследовал так называемый рабочий вопрос до этой глубины,—говорит г. профессор Зомбарт,— может понять, о чем же, в последнем счете, идет тут дело...» (стр. 92).

III

«Немецкая наука» политической экономии состоит с давних времен на службе у полиции. Полиция укрощала социал-демократию дубинкой, а наука должна была выступать против нее с «духовным оружием».

Она это и делала: сперва одурачиванием общественного мнения и проповедью гармонии интересов и никчемности классовой борьбы, для чего мудрые профессора исписывали толстые томы ученых трудов. Затем, когда эти теории были вдребезги разбиты Марксом, она занялась «опровержениями», а больше—клеветой на Маркса и его учеников. Еще позже она состряпала буржуазно-социалистическую микстуру: катедер-социализм. Наконец, когда профессорская микстура была предоставлена ее изобретателям для собственного употребления, а учение Маркса стало в руках социал-демократии грозной силой, она опустилась до прямой поддержки полиции, до исключительного закона против социалистов.

Но после того как этот закон пал, и социал-демократия одним движением плеч стряхнула с себя одновременно и полицию и «немецкую науку», Путкамера вместе с Шеффле и Шмоллером, «немецкая наука» уползла в свои кабинеты и довольствовалась с этих пор тем, что за присвоенное ей содержание готовила в университетах буржуазную молодежь к прусско-германской государственной службе.

В течение целого десятилетия «немецкая наука» оставляла в покое рабочее движение.

Буржуазия окончательно покинула надежду справиться с социал-демократией, она разуверилась в обоих своих холопах, в полицейском кулаке, но еще больше—в профессорской голове.

Но в конце 90-х годов наступает новый промышленный под'ем, и с ним водворяется эра мировой политики. Перед буржуазией раскрываются новые горизонты. Ряд лет промышленного расцвета, перспективы нового золотого дождя барышей в связи с вооружениями и грезящимися завоеваниями мировой политики,—все это заставило встрепенуться приунывший было буржуазный мир.

Но для мировой политики, для «национальной» политики буржуазии необходимо содействие народных масс. С другой стороны, в перспективах промышленного под'ема она надеется обрести новую приманку для рабочего класса.

С новым приливом бодрости она еще раз хочет попытаться завоевать рабочую массу. Вновь раздается команда: ученые, за работу! И засохшие в своих кабинетах профессорские мумии выползают одна за другой на дневной свет, спешат на народные собрания и послушно поют пролетариату русалочьи песни о буржуазной мировой политике.

Но впереди всех легко и изящно выступает юношески свежий, подающий надежды, с головы до ног модернизированный г. экстраординарный профессор Вернер Зомбарт. В руках у него «верный», «реалистический», «исторический» метод, творящий чудеса с упрямым пролетариатом, и талисман, открывающий перед ним карьеру самого компетентного профессора в области «мировой политики»: «способность линять». Г. Вернер Зомбарт усвоил себе эту, столь ценимую им, способность путем систематических упражнений. Сперва он был усердным учеником Маркса, и старый Энгельс, так мало избалованный немецкой профессурой, сказал ему в похвалу несколько ободряющих слов. «Значит,— заканчивает г. Зомбарт свой некролог Энгельсу [1]),—он был хороший человек».

Тогда профессор Зомбарт предоставлял «политическим карьеристам» заниматься опровержением учения Маркса. Но эра мировой политики сломила не один нежный цветок, в том числе и научную непредубежденность бреславльского профессора. Франц Меринг, раскусивший нашего профессора на первых же порах и тогда уже давший ему надлежащую отповедь, оказался прав и на этот раз. Г. Зомбарт ринулся, подобно прочим своим коллегам, в водоворот «политической карьеры» и кончил тем, с чего другие профессора начинают: борьбой против марксизма.

Это превращение произошло быстро и основательно. Раньше г. Зомбарт доказывал, к ужасу своих либеральных коллег, что Германия развивается не из импортирующего государства в экспортирующее, а в обратном направлении, чем он, к слову сказать, давал протекционистам желанную аргументацию. Сейчас он сражается, плечом к плечу со своими коллегами, за великий германский флот, который был изобретен «для охраны немецкого экспорта» *).

Раньше он распинался в самых теплых симпатиях к «социальному движению» рабочего класса против реакции и эксплоатации, ныне он выступает рука об руку с гг. Венк-

---

[1]) Zukunft 24 октября 1895 г.

*) В 1900 году, когда законопроект германского правительства о постройке огромного флота вызвал всеобщее возмущение среди рабочих—на народных собраниях в Берлине выступала группа профессоров, пытавшаяся склонить пролетарские массы в пользу законопроекта; среди них: престарелый катедер-социалист Вагнер, проповедник «социального мира» Шмоллер, колониал-патриот Леви, профессор из Kreuzzeitung, Венкштерн и бреславльский «друг рабочих» Вернер Зомбарт.

штерном и Леви за реакцию и ущемление рабочих во имя мировой политики.

Раньше он хотел отстаивать культурные интересы Европы против азиатского варварства, ныне он защищает варварство пангерманского шовинизма против азиатской и европейской культуры.

Раньше он брал под защиту учение Маркса против его старинного врага, официальной «немецкой науки»; ныне он выступает во имя той самой «немецкой науки» против марксизма.

В своем «Социализме и социальном движении» г. Зомбарт об'ясняет присоединение Лассаля к рабочему движению тем, что его «титаническое», «демоническое» честолюбие должно было во что бы то ни стало пробить себе дорогу на «политическую ниву»,—«туда, куда неизбежно приходят в наше время все честолюбивые люди, если не могут стать военачальниками или артистами».

Что касается самого г. Зомбарта, то, по нашему мнению, он мог бы стать так же хорошо артистом, например, канатным плясуном, как и флотским адмиралом, судя по его морскому энтузиазму. Но, очевидно, он обладает еще более титаническим и демоническим честолюбием, чем Лассаль. Он предпочел как искусство акробата, так и морской энтузиазм перенести на «ниву политики».

Он выступает на арену исполненный сознания, уверенный в себе, во всеоружии всей суммы знаний и последних достижений века: он усвоил социальные гармонии Шульце-Делича, Шульца-Геверница и других вульгарных Шульце, исторический метод Рошера, английскую ограниченность супругов Вебб, блестящие жесты Лассаля, самомнение Юлиана Шмидта, целый мешок цитат из всех языков, поэтов и времен, стиль, сплетенный из стародедовских архаизмов, профессорского велеречения, афоризмов Ульриха фон-Гуттена и пророческих пошлостей собственного изготовления, наконец, клевету и лесть, как безошибочные средства психологического воздействия.

Лассаль, тот самый Лассаль, величественные жесты которого микроскопический профессор имитирует своими ручонками, представляется ему гигантским карьеристом, который ухватился за рабочий класс, так как буржуазные партии его отвергли *).

Либкнехт для него—«дух гип-гип-ура» (никогда не выходящий из состояния восторженности).

Бебеля—Бебеля Ганнноверского партийного с'езда, провозгласившего лозунг: от экспроприации мы не откажемся!—он сперва рисует в своих бреславльских лекциях, в слишком

*) «Социализм и социальное движение», 3-е издание, стр. 46.

уж прозрачно написанном с него портрете, типом «политических младенцев, верящих в близкий конец буржуазного мира», которые «ежеминутно отбегают, чтобы посмотреть, не приближается ли уже новое царство, текущее млеком и медом», типом «отмирающего поколения социальных фантастов», которые «вечно носятся с идеей возможности в близком будущем общественного строя хозяйственной жизни без капиталистических предпринимателей» и не перестают пророчить «светопреставление» на определенный день.

Но сочтя возможным использовать речь того же Бебеля о профессиональных союзах и политике в подтверждение своего «реалистического метода», он осыпает его в приложении к своим лекциям уже в последний момент, во время их печатания, целым букетом похвал.

Он, дескать, принадлежит к тем «великим вождям, которые обязаны своим авторитетом отнюдь не только силе своей логики, но еще в бо̀льшей степени душевной тонкости, позволяющей им улавливать самые сокровенные движения народной души», которые «эволюционируют в своих взглядах» параллельно с тем, как меняются «искания масс» (даже классовую борьбу пролетариата г. профессор не может себе представить иначе, как гигантский массовый карьеризм!), в «приспособляемости» которых сказывается их народность, в наилучшем смысле этого слова; он, Бебель, «в любой момент распознавал своим тонким инстинктом мысли и чаяния масс», он является «диагональю между различными течениями и направлениями в социал-демократии» и т. д. Изобразив таким образом Бебеля политическим флюгером, он обдает его напоследок еще целым душем личных комплиментов: «мистическое поклонение», «безграничное доверие» масс, «горячее сердце», «благороднейший характер», «личное обаяние», «свежесть и живость», «огненный дух», «неподкупность», полное сходство с старым Энгельсом в «способности эволюционировать» и одновременно полное сходство... с старым Бисмарком в способности воплощать надежды и стремления масс! Г. Зомбарт забыл только, что с расточаемыми похвалами он именно у Бебеля рискует встретить совершенно неожиданный прием, ибо не кто иной как Бебель заявил своим правилом: «Когда меня хвалят противники, я должен сейчас же поставить себе вопрос, не наделал ли я какой-нибудь глупости».

После вожаков приходит очередь и на маленьких людей, на долю которых тоже выпадает то брань, то ласка. Сперва идут «такие люди, как фон-Эльм, Легиен, Зегитц, Милларг, Тимм, Деблин, Перш и др.», «новое поколение офицеров наших профессиональных союзов», к которым примыкает соответствующая рать унтер-офицеров, проникнутых одинаковым с ними стремлением. (О, это стремление! Повсюду

«стремление», г. профессор!) «Эти люди» представляют собой «новый тип профессиональных деятелей по призванию», у которых «вполне созрели специальные способности и знания»; в них шевелится «новый дух», «собственная душа», эти «дельные люди» строят «новую веру» и пр. и пр.

Иначе, однако, чем эти «офицеры», которых г. Зомбарт превратил в профессиональных деятелей по своей мерке, трактуются наши политические агитаторы из рабочих кругов. О них г. профессор ничего не хочет знать: «От поверхностных, безмозглых болтунов, которые еще и сейчас нередко задают тон в печати, народных собраниях и союзах, от тех пустомель, которые на то только и годны, чтобы, подобно попугаям, повторять несколько затверженных, непонятных фраз из партийной литературы или по-бычачьи реветь перед толпой, которые испорчены для всякой иной работы, кроме «партийной агитации»,—от этих «карикатурных политических агитаторов» г. профессор Зомбарт хочет избавить немецкий рабочий класс... (стр. 91 нем. изд.).

В «Социализме и социальном движении» (стр. 161) г. Зомбарт горько жалуется на исчезновение добрых нравов и изящных манер в нашей классовой борьбе. «Как отталкивающа, как оскорбительна, как груба бывает даже с внешней стороны манера выражать свои мнения! И разве это необходимо?»

При чтении этих слов мы почувствовали в них крик наболевшей души. Нас давно уже угнетала грубость тона и речи, водворившаяся в нашей партии, и мы от души обрадовались, что нашелся человек, обратившийся к партии с серьезным словом увещания. На примере самого профессора Зомбарта мы видим лучше всего, как можно оспаривать своих противников в самой деликатной, утонченной форме. Поэтому, чтобы не впасть, чего доброго, в грубый, отталкивающий и оскорбительный тон, мы будем строго придерживаться стиля г. профессора.

Итак, г. экстраординарный профессор, вы хотите избавить рабочий класс от «карикатурных политических агитаторов»? Кого же, собственно говоря, вы имеете в виду? Значит, те бесчисленнные социал-демократические агитаторы, которые во время закона о социалистах провели за тюремной решеткой в общей сложности не менее тысячи лет, это и есть те пустомели, о которых вы изволите говорить? Эх, вы, беллетрист по части политической экономии, всю жизнь благополучно проведший в академических аудиториях и буржуазных салонах!

Или, может быть, наши скромные редакторы мелких провинциальных газет, или наши ораторы народных собраний, с несказанными усилиями выбившиеся из своего пролетар-

ского прозябания, в упорной борьбе добывавшие каждую крупицу образования и собственным трудом выдвинувшиеся в апостолы великого освободительного учения—это и есть те «поверхностные, безмозглые болтуны», которых вы помянули? О, поверхностный болтун, которому с молодых ногтей вдалбливали в голову пошлые трюизмы и аксиомы немецкой политической экономии, чтобы, если поможет бог и мировая политика, сделать из вас ординарного профессора!

Наши бесчисленные и безымянные агитаторы, которые, ставя ежеминутно на карту существование свое и своих семей, не щадят труда и усилий, чтобы постоянно вновь и вновь будить массу на собраниях и в союзах и сотни и тысячи раз повторять ей старое и вечно новое слово социалистического евангелия,—это и есть те «карикатуры политических агитаторов», которые «твердят, как попугаи» фразы из партийной литературы или «ревут их перед толпой, как быки»? О, потешная карикатура Лассаля, вы-то и твердите, как попугай, старую песенку Брентано: реветь-то вы не ревете, но улещаете массу, нашептываете, инсинуируете ей, рассчитывая на ее наивность и добродушие, ветхие теории о пагубности социал-демократии!

Разделавшись так с рабочим классом, в лице его крупных и мелких вождей, где бранью, где похвалой, г. профессор уверяет на прощание свою аудиторию, что у рабочего класса нет оснований падать духом, так как и «немецкая наука» стоит на его стороне и поддерживает его стремления.

Так вот, г. профессор Зомбарт, желающий «цивилизовать» социал-демократию, да будет вам ведомо, что «немецкая наука», которая п р о т и в М а р к с а и Э н г е л ь с а метала гром и молнии, поддержала закон о социалистах, направленный против социал-демократии, затем пыталась заманить рабочий класс на сторону морского милитаризма и мировой политики, снискивая себе этим ордена и награды, теперь, наконец, пытается при помощи грубой демагогии отвлечь организованный пролетариат от социал-демократии, эта «немецкая наука» не стоит на стороне немецкого рабочего класса, она стоит на стороне тех немецких м о р с к и х б а т а л ь о н о в, которые сейчас высаживаются в Китае, чтобы выполнить цивилизаторскую миссию гуннов.

И если она стоит «позади» рабочего класса, то разве в том смысле, что рабочий класс сейчас, как и всегда, с должным презрением поворачивается спиной к этой украшенной орденами, угодливой, чванной, приспосабливающейся «немецкой науке».

В Neue Zeit эта статья сопровождалась следующей заметкой Ф. М е р и н г а:

«В своем сочинении, послужившем предметом разбора для тов. Люксембург, экстраординарный профессор Зомбарт подчеркивает, что я до

сих пор не исполнил данного за несколько месяцев перед тем в «Форвертс» обещания осветить его хитросплетения по вопросу о профессиональных союзах. В этом он прав. Свалившаяся на меня неожиданно спешная партийная работа и продолжительное отсутствие из Берлина не позволила мне в срок это сделать, а когда я по возвращении собирался приняться за дело, то Каутский мне сообщил, что тем временем над экстраординарным профессором сжалилась тов. Люксембург. Последняя любезно разрешила мне просмотреть свою рукопись, и так как я нашел в ней все, что лежало у меня на сердце, и притом выраженное несравненно лучше, чем мог бы это сделать я, то я и обращаюсь к г. экстраординарному с покорнейшей просьбой рассматривать ее критический очерк одновременно и как выполнение моего обещания. Тонкие комплименты, которыми он меня почти в послесловии к своим фельетонам о социализме, потому лишь, что я четыре года тому назад предостерегал его в вежливо-снисходительной форме от перспективы превратиться в Шефле № 2, я охотно ему прощаю, поелику он действительно стал Шефле № 2, при чем отличающий его от этого предшественника недостаток учености он старается восполнить чуждым последнему развязным тоном.

Штеглиц — Берлин, 10 сентября 1900 г.

Ф. Меринг.»

В СОВЕТЕ УЧЕНЫХ [1])

Есть еще на свете вещи, образующие в наш нервный, стремительный век твердую опорную точку, на которой мятущаяся мысль может отдохнуть и вновь обрести утраченный образ вечности: это почтенная фигура немецкого профессора. Уже в течение тридцати лет немецкий профессор твердо и незыблемо верует в свое историческое призвание, заключающееся в том, чтобы об'яснять историю, разрывая ее на клочки, влиять на общественную жизнь, проповедуя социально-политическое сознание людям, пораженным глухотой, и обращать науку на службу социального прогресса, служа господствующей реакции.

Как и тридцать лет тому назад, профессор Шмоллер открыл текущее годичное общее собрание Союза социальной политики (Verein für Sozialpolitik) указанием на его возвышенную задачу: посреди ожесточеннейшей классовой и партийной борьбы защищать ученой, богобоязненной и верноподданной грудью «широкое поле социального божьего мира». Как и тридцать лет перед тем, светила официальной общественной науки, Шмоллер, Брентано, Зомбарт, Филиппович, заседали вместе с отставными имперскими министрами, тайными советниками и представителями крупного капитала, чтобы еще раз доказать себе и миру, что вся их тридцатилетняя социально-политическая проповедь говорилась на ветер, и что профессорское красноречие не в состоянии извлечь из каменистой почвы капиталистического государства ни на иоту больше социал-реформистских усту-

---

[1]) Напечатана в Neue Zeit 1903/04, № 1.

пок, чем отвоевывается у него железным кулаком пролетарской борьбы.

Если что-либо придало в этом году общему собранию шмоллеровского Союза особую рельефность, так это то обстоятельство, что как раз только что перед этим потерпела позорный крах, если не первая, то, по всей вероятности, последняя попытка сделать основную идею ученых «морских» апостолов социального мира осью практической политики. Блаженной памяти Наумановская национал-социальная партия была не чем иным как воплощенным соединением идеи «социального божьего мира» с бронированным кулаком Гогенцоллернов «божьей милостью», и ее трагикомическое самоубийство после семилетнего смехотворного прозябания служит забавнейшим сатирическим комментарием к заключительному возгласу Шмоллера на Гамбургском общем собрании: vivant sequentes! (Да здравствуют те, кто последует!)

В прениях этого года ученые мужи имели особенный повод явить всему миру свои теоретические достижения, а именно, в области важнейшей проблемы современной хозяйственной жизни,—проблемы кризисов. Отрицание учения Маркса о кризисах, в частности, неизбежности кризисов при капиталистическом строе хозяйства и периодического цикла кризисов, составляло уже и раньше, но в особенности за время последнего периода под'ема, железный фонд социал-реформистской теории развития, нашедшей себе отзвук в наших рядах в форме ревизионизма. Картели, с одной стороны, профессиональные союзы—с другой, были теми двумя столпами, на которых покоилось новейшее учение о гармоническом непрерывном прогрессе капиталистического хозяйства, позволившее официальным представителям «немецкой науки» гармонически прижать к любовному сердцу в одно и то же время и «гениальных предпринимателей», членов реакционных картелей, и ведущих профессиональную борьбу «господ рабочих».

Разразившийся в 1900 году жестокий кризис беспощадно разрушил воздушное здание этой теории: скоро, под впечатлением его внушительных доводов, умолкли хвалебные гимны о спасительном действии картелей, поблекли сильно и любовные чувства, питаемые бреславльской экстраординарной наукой к гг. рабочим. Но официально и формально социал-реформистская буржуазная политическая экономия еще не справилась с последним кризисом, опрокинувшим все ее опровержения теории Маркса. Эта задача предстояла общему собранию в Гамбурге, современная профессорская наука должна была официально запротоколировать новейший кризис и дать ему свое теоретическое освещение.

Какой же научный анализ дала она? Реферат о кризисе прочел г. профессор Зомбарт, «в свойственной ему блестящей форме», как выразилась одна свободомыслящая газета. Правда, прошли те времена, когда, по словам Маркса, немецкая профессорская наука была так туманна, таинственна и глубокомысленна, что у простого смертного от ее штудирования могла затрещать не только голова, но и совсем другая часть тела. Профессор Зомбарт придал ей современный привлекательный вид, превратил ее из мрачного гробокопательства в изящную фельетонщину.

Прежде всего, профессор Зомбарт ставит новейший кризис в причинную связь с предыдущим периодом процветания, и тот и другой—с колебаниями в производстве золота. Избыток золота повлек за собой промышленный под'ем, а недостаток золота причинил кризис. Мы имеем здесь перед собой, как всякий должен признать, классическое упрощение проблемы. Общественно, конечно, что в последнем периоде под'ема на ряду с другими внешними моментами играли роль, несомненно, и усиленное производство золота; г. Зомбарту принадлежит, однако, неоспоримая заслуга того открытия, что сильный приток золота конца восьмидесятых и начала девятидесятых годов был единственным действительным фактором под'ема, и прежде всего, что остановка притока золота была основной причиной кризиса. Производство золота, с его случайными колебаниями и внезапными сменами, как главная причина целого производственного цикла,—это новейшее теоретическое достижение немецкого профессора, который некогда прошел через школу Маркса! Как известно, Маркс первый вскрыл анархию, как закон, лежащий в основе капиталистического способа производства. Но и внутри этой анархии Маркс открыл особые законы капитализма, которые именно через анархию осуществляются и регулируют хозяйство как целое. Г. экстраординарному Зомбарту было суждено поставить на место закономерности анархии господство случая.

Но эта блестящая «золотая теория» производственного цикла сплетена в теоретическом сумбуре г. Зомбарта еще с другой многоученой теорией, с новейшим продуктом исправляющей Маркса катедер-экономической науки—с теорией «диспропорции производства» Туган-Барановского. Туган различает производство средств потребления для человеческих нужд и производство средств производства для промышленных, торговых или сельскохозяйственных нужд. Это последнее производство имеет для него решающее значение, оно создает само по себе неограниченный спрос, и лишь отсутствие правильного соотношения между отдельными отраслями производства, а не между производством и человеческим потреблением, служит, будто бы, истинной

причиной кризисов. Г. Зомбарту эта комбинация нравится, но он хотел бы внести в нее свою поправку. На место предложенного Туган-Барановским различения производства для человеческих нужд и производства средств производства он ставит новую категорию: производство из органических и производство из неорганических веществ. Последнее и представляется ему настоящим источником кризисов. Таким образом, одним изящным жестом г. Зомбарт дает яркий пример судьбы, постигающей буржуазную политическую экономию со времени Адама (Смита) до наших дней.

Теория Туган-Барановского, которую г. Зомбарт и его коллеги провозглашают новым открытием, представляет собой, в сущности говоря, не что иное, как видоизменение старой теории Сэя. Уже почти сто лет тому назад Сэй писал: «Если кажется, что на рынок выпущено какого-нибудь товара слишком много, то причина лежит не в том, что его произведено слишком много, а в том, что произведено слишком мало других товаров». Это и есть по существу «диспропорция» Тугана. Она основывается, как у русского экономиста, так и у его французского предшественника, на той мистификации, будто товары покупаются не людьми, а товарами. Но и здесь уже между ними обоими имеется огромное различие. У французского патриарха вульгарной экономии который еще дышал в свежей атмосфере классической школы, исходную точку его учения о кризисах образует теория Рикардо о способности человеческих потребностей к неограниченному росту. Здесь, как и во всех частях учения Смита-Рикардо, классическая ошибка заключалась в смешении естественных законов человеческого общества с историческими пределами буржуазного общества, в данном случае—в смешении социальных потребностей человека, которые сами по себе физически, психически и эстетически неограничены, с общественно очень ограниченным платежеспособным спросом разных классов потребителей капиталистического хозяйственного строя. Сэю, как и Рикардо, представляется, что капиталистическое производство не связано никакими границами, ибо мир человеческих потребностей неограничен, и при таком понимании кризисы являются лишь результатом неправильной пропорции в удовлетворении различных потребностей человека.

Сэй писал в то время, когда капитализм находился в первоначальной стадии своего развития, еще до появления периодических циклов кризисов. Через сто лет выступает русский профессор, который учился у Маркса, но хочет его «ревизовать» и исправлять. Туган-Барановский проштудировал основательно учение Маркса о фетишистском характере товарного производства, он так углубился в это учение, что в конце концов невзначай сам стал фетишистом. Вскры-

тая Марксом капиталистическая иллюзия, будто производство существует для производства, а не для потребления, будто машина потребляет человека, а не человек машину, представляется ему горькой правдой и жестокой действительностью. Если Рикардо-Сэй смешивали капиталистического потребителя с человеком вообще, то через сто лет «марксист» Туган-Барановский благополучно смешивает человека с капиталистической машиной и таким путем приходит в теории кризисов к одинаковому по существу результату. Для него, как и для Сэя, производство само по себе не связано никакими границами, но не потому, что человек ненасытен, а потому, что ненасытна машина! Кризисы являются лишь результатом неразумия человека, изнывающего в каторжном труде, чтобы удовлетворять прожорливое стальное божество.

Но в заключение является еще немецкий профессор, чтобы увенчать здание. Очевидно, что немецкий профессор, да к тому же еще экстраординарный, должен с своей стороны предпринять такого рода исправление теории кризисов Рикардо-Сэя-Барановского, чтобы при этом исчезло не только содержание этой специфической теории, но всякая теория кризисов вообще вместе со здравым человеческим смыслом. «В свойственной ему блестящей форме» г. Зомбарт поучает своего русского коллегу, что имманентную (присущую) тенденцию безгранично расширяться имеют не те отрасли, которые изготовляют средства производства, а те, которые употребляют для производства неорганические вещества. Дело в том, что, по мнению бреславльского профессора, неорганические вещества имеют особое свойство,—легко создавать высокую капиталистическую прибыль и потому оказывать особенно притягивательное действие на алчущий прибыли капитал. Отсюда проистекает склонность таких отраслей производства к скачкам, внезапным расширениям и перепроизводству.

Итак, границы производства обусловлены органической природой одних веществ, а фактор образования кризисов заключается в неорганической природе других веществ. Царство камней (минеральное царство) служит камнем преткновения для хозяйственного развития, а белок—коррективом капиталистического строя! По экстраординарному бреславльскому рецепту, мы переселились внезапно с теорией кризисов из политической экономии в область химии, из буржуазного общества—в божье царство природы. Этим «исходом» «немецкой науки» из политической экономии окончательно опровергается Маркс со своей теорией кризисов. Мы решительно отвернулись от него, и если в нас еще шевелятся какие-нибудь сомнения, то разве лишь по вопросу, почему бы нам, собственно, строить теорию кризисов на

различии органических и неорганических веществ, а не на различии твердых и мягких, или красных и синих, или кислых и сладких веществ.

Но это уже, очевидно, только дело вкуса, поскольку мы уже перенеслись на вольный простор естественных наук. Однако, перед лицом новейшего кризиса, независимо от того, возник ли он от органических или неорганических веществ, основной научный вопрос заключается лишь в том, что сталось с обоими столпами прежней теории бескризисного тысячелетнего царства капитала, с картелями и профессиональными союзами. Куда девалась их торжественно обещанная, предотвращающая, посредническая и регулирующая функция, или всякие другие их экономические функции!

О профессиональных союзах в связи с новейшим кризисом г. профессор не говорит нам ни одного слова, а о картелях он бросает нам с милым легкомыслием лишь конфузливое уверение, что картелям давалась до сих пор вообще «сильно преувеличенная оценка», как в благих, так и дурных их проявлениях. Этим скромным безличным намеком все и ограничивается, все, чем «немецкая наука» расписывается в только что понесенном полном поражении. Последний кризис так же торжественно похоронил теорию социального мира, как крах национал-социальной партии похоронил практику социального мира, и ученые апостолы мира не заметили даже, что угодили на свое очередное общее собрание прямо с похорон собственного учения! Пошлая мешанина «золотой теории» с «теорией белков» для об'яснения кризисов, конфузливый лепет о картелях, полное умолчание о профессиональных союзах,—вот и все, что осталось от возвещенного гордыми трубными звуками мирного «во что бы то ни стало» социального развития.

Таков облик профессорской «науки», которая хочет распутать сложный узел капиталистических явлений и провести буржуазное общество через подводные скалы хозяйственных и социальных боев в тихую гавань социального божьего мира. Такой жалкий вид она получает, когда она, в целях затереть следы исследований Маркса, вынуждена осмелиться пуститься в область синтеза, вскрытия всеобщих законов, истолкования великих хозяйственных проблем.

Если Италия была колыбелью меркантильной системы, Франция создала свою школу физиократов, Англия—классико-политической экономии, а Германии суждено было породить теперь свою «историческую школу», то все это произошло не случайно. Тогда как те великие системы политической экономии действительно направляли и оплодотворяли своими всеоб'емлющими идеями практическую политику восходящей и борющейся против феодализма буржуазии, немецкой «исторической» политической экономии выпало на

долю, напротив, снабжать буржуазно-феодальный компромисс духовным оружием для борьбы против восходящего рабочего класса. Конечно, и в Германии официальная наука выполняет известную положительную функцию. Современный государственный механизм не так прост, как управление стадами овец патриархов Авраама и Иакова, бюрократ не в состоянии один овладеть широко разветвленной областью социального хозяйства. Как естественное дополнение к бюрократу в канцелярии, выступает на кафедре немецкий профессор, теоретизирующий бюрократ, который раздирает живую ткань социальной действительности на мельчайшие волокна и частицы, перераспределяет и рубрицирует ее по бюрократическому усмотрению и в обескровленном виде подает в качестве научного материала для административной и законодательной деятельности тайных советников. Эта усердная атомизирующая работа достигает того результата, что дает картину социальной жизни, словно отраженную в разбитом на тысячи осколков зеркале, и в то же время служит вернейшим средством развязать теоретически все великие социальные узлы и в «научной» форме скрыть за деревьями капиталистический лес.

В ста трех томах «Союза социальной политики» социальная наука закрыта глубоко и основательно под огромным могильным холмом социальных знаний. И между тем как угольный кризис, хлопчатобумажный кризис, железный кризис и всякие другие кризисы изучены с величайшим усердием вдоль и поперек, один только *капиталистический* кризис все еще остается для «немецкой науки» загадкой, для раз'яснения которой бреславльский экстраординарный профессор предпринимает, наконец, отчаянный прыжок в область минералогии, чтобы под тяжестью «неорганических веществ» раздробить революционное учение Маркса о кризисах, раскрытые Марксом «злокозненные» законы капиталистической эксплоатации и накопления.

Если эта «наука», работающая для повседневных нужд господствующего буржуазного общества, твердит, однако, вот уже тридцать лет, что обрабатывает поле социальных реформ, то как раз последние дебаты о *морском регламенте* на Гамбургском общем собрании вновь свидетельствуют, что эта длительная мистификация никого больше уж не обманывает, кроме, разве, самих господ ученых. На свою робкую критику приемов, практикуемых крупным капиталом по отношению к морякам, они получили со стороны представителей союза пароходных обществ суровую отповедь, показавшую им в очень чувствительной форме, что капитал не возражает против безобидной болтовни «немецкой науки», поскольку она пригодна для того, чтобы убаюкивать «большого верзилу»—пролетариат и отвращать

его от социал-демократии; но стоит ей только в своей «беспристрастной» ограниченности дать маху и попытаться, в качестве слабого эхо социал-демократического рупора, выступить против самого капитала в защиту интересов рабочих, и он сейчас же очень бесцеремонно затыкает ей рот.

И с противоположной стороны Зомбарт, Шмоллер, Берлепш и сподвижники получили должное; они были принуждены официально констатировать, что, несмотря на всю свою любовь и все свои усилия, им не удалось найти хотя бы одного «господина рабочего», который бы согласился принять на себя назначенную ему роль,—представлять «наше трудолюбивое рабочее сословие» в просвещенном синклите «королевских купцов», современных профессоров и социал-реформистских экс-превосходительств и защищать дело своего класса, при расследовании взаимоотношений капитала и труда беспартийным руководством «немецкой науки». Цвет немецкого рабочего класса, только-что 16 июня [1]) опять демонстративно отвернулся от ученых рыцарей социального божьего мира, чтобы в экономической и политической классовой борьбе давать отпор капиталу. Но и менее сознательные, неорганизованные рабочие чувствуют инстинктивно, что официальная немецкая государственная наука осталось, по своему существу, и поныне той самой, какой была столетием раньше, во времена блаженной памяти фон-Берга: королевско-прусской полицейской наукой.

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ [2])

Недавнее выступление «Общества социальной реформы» (Gesellschaft für Soziale Reform) является маленьким событием, не лишенным исторического интереса. Приведенная в ужас бурным потоком оголтелого делечества, небольшая компания добрых людей и плохих музыкантов отважилась явиться перед публикой, чтобы в довольно нескладном концерте, в котором хвалебные песни в честь социальной реформы смешивались с гимнами «патриархальному» бичу крупного капитала и желтым союзам возвысить свой голос за «продолжение дела» достославной немецкой социальной политики. Самой трогательной фигурой среди этих бодрых и отважных ламанчских рыцарей, угрожавших своими картонными мечами стальной броне капиталистических акул, был престарелый профессор Шмоллер. Этот самый Шмоллер в свое время, 6 и 7 октября 1872 года, созвал в Эйзенахе то знаменитое собрание, на котором самые

---

[1]) Выборы в рейхстаг 1903 г.

[2]) Напечатана в Sozialdemokratische Korrespondenz, 14 мая 1914 г.

прославленные представители немецкого профессорского мира возвестили изумленному человечеству новое евангелие: защиту хозяйственно слабого, мирную социальную реформу, «широкое поле социального божьего мира», которое они поклялись защищать своею ученой, богобоязненной и верноподанною грудью от натиска справа и слева, посреди ожесточенной партийной и классовой борьбы. Основанный тогда «Союз социальной политики» (Verrein für Sozialpolitik) был тою скалой, на которой посреди бушующих волн социальных противоречий должно было развеваться белоснежное знамя социального мира и этики навстречу грядущему веку социальных реформ.

По иронии истории, основание этого союза пришлось, так сказать, символически как раз посередине между двумя другими знаменательными датами. Ровно за три года до эйзенахского откровения помазанных елеем катедер-ученых в состоявшемся в том же Эйзенахе «неблагоприличном» собрании немецких пролетариев было гордо и вызывающе поднято знамя классовой борьбы: то была основанная Бебелем социал-демократическая рабочая партия. И ровно через три года после возникновения «Союза социальной реформы» основное ядро немецкого эксплоататорского мира, тяжелая индустрия Рейнских провинций, с'организовалась в основанный Бюком «Союз немецких промышленников», открыто провозгласивший своей программой политику покровительственных пошлин и крайнюю реакцию. Этот трехчленный план: справа крепость беспощадного картелированного капитала, слева свеже набросанный незаконченный вал революционного пролетариата и между ними флажок семи праведных апостолов мира на кафедре, с нежным пальмовым опахалом социальной реформы в руках,—вот вам точная картина соотношения сил и дальнейших судеб юной германской империи милостью Бисмарка.

Скоро грозные валы классовой борьбы сомкнулись над профессорскими вехами «социального божьего мира». Эра Тессендорфа, закон против социалистов, резкий поворот к таможенному протекционизму, военные законопроекты Бисмарка и все туже зажимаемый винт косвенных налогов, бич политического бесправия и хозяйственное обездоление масс,—вот результаты ближайших пятнадцати лет после основания «Союза социальной реформы». Немецкий профессор отличается истинно героической выдержкой. Он все претерпит и переживет. За время ожесточеннейших боев он скрылся с поверхности и посреди раздававшегося звона оружия терпеливо притаился под своей скромной, забытой миром смоковницей «социальной реформы». С философской кротостью, без протеста перенес он закон о социалистах

и все проделки реакции против рабочего класса, отчасти даже давал им свое благословение.

Но когда рабочий класс победоносно отразил натиск закона о социалистах и устоял, покрытый пороховой пылью, с кровоточащими ранами, но сильный и готовый к дальнейшей борьбе, когда монархия попыталась соблазнить «непокорного верзилу», о которого сломался кнут, пряником социальной реформы, тогда и социал-реформистский профессор вновь воссиял на поверхности. Он порешил, что с социально-политическим евангелием кайзера опять пришло его время. Но и эта мечта недолго длилась. Девяностые годы, после короткой передышки в несколько лет, привели с собой еще более грандиозные и ожесточенные классовые бои, начавшиеся с «каторжного» законопроекта и завершаемые в настоящее время походом против права коалиций. Между двумя великими враждебными державами современности, картелированным капиталом и сомкнутым фронтом социал-демократии, между молотом и наковальней, «Союз социальной реформы» мог в настоящее время возродиться лишь как заплесневелый призрак, чтобы самому приготовить себе могилу.

Трагикомическая фигура Дон-Кихота, честного борца за осужденные историей идеалы, заслуживает всегда симпатии и уважения, несмотря на весь комизм его оружия и походов. Но немецкие профессора социальной реформы сами лишили себя права на то и другое, и на симпатию, и на уважение; и произошло это уже 15 лет тому назад. Дело было зимой с 1899 на 1900 год, когда Германия собиралась, памятным законом о большом флоте, удвоением военного флота, совершить решительный скачок в область политики империалистических авантюр. Речи кайзера о трезубце, который мы должны взять в свой кулак, о нашем будущем, которое «лежит на воде», были сигналом для оргии морского патриотизма по всей стране. И в тот роковой час, когда должен был быть брошен жребий дальнейшего социального и политического развития Германии, внезапно, по приказу кайзера, все социал-реформистские профессора спустились со своих кафедр. Со всем своим ученым достоинством—неслыханная в Германии вещь—они отправились в открытые народные собрания. Престарелый Шмоллер понес свою седину, юный Зомбарт—свои благоуханные кудри в прокопченные табачным дымом берлинские помещения для собраний, чтобы повести агитацию за законопроект о большом флоте! Апостолы «социального божьего мира» обменяли нежное пальмовое опахало социальной реформы на сверкающий меч милитаризма и отдали себя в качестве добровольных загонщиков на службу Молоха, высасывающего мозг из костей народа, растаптывающего своей железной пятой всякую социальную

реформу. А профессор Шмоллер написал в своем ежегоднике черным по белому, что для Германии выросла в качестве первого долга во имя «целей всякой высшей культуры, духовной, моральной и эстетической», а также социального прогресса, новая задача обзавестись «сильным флотом».

Тогда, пятнадцать лет тому назад, буржуазная социальная реформа и подписала себе смертный приговор. Она продала себя тогда собственными руками империализму, как презренная наемница. И если теперь, не сознавая своего позора, она выступила на свет общественности, чтоб замолвить словечко за преследуемые рабочие коалиции, то рабочий класс может с пренебрежительной усмешкой оглянуться на это собрание привидений. Судьбы «Союза социальной реформы» могли для него служить достаточным примером, что социально-политический успех, как и всякое культурное достижение, родится в настоящее время лишь из беспощадной классовой борьбы, что социалистические уступки массам претворяются в факт лишь тогда, когда эти массы из терпеливой наковальни, которой они оставались слишком долго, становятся молотом и всей силой революционной воли ударяют по своим цепям.

120-

ЦЕНА 2 р. 75 к.

Папка 25 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"
Москва—Центр, Кузнецкий Мост, 7. Телефон 5-20-57.
Ленинград—Проспект 25 Октября, 68. Телефон 2-28-56.